

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ «ИСТОРИЯ, ФИЛОЛОГИЯ»

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

- Х. А. Амирханов чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)
- Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)
- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)
- А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)
- А. Е. Демидчик д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)
- А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- О. Д. Журавель д-р филол. наук, доцент (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Г. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)
- А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Польша)
- С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)
- В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия)
- Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Сэндай, Япония)
- Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)
- Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)
- П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, Мидделтаун, США)
- И. В. Силантьев д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)
- Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА «ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

Ответственные редакторы

- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- С. А. Комиссаров канд. ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ответственный секретарь

- А. В. Верёнов канд. ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

- С. А. Арутюнов чл.-кор. РАН, доктор исторических наук, профессор (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия)
- Ван Вэй член Академии наук КНР, чл.-кор. Германского археологического института, д-р литературы, д-р истории, проф. (Институт археологии, Пекин, КНР)
- Н. Л. Жуковская д-р ист. наук (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия)
- Кан Инук д-р истории, проф. (Университет Кен Хи, Сеул, Республика Корея)
- А. И. Кобзев д-р филос. наук, проф. (Институт востоковедения, Москва, Россия)
- М. Е. Кравцова д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)
- Н. В. Кутафьева канд. филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Ли Хонджон д-р истории, проф. (Национальный университет Мокихо, Республика Корея)
- А. Н. Мещеряков д-р ист. наук, проф. (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия)
- Г. Парцингер д-р истории, проф. (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)
- В. Н. Пластун д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- П. Э. Подалко д-р истории, проф. (Университет Аояма Гакуин, Токио, Япония)
- Н. В. Сухадолник д-р истории, проф. (Университет Любляны, Словения)
- Ж. К. Таймагамбетов чл.-кор. АН Высшей школы Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Национальный музей Казахстана, Астана, Республика Казахстан)
- Такакура Хироки д-р истории, проф. (Университет Тохоку, Япония)
- Такэда Масанао д-р истории, проф. (Университет Хоккай Гакуэн, Япония)
- Л. фон Фалькенхаузен д-р истории, проф. (Калифорнийский университет, США)
- Е. Л. Фролова канд. ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

**ADVISORY BOARD OF ACADEMIC JOURNAL
“VESTNIK OF NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY.
SERIES: HISTORY, PHILOLOGY”**

Chief of the Advisory Board

- V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

- A. S. Zuev Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

- S. G. Skobelev Candidate of Historical Sciences, Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

- Kh. A. Amirkhanov Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- B. Viola Doctor in History, Professor (University of Toronto, Canada)
- E. E. Voytishek Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- T. Glantz Doctor in Philology, Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)
- A. V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)
- A. E. Demidchik Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation)
- A. P. Derevyanko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- J. Joubert Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)
- O. D. Zhuravel Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- G. E. Imposti Doctor in Philology, Professor (University of Bologna, Italy)
- A. K. Kiklevich Doctor of Philological Sciences, Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)
- S. M. Kotkin Doctor in History, Professor (Princeton University, United States)
- V. A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- Oka Hiroki Doctor in History, Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)
- H. Parzinger Doctor in History, Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
- H. Plisson Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)
- Bae Kidong Doctor in Archaeology and Anthropology, Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)
- P. Rutland Doctor in History, Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)
- I. V. Silantev Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Tang Chung Doctor in History, Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)
- T. Higham Doctor in History, Professor (University of Oxford, United Kingdom)
- Yu. V. Shatin Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE “ORIENTAL STUDIES”

Executive Editors

- E. E. Voytishchik Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- S. A. Komissarov Candidate of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Executive Secretary

- A. V. Varenov Candidate of Historical Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- S. A. Arutyunov Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- Wang Wei Member of the Chinese Academy of Sciences, Doctor in Literature, Doctor in History, Professor (Institute of Archaeology, Beijing, China)
- N. L. Zhukovskaya Doctor of Historical Sciences (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- Kang Inuk Doctor in History, Professor (Kyung Hee University, Seoul, Republic of Korea)
- A. I. Kobzev Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Institute of Oriental Studies, Moscow, Russian Federation)
- M. E. Kravtsova Doctor of Philological Sciences, Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)
- N. V. Kutafyeva Candidate of Philological Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Lee Heonjong Doctor in History, Professor (Mokpo National University, Republic of Korea)
- A. N. Mescheryakov Doctor of Historical Sciences, Professor (Russian State Humanitarian University, Moscow, Russian Federation)
- G. Parzinger Doctor in History, Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
- V. N. Plastun Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- P. E. Podalko Doctor in History, Professor (Aoyama Gakuin University, Tokyo, Japan)
- N. V. Suhadolnik Doctor in History, Professor (University of Ljubljana, Slovenia)
- Zh. K. Taymagambetov Corresponding Member of Academy of Sciences of the Kazakstan Higher School, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakstan National Museum, Astana, Republic of Kazakstan)
- Takakura Hiroki Doctor in History, Professor (Tohoku University, Sendai, Japan)
- Takeda Masanao Doctor in History, Prof. (Hokkai Gakuen University, Sapporo, Japan)
- L. von Falkenhausen Doctor in History, Professor (University of California, Los Angeles, USA)
- E. L. Frolova Candidate of Historical Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

ВЕСТНИК НГУ

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2019. Том 18, № 10: Востоковедение

СОДЕРЖАНИЕ

Археология и история стран Азии

- Гирченко Е. А.* Памятники Наньгуаньли и Наньгуаньли Дун в контексте реконструкции хозяйственного уклада ранненеолитического населения острова Тайвань 9
- Комиссаров С. А., Соловьев А. И.* Дворец, который мог бы стать самым большим в мире 16
- Войтишек Е. Э.* Корейская курительница Пэкче и традиция использования курительниц бошаньлу в Восточной Азии 24
- Борисов Д. Э.* О характере назначений на посты провинциального уровня при Цао Цао (на англ. яз.) 41
- Шульга Д. П., Хаснулина К. А.* Кочевые и оседлые империи на Шелковом пути: модели взаимодействия 51

Культура и филология стран Восточной Азии

- Шмакова А. С.* Молодежные субкультуры в контексте трансформации идентичности южных корейцев 59
- Фролова Е. Л.* На пути к мультикультурализму в Японии – популяризация «простого японского языка» 66
- Кутафьева Н. В.* Сложные глаголы со значением реципрок-социатив в современном японском языке 78

Учебно-методические материалы

- Ли Чонсик.* Использование приложения Google Expeditions на уроках по устной речи корейского языка (на кор. яз.) 89

Класс Конфуция

- 毕新惠、尤·阿扎连科.* 十载砥砺晋孔院，不忘初心创未来——记新西伯利亚国立大学孔子课堂十周年庆典暨孔子学院升级揭牌仪式 (*Би Синьхуэй, Азаренко Ю. А.* Празднование десятилетия участия НГУ в международном проекте «Институт Конфуция») 102

Научная жизнь

<i>Варенов А. В., Кудинова М. А.</i> Путешествие на Северо-Запад за петроглифами	106
<i>Филиппов С. И., Войтишек Е. Э.</i> Новосибирский государственный университет и Евразийско-Тихоокеанская университетская сеть: долгосрочный проект сотрудничества	114
Информация для авторов	122

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies

CONTENTS

Archaeology and History of Asia

- Girchenko E. A.* Nankuanli and Nankuanli Tung Archaeological Sites in the Context of the Reconstruction of the Economy of the Taiwan Early Neolithic Population 9
- Komissarov S. A., Soloviev A. I.* The Palace that Could Be the Biggest in the World 16
- Voytishek E. E.* Korean Gilt-Bronze Incense Burner of Baekje and the Tradition of Han Boshanlu Censer's Usage in East Asia 24
- Borisov D. E.* On the Nature of Cao Cao's Appointments of the Provincial Officials 41
- Shulga D. P., Hasnulina K. A.* Nomadic and Settled Empires on the Silk Road: Interaction Patterns 51

Culture and Philology of East Asia

- Shmakova A. S.* Youth Subcultures in the Context of Transformation of Identity of South Korean People 59
- Frolova E. L.* On the Way to Multiculturalism in Japan – Popularization of “Plain Japanese Language” 66
- Kutafeva N. V.* Compound Verbs with Meaning of Reciprocal and Joint Action in Modern Japanese Language 78

Educational Materials

- Lee Jeongsik.* A study on Teaching Methods of Korean Language Speaking Education Using Google Expeditions 89

Confucius Classroom

- Bi Xinhui, Azarenko Yu. A.* The Celebration of the 10th Anniversary of Novosibirsk State University Participation in Confucius Institute International project 102

Scientific Life

<i>Varenov A. V., Kudinova M. A.</i> A Journey to the North-West in Search of Rock Art	106
<i>Filippov S. I., Voytishkek E. E.</i> Novosibirsk State University and the Eurasia Pacific Uninet: Long-Term Project Relationship	114
Instructions to Contributors	122

УДК 903.13

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-9-15

Памятники Наньгуаньли и Наньгуаньли Дун в контексте реконструкции хозяйственного уклада ранненеолитического населения острова Тайвань

Е. А. Гирченко

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В статье представлен обзор исследований, посвященных реконструкции хозяйственного уклада населения двух крупных археологических комплексов культуры Дабэнькэн - Наньгуаньли и Наньгуаньли Дун в уезде Тайнань на о. Тайвань. Фаунистические останки включают большое количество раковин моллюсков, что указывает на их значительную роль в рационе древних жителей. Тайваньскими учеными выявлено 21 семейство и 49 видов брюхоногих и двустворчатых моллюсков. Обнаружены останки собак, оленей, кабанов, зайцев, мунтжаков. Различные виды рыб были важным пищевым ресурсом в Наньгуаньли – насчитывается 17 семейств морских рыб, что может косвенно указывать на то, что носители культуры Дабэнькэн могли преодолевать большие расстояния в открытом море. Археологические материалы показали, что сырье для каменного инвентаря, например нефрит или оливковый базальт, привозилось издалека – с архипелага Пэнху или с восточного побережья острова (пам. Пинлинь в Хуаляни), интересны находки обугленных зерен риса и чумизы, что свидетельствует о развитой системе хозяйствования, основанной на сочетании рыболовства, охоты, рисо- и прососеяния.

Ключевые слова

Тайвань, неолит, культура Дабэнькэн, фаунистические остатки, миграции, шнуровая керамика, древнее земледелие

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00010

Для цитирования

Гирченко Е. А. Памятники Наньгуаньли и Наньгуаньли Дун в контексте реконструкции хозяйственного уклада ранненеолитического населения острова Тайвань // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение. С. 9–15. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-9-15

Nankuanli and Nankuanli Tung Archaeological Sites in the Context of Reconstruction of the Economy of the Early Neolithic Taiwanese Population

E. A. Girchenko

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

In the 1960s, K.C. Chang proposed that Tapenkeng (Dabenkeng) inhabitants could be migrants from mainland China to the island and the ancestors of modern indigenous peoples. The first settlers could be characterized by corded pottery, a wide range of fishing tools, polished stone axes and adzes, marine economy and shell ornaments. The article

© Е. А. Гирченко, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies

presents the results of investigations of archaeological sites in Tainan County – Nankuanli (Nanguangli) and Nankuanli Tung (Nanguangli Dong) which provide essential and detailed information regarding the question of the peopling of Taiwan approximately 6000 years ago. The article focuses on publications that discuss the economy and way of life of the first settlers of the Taiwanese seaside who strongly relied on marine food resources. Faunal data played an important role in the reconstruction of resource use. A big amount of shell remains indicate their significant role in the diet of ancient inhabitants. About 21 families and 49 species of gastropods and bivalves were identified by Taiwanese scientists. Remnants of dogs, deer, wild boar and muntjac were also found. Fish bones was the most abundant food resource in the Nankuanli region – 17 fish families can be identified. Analyses of the excavated materials indicate a gradual shift of these settlements from temporary to places of permanent habitation and intensive exploration of nearby environments. Taiwanese archaeologists also conclude that the inhabitants of this area were not isolated and had strong long-distance connections with Penghu archipelago and the eastern coast of Taiwan (Pinglin in Hualien) from where they sourced raw materials such as jade and olivine basalt. Therefore, they had sailing crafts suitable for open sea voyaging. Also, according to the finds of carbonized rice and millet remains these settlers had learned advanced farming technology.

Keywords

Taiwan, Neolithic, Tapenkeng (Dabengkeng) culture, faunal remnants, migrations, corded ceramics, ancient agriculture

Acknowledgements

The investigation was financially supported by RFBR, project No. 18-09-00010

For citation

Girchenko E. A. Nankuanli and Nankuanli Tung Archaeological Sites in the Context of the Reconstruction of the Economy of the Taiwan Early Neolithic Population. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies, p. 9–15. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-9-15

Введение

Австронезийская языковая семья является одной из крупнейших в мире, насчитывает около 1 200 языков и охватывает территории от Тайваня и гряды Гавайских островов на севере до Новой Зеландии на юге, от Мадагаскара на западе до о. Пасхи на востоке. На австронезийских языках говорят более 300 млн человек. Более 40 тыс. австронезийских аборигенов живут на Тайване [Blust, 1999]. Тайвань – это северный рубеж австронезийской языковой семьи, и потому этот остров так важен для изучения путей возможных миграций и культурного влияния на соседние регионы. Лингвистические исследования указывают на Тайвань как место зарождения протоавстронезийского языка, но остается дискуссионным вопрос изначальных точек миграций и появления первых неолитических поселенцев на Тайване. Согласно П. Беллвуду [Bellwood, 2007] примерно в 4-м тыс. до н. э. начинаются массовые миграции на Тайвань охотников и собирателей, уже владевших развитыми технологиями гончарства и принесшими на остров свою культуру. Образовавшаяся наиболее ранняя неолитическая культура носит название Дабэнькэн (Тапэнькэн). Наиболее вероятной отправной точкой переселений считается материковый Китай, остров расположен в 130–380 км от него [Chen, Hsu, 2006]. Новые археологические материалы из раскопок последних 20 лет являются основой для уточнения устоявшихся теорий. На памятниках Наньгуаньли и Наньгуаньли Дун найдены свидетельства сосуществования двух земледельческих традиций – выращивания риса и чумизы.

Геологические исследования показали, что Тайвань как остров сформировался не ранее 12 000 л. н. [Li Kuangti, 2012. С. 3]. Тайвань был связан с материком сухопутным мостом вплоть до позднего плейстоцена. Наиболее ранние археологические свидетельства присутствия древнего человека на Тайване датируются 30 000–20 000 л. н. [Shikama et al., 1976]. Тем не менее, большинство тайваньских археологов сходятся во мнении, что палеолитические объекты, например позднепалеолитическая культура Чанбинь, никак преемственно не связаны с ранне-неолитическими культурами острова.

Ранний неолит острова Тайвань – культура Дабэнькэн

Наиболее ранняя неолитическая культура Тайваня Дабэнькэн встречается по всему северному, восточному и юго-западному побережью Тайваня и на островах архипелага Пэнху.

Наиболее исследованными являются стоянки – эпонимный памятник близ г. Синьбэй, Фэнпитоу в уезде Гаосюн, Пачацунь в уезде Тайнань, Гое и Лиюйшань на островах Пэнху, Наньгуаньли и Наньгуаньли Дун в уезде Тайнань [Tsang, 2009]. Данная культура характеризуется следующими признаками:

1) памятники расположены по берегам рек и на побережье;

2) керамика массивная, толстостенная, с большим содержанием примеси песка и различной цветностью ввиду низкотемпературного обжига. Основные формы – круглодонные горшки и кувшины с широким туловом и узким устьем, а также круглодонные миски с различными модификациями ручек-ушек;

3) орнаментация волнообразными линиями, зигзагами или сочетанием прямых и дугообразных линий, двух и более параллельных линий (прочерченных или наносимых гребенкой). Тулово иногда имело гладкую поверхность, но чаще покрывалось широкими оттисками шнура. В качестве штампа часто использовались раковины. Поверхность сосудов могла покрываться красным ангобом, но количество расписной керамики незначительно [Азаренко и др., 2006. С. 12];

4) каменный инвентарь представлен четырехугольными в поперечном сечении топорами, шлифованными теслами с плечиками, а также треугольными и иволистными наконечниками стрел, грузилами, иглами, ножами;

5) датировки культуры являются дискуссионными. Один образец раковины с поверхностных сборов на стоянке Пацяцунь датируется 3695 ± 60 до н. э., но эта дата подвергается сомнениям [Li Kuangti, 2012. С. 5]. Большая серия дат с памятника Гое укладывается в диапазон с 4600 по 4800 л. н. [Tsang, 1995]. Несколько дат, полученных со стоянки Синьюань, соответствуют периоду 4500–4000 гг. до н. э., однако тайваньские археологи не исключают и более ранние даты начального этапа (до 7000 л. н.) (см.: [Азаренко и др., 2016. С. 24]).

Раскопки памятников Наньгуаньли и Наньгуаньли Дун в уезде Тайнань продолжались с 1999 по 2003 г. Полученные материалы позволили не только уточнить даты заселения острова, но и изучить стратегии адаптации пришлого населения, принесшего свою сформировавшуюся культуру. Каменный инвентарь памятников Наньгуаньли и Наньгуаньли Дун предполагает, что носители культуры Дабэнькэн занимались как охотой, рыболовством, собирательством, так и земледелием. Обугленные зерна риса найдены в Наньгуаньли. На Наньгуаньли Дун обнаружен не только карбонизированный рис, но и чумиза.

Памятник Наньгуаньли расположен на территории Южного научно-технического парка в районе Шаньхуа уезда Тайнань. Неолитический культурный горизонт, расположенный на глубине 7 м, обнаружен в процессе строительных работ. Итоговая площадь раскопок составила около 1000 м². В ходе них выявлен не только поселенческий, но и погребальный комплекс. Керамика – характерные для Дабэнькэн широкие горшки, круглодонные или на поддоне, а также миски с ручками, орнаментированные оттисками шнура, гребенчатым или волнообразным узором, единичные находки, покрытые красным ангобом, идентичным найденным на памятниках Гое или Бацзяцунь. Каменные орудия – наконечники стрел, грузила, шлифованные тесла двух типов – четырехугольные в сечении и плечиковые из базальта, который, как считается, привезен с о. Пэнху. Интересна находка каменной колотушки для изготовления материи из луба. Каменные ножи отсутствуют, в большом количестве находят жатвенные ножи из раковины двустворчатого моллюска плакуны тропической, а также проколки, резцы, бусины из кости и рога. Фаунистические остатки включают в себя кости рыб, оленей, свиней, собак, найдены семена пикрасмы квассиевидной (*Picrasma quassioides*) и каркаса китайского (*Celtis sinensis*), карбонизированные зерна риса. На памятнике исследовано 12 захоронений, половина которых принадлежит младенцам и детям. Труположение на спине с вытянутыми конечностями, одно захоронение в согнутом виде. Все погребения ориентированы головой на юг. Десять радиоуглеродных дат с памятника укладываются в диапазон от 5000 до 4300 л. н.

Наньгуаньли Дун открыт во время строительных работ на территории Южного научно-технического парка. Он расположен примерно в 500 м от Наньгуаньли. Большое количество

керамики типа Дабэнькэн обнаружено на глубине от 7 до 8 м. Общая раскопанная площадь памятника составляет около 2 400 м². Материалы идентичны Наньгуаньли, но отличие состоит в том, что найдено несколько тысяч обугленных зерен чумизы, что ранее не встречалось на Тайване. Специальные исследования по видовому определению зерен не проводились, но морфологически они близки к могоару (итальянское просо, *Setaria italica*), выращиваемому и современными австронезийцами [Sagart et al., 2005. P. 69–70].

Исследования карбонизированных зерен показали наличие двух видов риса посевного (*Oryza sativa*) – подвидов *индийского* (*Hsien; indica*) и *китайского, японского* (*Keng; sinica / japonica*). Среди находок нет зерен диких многолетних растений. Помимо вышеописанных стоянок, зерна *Oryza sativa* обнаружены и на памятнике Юсяньфан, следующего за Дабэнькэн культурного компонента, датируемого примерно на 1000 лет позже. Датировки зерен типа *Keng* из Наньгуаньли соответствуют 4 800–4 200 л. н., с Юсяньфан – 3 800–3 300 л. н. [Li Kuangti, 2012. P. 8–9].

Проблема раннего земледелия Тайваня исследуется с конца 60-х гг. XX в. Чжан Гуанчжи в 1969 г. впервые предложил теорию «луншаноидной экспансии», объясняя рост земледелия на Тайване в 4 000 л. н. как результат переселения земледельцев с материка. В 1970-х гг. он модифицировал свою гипотезу и выделил два центра раннего земледелия – бассейн Хуанхэ (культура просо Яншао) и юго-восточные прибрежные районы (Дабэнькэн), имеющие свои корни в традиции культуры Хоабинь из Вьетнама и других культурах Индо-Китая. Именно Дабэнькэн назывался наиболее вероятным центром ранней доместикиции риса. Выделяется и третий, также рисоводческий центр, Цинляньган в нижнем Янцзы, являющийся производным как от Яншао, так и от прибрежного Дабэнькэн [Chang K. C., 1977. С. 142–143]. Действительно, 7 000 л. н. в Южном Китае сформировалось несколько рисоводческих региональных культур шнуровой керамики (например, Хэмуду и ранняя Мацзябан). Исследователь предложил, что освоение рисосеяния было итогом масштабного межкультурного взаимодействия в Южном Китае [Chang K. C., 1986. С. 237].

Процесс перехода от ранних форм хозяйствования к более поздним является результатом сложных процессов адаптации и исследования человеком окружающей среды, изменения отношения к земле и природе, обмена навыков и технологий в процессе межкультурного взаимодействия. Район Наньгуаньли и Наньгуаньли Дун расположен на аллювиальной равнине между реками Цзэнвэнь и Яньшуй, на уровне от 4 до 8 м над уровнем моря в хороших климатических условиях для выращивания злаковых, однако новые находки вызывают большое количество вопросов, которые пока не имеют однозначного ответа. Например, почему, если рисосеяние было заимствовано из культур материкового Китая, оно археологически отслеживается только в районе Тайнаня и пока нигде более на Тайване? Интересно, отличается ли изначальная технология прососеяния от рисосеяния? Одновременно ли население Наньгуаньли и Наньгуаньли Дун освоило эти две земледельческие традиции? Известно, что изначально рис и просо на территории Китая появились соответственно в долинах Янцзы и Хуанхэ. Возможно ли, что один памятник был заселен раньше другого носителями разных хозяйственных традиций? Интересно, что у современных аборигенов нет легенд, подчеркивающих отношение к рису как к первому появившемуся злаку, но такое отношение есть к чумизе [Li Kuangti, 2012. С. 12]. Получается, что археологические и этнографические материалы вступают в некое противоречие и непонятно, какие образом были заимствованы два вида зерновых и как они развивались в рамках одного культурного контекста. Сейчас просо распространено на восточной стороне острова, но там земледельческих памятников неолита пока не найдено. Возможно, появление чумизы на западном побережье острова было результатом контактов с выходцами с восточного побережья Китая.

Ч. Редман [Redman, 1978] считал, что закрепление раннего земледелия в хозяйстве древнего человека зависело от желания и возможности хранить урожай для того, чтобы использовать зерна на будущий год и в качестве гарантии от неурожайных сезонов. В данном случае, мы не можем утверждать, что земледелие являлось базисом хозяйствования древних обитателей Наньгуаньли, основу рациона составляли продукты морского промысла.

Фаунистические останки на памятниках Наньгуаньли и Наньгуаньли Дун

Всего на двух памятниках встречено 313 459 морских раковин и их фрагментов, идентифицировано 49 видов из 21 семейства брюхоногих и двустворчатых моллюсков. Все материалы могут быть разделены на три группы: сухопутные улитки, пресноводные моллюски, морские моллюски. Находки сухопутных улиток слишком фрагментарны, поэтому исключены из исследований реконструкции системы питания доисторического населения, но могут быть использованы для реконструкции палеоклимата.

Пятнадцать наиболее распространенных видов моллюсков с двух памятников – это *Terebralia sulcata*, *Telescopium Telescopium*, *Terebralia palustris*, *Cerithidea rhizophorarum*, *Nerita undata*, *Sinotaia quadrata*, *Tegillarca granosa*, *Tegillarca nodifera*, *Cyclina sinensis*, *Anomalocardia squamosa*, *Geloina erosa*, *Crassostrea gigas*, *Crassostrea rivularis*, *Crassostrea talienwhanensis*, *Saccostrea mordax*. Исследования показали превалирование шесть первых видов. Встречено пять типов двустворчатых моллюсков: большая тихоокеанская устрица, даляньваньская устрица, мелкозубчатая каменная устрица, пальчатая устрица, равнозубая двустворчатая устрица. *Terebralia sulcata* (Теребрария бороздчатая), *Telescopium Telescopium* (Телескопий) занимают 49,8 % всех моллюсков на раннем этапе и значительно сокращаются на поздних этапах (до 5,2 %). *Tegillarca granosa* составляет 2,3 % в начале и увеличивается до 42,5 % на поздних этапах памятников. Эти три вида практически исчезли в настоящее время. Сейчас только небольшое количество таксонов, превалирующих в Наньгуаньли, присутствует в регионе. Так, например, вид *Geloina coacans*, распространенный в археологических материалах, почти не встречается сейчас на Тайване [Li Kuangti, 2012. С.14].

Животные ресурсы тоже могут многое сказать об адаптации древнего населения к условиям обитания. Среди материалов Наньгуаньли и Наньгуаньли Дун встречаются 8 видов млекопитающих из семи семейств (собаки, дикие кабаны, олени, мунтжаки, зайцы, крысы, кошки) и птицы. Эти животные распространены и в Юго-Восточной Азии, и в Китае. Некоторые виды не обитают на острове в настоящее время, исчез, например, пятнистый олень *Cervus nippon taiouanus*. Кости собак есть на обоих памятниках – четыре погребения сопровождаются дополнительными захоронениями собак.

Кости оленей также встречаются на обоих памятниках и представляют три вида – это пятнистый олень, тайваньский самбар и мунтжак Рива. Последний до сих пор водится в горах Тайваня высотой от 500 м и выше. Самбары попадают на больших высотах от 2 000 до 3 500 м. Пятнистые олени на Тайване исчезли с 1960-х гг.

Кости кабанов и свиней есть на обоих памятниках. В археологии Тайваня отсутствуют кости одомашненных свиней, за исключением единичных находок на о. Ланьюй. В данном случае большие черепа с длинными нижними клыками определены как *Sus scrofa taiwanus*, Тайваньский дикий кабан, встречающийся на высоте от 1 000 до 3 000 м и в настоящее время. Находки остальных животных единичны [Lee Lingling, Lin Liangkong, 1992. С. 245–267].

Рыба составляла основу рациона, в Наньгуаньли можно выделить пять основных семейств рыб, наиболее распространены акулы, скаты, карпы, морские лещи, рыба-попугай, пятнистый морской сом, большой желтый горбыль, рыба-еж и кефаль. На Наньгуаньли Дун встречаются 17 семейств, кроме вышеупомянутых найдены кости тигрового горбыля, конибе, тунца, морского окуня, рыбы-пилы, желтоперого морского леща, азиатского морского окуня, амурского сома, ходячего сома [Li Kuangti, 2012. С. 17–18].

Заключение

На Тайване нет свидетельств преемственности между палеолитическими и неолитическими культурами, дискуссионными остаются и датировки позднепалеолитических стоянок региона. Дабэнькэн является наиболее ранней из известных культур неолита, однако проблема ее происхождения не имеет однозначного ответа. Культура, по всей вероятности, принесена

выходцами с материка, однако пока абсолютно идентичных материалов на материке не найдено. Тем не менее, в пользу данной теории говорят и факты широкого межкультурного взаимодействия. Например, установлено, что носители культуры Дабэнькэн имели связи с населением восточного побережья острова, откуда получали нефрит и метабаза́лт, а также с архипелагом Пэнху, где меняли оливиновый базальт и некоторые виды раковин. Таким образом, они были не изолированы на острове, а мобильны, и в поисках сырья для орудий, например нефрита, преодолевали большие расстояния, а значит, обладали навыками мореплавателей.

Список литературы

- Азаренко Ю. А.** Освоение Тайваня австронезийцами (по археологическим материалам) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 4: Востоковедение. С. 9–19.
- Азаренко Ю. А., Лаптев С. В., Комиссаров С. А.** Неолитические памятники Тайваня: культура Дабэнькэн // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, вып. 4: Востоковедение. С. 22–32.
- Bellwood P.** Review Feature: First Farmers: the Origins of Agricultural Societies. *Cambridge Archaeological Journal*, 2007, vol. 17, no. 1, p. 87–109.
- Blust R.** Subgrouping, circularity and extinction. In: Selected papers from the Eight International conference on Austronesian Linguistics. Taipei, Academia Sinica, Institute of Linguistics, 1999, p. 31–94.
- Chang K. C.** Fengpitou, Tapenkeng and the Prehistory of Taiwan. New Haven, Yale University Publications in Anthropology, 1969, no. 73, 252 p.
- Chang K. C.** The Archaeology of Ancient China. New Haven, Yale University Press, 1977, 535 p.
- Chang K. C.** The Archaeology of Ancient China. New Haven, Yale University Press, 1986, 483 p.
- Chen S. J., Hsu M.** A homeland or a Hostland? The Power and Challenges of Genetic Studies on Austronesian's Expansion. In: Challenges to Interdisciplinary Collaborate Research. Taipei, Academia Sinica, 2006, p. 1–14.
- Lee L. L., Lin L. K.** Status Research of Mammals in Taiwan. In: The Biological Resources of Taiwan: A Status Report. Taipei, Institute of Botany Publ., 1992, p. 245–267.
- Li K. T.** Rethinking Tapenkeng Culture in the Earliest Neolithic Taiwan and the Issue Relating to Austronesian Homeland. In: New Lights on East Asian Archaeology. Taipei, Institute of History and Philology, 2012, 30 p.
- Redman Ch.** The Rise of Civilization. San Francisco, Freeman and Company, 1978, 367 p.
- Sagart L., Blench R., Sanchez-Mazas A.** The Peopling of East Asia: Putting Together Archaeology, Linguistics and Genetics. New York, Routledge Curzon Publ., 2005, 360 p.
- Shikama T., Shimoda N., Ling C. C., Hisao B.** Discovery of Fossil Homo Sapiens from Cho-chen in Taiwan. *The Journal of the Anthropological Society of Nippon*, 1976, no. 84 (2), p. 131–138.
- Tsang C. H.** Recent discoveries at a Tapenkeng culture site in Taiwan: implications for the problem of Austronesian origins. In: The Peopling of East Asia. London, Routledge Curzon, 2005, p. 63–73.
- Tsang C. H.** A New Hypothesis of Austronesian Origin and Dispersal: archaeological evidence from Taiwan. In: Pacific Neighborhood Consortium 2009 Annual Conference. Taipei, Academia Sinica, 2009, p. 6–8.

References

- Azarenko Yu. A.** T Osvoenie Taiwanya avstroneziitsami (po arheologicheskim materialam) [Taiwan open up by Austronesians (according archaeological data)]. *Vestnik NSU. Series: History, philology*, 2006, vol. 5, no. 4: Oriental Studies, p. 9–19. (in Russ.).

- Azarenko Yu. A., Laptev S. V., Komissarov S. A.** Neolithicheskiye pamyatniki Taiwanya: kultura Dabengkeng [Neolithic sites of Taiwan: Tapenkeng Culture]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2016, vol. 15, no. 4: Oriental Studies, p. 22–32 (in Russ.).
- Bellwood P.** Review Feature: First Farmers: the Origins of Agricultural Societies. *Cambridge Archaeological Journal*, 2007, vol. 17, no. 1, p. 87–109.
- Blust R.** Subgrouping, circularity and extinction. In: Selected papers from the Eight International conference on Austronesian Linguistics. Taipei, Academia Sinica, Institute of Linguistics, 1999, p. 31–94.
- Chang K. C.** Fengpitou, Tapenkeng and the Prehistory of Taiwan. New Haven, Yale University Publications in Anthropology, 1969, no. 73, 252 p.
- Chang K. C.** The Archaeology of Ancient China. New Haven, Yale University Press, 1977, 535 p.
- Chang K. C.** The Archaeology of Ancient China. New Haven, Yale University Press, 1986, 483 p.
- Chen S. J., Hsu M.** A homeland or a Hostland? The Power and Challenges of Genetic Studies on Austronesian's Expansion. In: Challenges to Interdisciplinary Collaborate Research. Taipei, Academia Sinica, 2006, p. 1–14.
- Lee L. L., Lin L. K.** Status Research of Mammals in Taiwan. In: The Biological Resources of Taiwan: A Status Report. Taipei, Institute of Botany Publ., 1992, p. 245–267.
- Li K. T.** Rethinking Tapenkeng Culture in the Earliest Neolithic Taiwan and the Issue Relating to Austronesian Homeland. In: New Lights on East Asian Archaeology. Taipei, Institute of History and Philology, 2012, 30 p.
- Redman Ch.** The Rise of Civilization. San Francisco, Freeman and Company, 1978, 367 p.
- Sagart L., Blench R., Sanchez-Mazas A.** The Peopling of East Asia: Putting Together Archaeology, Linguistics and Genetics. New York, Routledge Curzon Publ., 2005, 360 p.
- Shikama T., Shimoda N., Ling C. C., Hisao B.** Discovery of Fossil Homo Sapiens from Cho-chen in Taiwan. *The Journal of the Anthropological Society of Nippon*, 1976, no. 84 (2), p. 131–138.
- Tsang C. H.** Recent discoveries at a Tapenkeng culture site in Taiwan: implications for the problem of Austronesian origins. In: The Peopling of East Asia. London, Routledge Curzon, 2005, p. 63–73.
- Tsang C. H.** A New Hypothesis of Austronesian Origin and Dispersal: archaeological evidence from Taiwan. In: Pacific Neighborhood Consortium 2009 Annual Conference. Taipei, Academia Sinica, 2009, p. 6–8.

Материал поступил в редколлегию
Received
31.08.2019

Сведения об авторе

Гирченко Екатерина Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
ekaterina.girchenko@gmail.com

Information about the Author

Ekaterina A. Girchenko, Candidate of Science (History), researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
ekaterina.girchenko@gmail.com

УДК 904:72(510).02

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-16-23

Дворец, который мог бы стать самым большим в мире

С. А. Комиссаров^{1,2}, А. И. Соловьев²

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

² Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

Аннотация

Исследуется историческая судьба одного из четырех строительных мегапроектов Цинь Шихуанди – дворцового комплекса Эпан, который должен был стать достойным жилищем императора, впервые объединившего Поднебесную. Строители возвели гигантскую платформу-стереобат, вокруг которой с трех сторон построили стены. В средние века (с конца династии Хань до династии Тан включительно) там размещалось военное поселение Эчэн. Тогда же усилиями литераторов и, прежде всего, Ду Му, написавшего «Оду о дворце Эпан», сложился миф о великолепной императорской резиденции со многими башнями, дворами и теремами, которая была дотла сожжена повстанческой армией Сян Юя. Однако проведенные в 2002–2004 гг. археологические раскопки не выявили следов большого пожара. Дворец не сгорел – его просто не успели построить. И хотя огромная платформа (площадью не менее 0,45 кв. км) была еще в 1991 г. измерена с помощью экспертов ЮНЕСКО и официально зафиксирована как крупнейшая в мире, но какие-то более сложные конструкции на ней обнаружить не удалось – хотя подготовительные работы проводились, например, было поднято наверх большое количество кровельной черепицы.

Ключевые слова

история Цинь, Цинь Шихуанди, архитектура Древнего Китая, дворец Эпан

Для цитирования

Комиссаров С. А., Соловьев А. И. Дворец, который мог бы стать самым большим в мире // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение. С. 16–23. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-16-23

The Palace that Could Be the Biggest in the World

S. A. Komissarov^{1,2}, A. I. Soloviev²

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

² Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The authors investigate the historical fate of one of four construction mega-projects of Qin Shihuangdi, namely, Epang Palace which was supposed to become the worthy dwelling for the first unifier of the Celestial Empire. Construction workers erected the giant platform-stylobate and built three walls around it. During the Middle Ages (from the end of the Han dynasty and up to the Tang dynasty) it accommodated the military Echeng settlement. Within the same period of time, by the efforts of literati and, first of all, by prominent poet Du Mu (803–852) who wrote «The Ode on Epang Palace», a myth was created about the wonderful residence of the Emperor with many features such as watchtowers, pavilions and galleries, and how all these beauties were destroyed by rebellions in the great fire. Nevertheless, regular archaeological excavations conducted at the site during the period of 2002–2004 did not reveal any traces of such a fire. The Palace wasn't burned down – it was simply never constructed. Furthermore, though the huge base platform of the Palace was registered by UNESCO experts as the biggest palace building in the world, no further complicated constructions were found on its surface (though some evidence of preparatory works were reported, for example, the many pieces of roofing tiles that were lifted to the platform).

© С. А. Комиссаров, А. И. Соловьев, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies

The results of archaeological investigations of real Epang meant the death-warrant to false Epang that was built by local authorities as popular tourist attraction, means a source of money. It was ruined in 2012 and replaced with archaeological park where all construction works were to be based on scientific reconstruction.

Keywords

history of Qin Dynasty, Qin Shihuangdi, architecture of Ancient China, Epang Palace

For citation

Komissarov S. A., Soloviev A. I. The Palace that Could Be the Biggest in the World. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies, p. 16–23. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-16-23

Для изучения различных аспектов истории империи Цинь (221–207 гг. до н. э.) учеными создана солидная источниковедческая база, объединяющая письменные, эпиграфические и археологические данные. Взаимная критика источников различных типов и родов не только повышает обоснованность полученных выводов, но и дает возможность проверить надежность самих этих источников.

Комплекс строений под общим названием «дворец Эпан» (также возможны более редкие варианты произнесения Эр-пан, Апан, Афан) входит в состав строительных мегапроектов императора Цинь Шихуанди. Предполагалось, что гигантское сооружение станет в земной жизни символом полного доминирования над всей территорией Поднебесной и завершит деяния совершенномудрых *ванов* древности. Кроме того, скрытые от глаз людских многочисленные покои нового дворца помогут правителю стать небожителем-*сянем* и, тем самым, перейти в жизнь иную. Поэтому в «Исторических записках» Сыма Цяня дано довольно подробное описание процесса строительства. В главе «Основные записи о [деяниях] Цинь Шихуана» сообщается о том, что император «стал строить дворец для приемов в парке Шанлинь на южном берегу реки Вэй. Прежде всего, построили передний зал дворца Эпан, с востока на запад [он был длиной] пятьсот *бу*, а с севера на юг – пятьдесят *чжан*, наверху могло поместиться десять тысяч человек, а внизу можно было водрузить знамена с древком длиной в пять *чжан*. Вокруг [дворца] шла крытая дорога, которая от дворца вела прямо к горе Наньшань. На вершине горы соорудили [памятные] ворота. Построили двойную дорогу от дворца Эпан через реку Вэйшуй вплоть до Сяньяна. [Эта дорога] напоминала созвездие Гэдао близ Полярной звезды, которое, пересекая Млечный Путь, тянется до созвездия Инши.

Дворец Эпан еще не был кончен, но [Ши-хуан] по завершении работ хотел переименовать его, выбрав другое название. Но коль скоро дворец строился вблизи [столицы], в Поднебесной его называли дворец Эпан¹. [Прислали] более семисот тысяч преступников, осужденных на кастрацию и на каторжные работы, одни строили дворец Эпан, другие – [гробницу] на горе Лишань. Сюда доставляли камень с гор Бэйшань и лес из Шу и Цзин. Всего в Гуаньчжуне соорудили триста, а за пределами застав более четырехсот дворцов» [Сыма Цянь, 1975. С. 78].

Зная, что в период правления Цинь 1 *чжан* равнялся 2,765 м [Кроль, Романовский, 1982. С. 223–224], а тогда 1 *бу*, соответственно, 1,66 м, нетрудно будет подсчитать номинальную площадь переднего дворца (залы): 830 м × 138,25 м = 114747,5 кв. м ~ 0,11 кв. км². Даже по этим условным цифрам видно, что площадь залы почти в два раза превышает площадь Зимнего дворца (60 тыс. кв. м) и почти в четыре раза – римского Колизея (ок. 30 тыс. кв. м).

«Исторические записки» также сообщали, что работы на строительстве Эпана несколько раз прекращались и вновь возобновлялись в период правления Эр Шихуанди, пока в 207 г. до н. э. не прекратились окончательно в связи с падением династии Цинь. В следующей главе «Основных записей» говорится, что все циньские дворцы были разрушены и сожжены по приказу Сян Юя, и что пожар не угасал в течение трех месяцев [Там же. С. 136]. Однако непосредственно Эпан в списках не значился.

¹ Означает «дворец рядом [со столицей]»; возможный вариант – «дворец рядом с курганом», то есть рядом с Мавзолеем. В некоторых популярных изданиях приводится версия происхождения названия дворца от имени любимой наложницы императора (см., напр.: [Мап, 2007, р. 122]) без достаточных на то оснований. К тому же подобная сентиментальность противоречит психологическому облику Цинь Шихуанди.

² У Джона Мэна получается заметно меньшая (хотя и все равно огромная) цифра для площади платформы в 79 тыс. кв. м [Мап, 2007. Р. 122], поскольку он подставляет ханьское, а не циньское значение для *чжана* и *бу*.

Рис. 1. Возможный вариант реконструкции переднего дворца (зала) в Эпан.
Взят из свободного депоzitария иллюстраций (image.baidu.com), подготовлен к печати А. И. Соловьевым
Fig. 1. A possible reconstruction of the frontal area of the Palace (hall) in Epang.
Taken from the free illustrations depository (image.baidu.com), prepared for publication print by A. I. Soloviev

Рис. 2. Эпан в огне: то, чего не было.
Взят из свободного депоzitария иллюстраций (image.baidu.com), подготовлен к печати А. И. Соловьевым
Fig. 2. Epang fire: that which was not.
Taken from the free illustrations depository (image.baidu.com), prepared for publication by A. I. Soloviev

В последующие периоды про него писали разные авторы и в самых разных жанрах. Так, дотошный Ли Даюань (466/472 – 527 гг.) отмечал в своем великом сочинении «Шуй цзин чжу» («Канон вод с примечаниями») ³, что дворец Эпан находится к западу от озера в районе Чаньяня. А в летописи «Шию го чунью» («Весны и осени 16 государств»), составленной Цуй Хуном в 522 г., приводится считалка: «Эпан, эпан // Шан фэнхуан» («На Эпан феникс взлетел») ⁴. Начиная со среднего периода династии Восточная Хань и до династии Тан включительно возведенные платформы и стены использовались для размещения в окрестностях Чаньяня военного поселения. В сочинении «Чаньянь чжи» («Описание Чаньяня», составленном Сун Миньцю в 1076 г.) сказано: «Циньский Эпан называется Эчэн, находится в 20 ли к западу от уезда Чаньянь, с трех сторон – западной, северной (и восточной) – имеются стены, с южной стороны стены нет, длина по периметру 5 ли 140 бу, высота 8 чи, ширина в верхней части 4 чи 5 цуней, ширина в основании 1 чжан 5 чи, в настоящее время вся земля отведена под поля народа» ⁵.

Классическое воплощение дворец Эпан обретает даже не в исторической хронике, а в поэтическом произведении. Один из известнейших танских литераторов Ду Му (803–852 гг.) написал «Оду о дворце Эпан» («Эпангун фу»), где дал волю своей поэтической фантазии (см.: [Zhang Ciyuan, Chen Jie, 2013]). Он писал, что «горы Шу облысели» (то есть на них срубили весь лес для строительства) – в результате «появился Эпан», который простерся на 300 ли (без малого на 150 км). Через каждые 5 бу (8,3 м) стояла башня, а через каждые 10 бу (16,6 м) – терем. Там служило множество придворных высокого ранга, исполнявших песни и танцы; там же хранились ценности, накопленные в шести царствах за многие столетия и захваченные циньской армией. Но все это – лишь воспоминание, поскольку «чусцы» (имелось в виду войско Сян Юя) одним факелом превратили огромный дворец в жалкое пепелище ⁶.

Поскольку произведение Ду Му пользовалось определенной популярностью, то в сознании ученых, занимавшихся историей и археологией Циньской эпохи, закрепился впечатляющий образ огромного здания, охваченного пламенем. Надо сказать, что данный образ не стимулировал желание провести на памятнике масштабные археологические работы, поскольку предполагалось, что наиболее ценные материалы уничтожены пожаром; при этом неоднократно проводилось внешнее обследование и обмеры.

Благодаря подробным географическим описаниям и огромным размерам, местонахождение памятника было хорошо известно еще в эпоху Средневековья. Он располагался к югу от р. Вэйхэ и к западу от старого русла р. Цзаохэ, примерно в 15 км к западу от городской стены Сианя.

В итоге первого обследования руины Эпана были внесены в 1956 г. в реестр охраняемых памятников культуры провинциального уровня, а в 1961 г. их статус был повышен до всекитайского. В 1991 г. было организовано изучение местонахождения совместно с экспертами ЮНЕСКО, которые в итоге официально зафиксировали, что Эпан (его фундамент) представляет собой самый большой дворцовый комплекс в мире.

³ Шуй цзин чжу [水经注]. «Канон вод с комментариями» // Baidu baike (free encyclopedia). URL: <https://baike.baidu.com/item/水经注> (дата обращения 01.10.2019).

⁴ Шию го чуню [十六国春秋]. «Весны и осени 16 государств» // Baidu baike (free encyclopedia). URL: <https://baike.baidu.com/item/十六国春秋> (дата обращения 01.10.2019).

⁵ Эпан гун [阿旁宫]. Дворец Эпан // Baidu baike (free encyclopedia). URL: <https://baike.baidu.com/item/阿旁宫/68268?fr=aladdin> (дата обращения 01.10.2019).

⁶ Текст оды, ее перевод на современный китайский язык и необходимые комментарии взяты нами из депозитария древних текстов. См.: Эпангун фу [阿旁宫赋]. «Ода о дворце Эпан». URL: https://so.gushiwen.org/shiwen_0456af8acee.aspx (дата обращения 01.10.2019). Для контроля привлекался перевод оды на английский язык, размещенный на сайте по изучению английского языка в Китае. См.: Ду му «эпангун фа» инвэнь бань [杜牧“阿旁宫赋”英文版]. Англоязычное издание «Оды о дворце Эпан» Ду Му. 18.04.2010. URL: <http://www.59edu.com/novel/shici/201004/17272.html> (дата обращения 01.10.2019).

Рис. 3. Карикатура по поводу новодела Эпан (надпись на основе дворцовой постройки: «местные выгоды»; надпись на молотке: «охрана памятников культуры»). Взята из свободного депоzitария иллюстраций (image.baidu.com), подготовлен к печати А. И. Соловьевым

Fig. 3. A caricature of Epang (hidden texts on the palace building: “local benefits”; and hammer: “preservation of cultural monuments”), taken from the free illustrations depository (image.baidu.com), prepared for publication by A. I. Soloviev.

Рис. 4. Фотография сноса фальшивого Эпан. Взята из свободного депоzitария иллюстраций (image.baidu.com), подготовлен к печати А. И. Соловьевым

Fig. 4. A photograph of the demolition of the fake Epang. Taken from the free illustrations depository (image.baidu.com), prepared for publication by A. I. Soloviev

Для дальнейшего изучения памятника требовалась организация систематических раскопок. Думается, что существенным стимулом для перехода к следующему уровню исследования для китайских археологов послужил колоссальный успех в изучении другого выдающегося памятника циньской эпохи – Мавзолея Цинь Шихуанди (см.: [Комиссаров, Хачатурян,

2010]). В октябре 2002 г. Институтом археологии АОН КНР и Институтом археологии и истории памятников материальной культуры г. Сиань был создан совместный отряд под руководством Ли Юйфан. Тогда же были начаты раскопки на самом памятнике, продолжавшиеся до декабря 2004 г. Раскопки проводились на платформе переднего дворца, построенной методом утрамбованной земли (*ханту*), с сохранившимися размерами 1 119 м по линии запад – восток и 400 м по линии север – юг, с высотой от 5 до 7 м [Ли Юйфан и др., 2005. С. 208]⁷. Соответственно, площадь только одного строения оказывается равной 447 600 кв. м ~ 0,45 кв. км. В рамках этой громадной территории было раскопано 3 000 кв. м; работы осложнялись тем, что на платформе располагались единичные захоронения и небольшие могильники, относящиеся к династиям Восточная Хань, Тан, Сун. Погребения бедные, практически без сопроводительного материала. Особенностью погребальных конструкций в ханьских могилах стало использование кровельной черепицы, вероятно, циньской. В детских могилах из нее на скорую руку сооружали гробы (пара черепиц становилась дном, на которое помещался труп ребенка, сверху его закрывала другая пара черепиц). Во взрослой могиле черепицей закрывали дно и стенки.

Значительную площадь платформы с восточного и западного концов занимают современные деревенские постройки и относящееся к ним кладбище примерно на 1 300 захоронений. Соответственно, раскопки там не велись.

В итоге проведенных работ ученые пришли к парадоксальному выводу: Эпан никогда не был построен полностью, в письменные источники, вероятно, попали планы строительства, по которым и делались все подсчеты. Возвели только большую платформу из утрамбованной земли для передней залы. Однако воздвигнуть стены и кровлю здания уже не успели (почти), поскольку в находках практически отсутствует обычный строительный мусор: кучи кирпича и черепицы. Для установки крыши завезли значительную партию типично циньских прямоугольных и полуцилиндрических черепичных блоков с веревочными и текстильными оттисками [Ху Цзиньхуа, 2004], однако их в основном использовали уже в более позднее время, при династии Хань, для сооружения простейших погребальных конструкций. На некоторых экземплярах нанесены иероглифы («левое присутствие», «левый дворец» и т. д.), связанные с предварительной разметкой, что куда ставить. Не обнаружено практически ни одного черепичного диска, что дополнительно доказывает незавершенность постройки (установка дисков обычно завершает кровельные работы). Несомненно, были возведены три защитные стены из утрамбованного лёсса вокруг платформы, их фрагменты выявлены при раскопках, в толще западной стены был устроен водовод. Найденные в процессе раскопок здания, хотя и расположены сравнительно близко к Эпану, относятся к другому дворцовому комплексу Шилиньюань, который был построен при Цинь, но продолжал использоваться и достраиваться при династии Хань.

Таким образом, главный итог археологического поиска состоит в том, что дворцовые здания Эпана со всеми башенками, галереями и теремами не погибли в пламени пожара – их просто не успели построить. Так был развеян один небольшой, но очень устойчивый миф, связанный с падением Циньской империи. Считаю необходимым подчеркнуть, что Сыма Цянь, впервые написавший про Эпан, не был причастен к этому мифотворчеству. Всякий раз, обращаясь к данной теме, он подчеркивал незавершенность строительства дворца, а рассказывая о разрушительном пожаре в Сянъяне, в пламени которого действительно погибли многие дворцы и другие строения, он не называет Эпан. Можно сказать, что на данном примере мы можем еще раз подтвердить высокую степень надежности в использовании разного типа источников автором «Исторических записок» [История..., 2018. С. 13].

В заключение позволим себе привести один небольшой сюжет, который в свое время вызвал немалую радость у специалистов. Дело в том, что популярность памятника была на-

⁷ Первоначальные размеры, судя по проведенному шурфованию, были еще больше: 1 270 м по линии запад – восток и 426 м по линии север – юг. Площадь, соответственно, равнялась 541 020 кв. м ~ 0,54 кв. км. См.: Эпан гун [阿旁宫]. Дворец Эпан // Baidu baike (free encyclopedia). URL: <https://baike.baidu.com/item/阿旁宫/68268?fr=aladdin> (дата обращения 01.10.2019).

столько велика, что его «реконструировали» раньше, чем раскопали. Строительные работы начались в 1994 г. и полностью завершились к 2000 г. Напротив вероятного месторасположения легендарного дворца был возведён довольно неряшливый новодел для привлечения туристов и для использования в качестве декорации для съёмок многочисленных псевдоисторических кинофильмов. Местные власти, хорошо освоившие технологию выжимания денег из памятников старины (неважно, подлинных или поддельных; поддельные даже лучше, поскольку требуют относительно меньших затрат), получали неплохой доход, а многочисленные туристы пребывали в уверенности, что посетили один из наиболее значимых объектов, связанных с именем Первого Циньского императора. И только немногие специалисты пытались критиковать масштабную фальшивку – но кто же их слушает?

Ситуация изменилась после проведения систематических раскопок. В 2012 г. поддельный Эпан закрыли под снос⁸. Вместо него в течение 2015–2020 гг. запланировано и утверждено Госсоветом создание археологического парка Эпан, где все реконструируемые постройки должны создаваться архитекторами совместно с археологами, на строго научной основе.

Список литературы

- История** археологических исследований в Китае: Историографический очерк / А. П. Деревянко, В. И. Молодин, С. А. Комиссаров и др. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. 174 с.
- Комиссаров С. А., Хачатурян О. А.** Мавзолей императора Цинь Шихуанди: Учеб. пособие. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2010. 216 с.
- Кроль Ю. Л., Романовский Б. В.** Опыт систематизации традиционной китайской метрологии // Страны и народы Востока. 1982. Вып. 23. С. 209–243.
- Сыма Цянь.** Исторические записки («Ши цзи») / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина, В. С. Таскина, под общ. ред. Р. В. Вяткина. М.: ГРВЛ, 1975. Т. 2. 579 с.
- Man J.** The terracotta Army: China's First Emperor and the birth of the nation. London, A Random House Group Co., 2007, 385 p.
- Zhang Ciyuan, Chen Jie.** Grandest palace remained a dream. *Shanghai Daily.com* (electronic edition), 18.08.2013. URL: <https://archive.shine.cn/sunday/now-and-then/Grandest-palace-remained-a-dream/shdaily.shtml> (дата обращения 01.10.2019).
- Ли Юйфан, Сунь Фуси, Ван Цзыли, Чжан Цзяньфэн.** Эпангун цяньюань ичжидэ каогу каньтань юй фацзюэ [李毓方、孙福喜、王自力、张建锋. 阿旁宫前殿遗址的考古勘探与发掘 // 考古学报]. Археологическое обследование и раскопки местонахождения передней залы дворца Эпан // Каогу сюэбао. 2005. № 2. С. 207–238. (на кит. яз.).
- Ху Цзиньхуа.** Чжуаньцзя сяньцзе эпангун каогу: Гаоцин эпангун цяньюань ичжи сяньцин [胡劲华. 专家详解阿旁宫考古; 搞清阿旁宫前殿遗址详情 // 北京娱乐信报]. Специалисты дают тщательное толкование археологии дворца Эпан: Выяснение ситуации на месте раскопок передней залы дворца Эпан // Бэйцзин юйлэ синьбао. 04.01.2004; перепечатано на портале Пресс-канцелярии Госсовета КНР. URL: <http://www.china.com.cn/chinese/2004/Jan/473379.htm> (на кит. яз.) (дата обращения 01.10.2019)

References

- Istoriya** arkheologicheskikh issledovaniy v Kitae: Istoriograficheskii ocherk [History of archaeological investigations in China: Historiographical essay]. A. P. Derevianko, V. I. Molodin, S. A. Komissarov et al. Novosibirsk, NSU Publishing centre, 2018, 174 p. (in Russ.)
- Komissarov S. A., Khachatryan O. A.** Mavzolei imperatora Tsin' Shikhuandi [A mausoleum of the Emperor Qin Shihuangdi]: Text-book for students. Novosibirsk, NSU Publishing, 2010, 216 p. (in Russ.)

⁸ Несмотря на то что его строительство обошлось учредителям в 100 млн юаней. При этом бюджет нового парка пока составляет 38 млн юаней. См.: Legendary historical palace park demolished in Shaanxi Province // Новостной портал SINA English. 14.09.2014. URL: <http://english.sina.com/culture/2014/0917/737442.html> (дата обращения 01.10.2019).

- Krol Yu. L., Romanovskii B. V.** Opyt sistematizatsii traditsionnoi kitaiskoi metrologii [A study of systematization of traditional Chinese metrology]. *Strany i narody Vostoka* [Countries and nations of the East], 1982, iss. 23, p. 209–243. (in Russ.)
- Sima Qian.** Historical Records («Shi Ji»). Transl. from Chinese by R. V. Viatkin, V. S. Taskin; ed. by R. V. Viatkin. Moscow, GRVL, 1975, vol. 2, 579 p. (in Russ.)
- Man J.** The terracotta Army: China's First Emperor and the birth of the nation. London, A Random House Group Co., 2007, 385 p.
- Zhang Ciyuan, Chen Jie.** Grandest palace remained a dream. *Shanghai Daily.com* (electronic edition), 18.08.2013. URL: <https://archive.shine.cn/sunday/now-and-then/Grandest-palace-remained-a-dream/shdaily.shtml> (accessed 01.10.2019).
- Li Yufang, Sun Fuxi, Wang Zili, Zhang Jianfeng.** Epang qiandian yizhide kaogu kantan yu fajue [李毓方、孙福喜、王自力、张建锋。阿旁宫前殿遗址的考古勘探与发掘 // 考古学报]. Archaeological investigation and excavation of the front hall site at Epang Palace. *Kaogu xuebao*, 2005, no. 2, p. 207–238 (in Chin.)
- Hu Jinhua.** Zhuanjia xiangjie epanggong kaogu: Gaoqing epanggong qiandian yizhi xiangqing [胡劲华。专家详解阿旁宫考古；搞清阿旁宫前殿遗址详情 // 北京娱乐信报]. Specialists give careful explanation for archaeology of Epang Palace; Revealing of the situation with front hall site at Epang Palace. *Beijing Yule xinbao*. 04.01.2004; reprinted at the web-side directed by State Council Information office of the PRC (in Chin.) (Retrieved on 01.10.2019).

Материал поступил в редколлегию
Received
30.08.2019

Сведения об авторах

Комиссаров Сергей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия), профессор кафедры востоковедения ГИ НГУ (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
sergai@mail.ru

Соловьев Александр Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
easolovievy@mail.ru

Information about the Authors

Sergey A. Komissarov, Candidate of Science (History), Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), professor of the Chair of Oriental Studies, Humanitarian Institute, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
sergai@mail.ru

Aleksandr I. Soloviev, Doctor of Science (History), Leading Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
easolovievy@mail.ru

Корейская курильница Пэкче и традиция использования курильниц *бошаньлу* в Восточной Азии

Е. Э. Войтишек

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Аннотация

Проанализирована история курильниц в форме горы *бошаньлу* (博山爐), известных в Китае с эпохи Западной Хань (202 г. до н. э. – 8 г. н. э.). В символике курильниц воплотились даосские представления о святых отшельниках *шань* и поисках бессмертия. В дальнейшем эти курильницы, соединившись с буддийской культовой символикой, приобрели большое значение в обрядовой практике буддизма. В пост-ханьское время изображения курильниц сохранились в погребальной пластике, на скульптурах, каменных барельефах буддийской тематики. Рассмотрены наиболее яркие артефакты династий Южной Лян, Северной Ци и Суй (кон. VI в.), которые отражают изменения во внешнем виде курильниц *бошаньлу* и типологически близки бронзовой позолоченной курильнице корейского государства Пэкче (百濟金銅大香爐, рубеж VI–VII вв.), выявлены ее общие черты с китайскими курильницами *бошаньлу*, позволяющие квалифицировать этот сосуд как уникальное изделие, символически отражающее целый комплекс религиозно-философских представлений, включая даосско-буддийские идеи, местные культы, локальные варианты дворцовых церемоний, повседневные практики населения.

Ключевые слова

китайские курильницы *бошаньлу* в форме горы, эпоха Хань, курильница Пэкче, государство Пэкче, Корея, Китай, даосизм, буддизм

Благодарности

Автор выражает глубокую признательность господину Бэ Кидуну, директору Национального музея Кореи (Сеул), господину Юнь Хёнвону, директору Национального музея Пуё в Республике Корея, их сотрудникам за неоднократную возможность работать с редкими материалами и артефактами из коллекций музеев, а также за ценные консультации и организацию полевых исследований. Автор также выражает большую благодарность господину Паку Кюджину за внимательное отношение и полезные рекомендации в изучении традиционной культуры Кореи. Отдельная благодарность профессору Б. Алтангарагу из Университета Национальностей Внутренней Монголии в Тунляо и его коллегам Бужэнь Таогэтао из Хуххото и Эрдэну Маньда из Баотоу за возможность полевых исследований во Внутренней Монголии с целью изучения курильниц типа *бошаньлу*.

Для цитирования

Войтишек Е. Э. Корейская курильница Пэкче и традиция использования курильниц *бошаньлу* в Восточной Азии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение. С. 24–40. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-24-40

Korean Gilt-Bronze Incense Burner of Baekje and the Tradition of Han Boshanlu Censer's Usage in East Asia

E. E. Voytishek

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The author analyzes the history of the unique mountain-shaped ancient ritual vessels – Boshanlu (博山爐) censers, known in China since the Western Han era (202 BC – 8 AD), based on research obtained through written, archaeological and museum sources, as well as material from the author's field research in East Asia. The mountain-shaped cen-

ser openly embodies symbols of Taoist interpretations of the holy 仙 *xian* and the search for immortality. Subsequently, once the incense burners began to incorporate Buddhist symbols, they gained great importance in Buddhist ritual practices. The design of these vessels gradually transformed under the influence of Buddhism, as Taoist symbols were phased out in favor of various Buddhist attributes. These incense burners became an integral decorative element of the Buddhist altar (alongside flower vases and candlesticks).

Having ceased its time of mass use in the post-Han years, Boshanlu censer have not completely disappeared. Their memory has survived among burial imagery, cave and stone bas-reliefs and Buddhist-themed sculptural compositions. The article provides the research of the most prominent issues of the Southern Liang, Northern Qi and Sui dynasties' cultural heritage (second half of the 6th century) and shows their influence on the Boshanlu censers' exterior and similarities of the latter with the gilt-bronze Baekje (百濟金銅大香爐) incense burner.

After a profound analysis, taking into account latest research, the symbolism which encompassed Baekje incense burners (at the turn of the 6–7th centuries) has been found to contain common features with the Chinese mountain-shaped censers, characterized by elements that allow this vessel to be classified as a unique item, symbolically reflecting an entire complex of various religious and philosophical representations, including Taoist-Buddhist concepts, local cults and local versions of palace ceremonies and everyday practices of the people of the state of Baekje.

Keywords

Mountain-shaped Chinese Boshanlu censers, the Han era, Great gilt-bronze Incense Burner of Baekje, Baekje state, Korea, China, Taoism, Buddhism

Acknowledgements

The author would like to express their deep gratitude to Mr. Bae Kidong, Director of the National Museum of Korea and to Mr. Yun Hyeunwon, Director of the Buyeo National Museum, and his fellow colleagues for the numerous opportunities to work with rare materials and artifacts from the museum's collections, as well as their valuable insights. The author also expresses their gratefulness to Mr. Park Kyujin, researcher of the Korea National University of cultural heritage and the Institute of Northern region cultural heritage (Buyeo-gun) for his attentive attitude and helpful recommendations during the course of research of Korean traditional culture. A very special, separate note of appreciation goes out to Prof. B. Alatangariga (阿拉騰嘎日嘎) from Inner Mongolia University for Nationalities in Tongliao and his colleagues Dr. Buren Taogetao (布仁套格套) from Huhhot and Dr. Eerdeng Manda (额尔登满大) from Baotou for sharing valuable resources during the course of the study of Boshanlu censers in Inner Mongolia, China.

For citation

Voytishek E. E. Korean Gilt-Bronze Incense Burner of Baekje and the Tradition of Han Boshanlu Censer's Usage in East Asia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies, p. 24–40. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-24-40

Введение

Один из примечательных видов древних ритуальных сосудов, курительницы *бошаньлу* 博山爐 в виде горы, впервые появившись в погребениях знати во времена династии Западная Хань (202 г. до н. э. – 8 г. н. э.), пережив свой расцвет при Восточной Хань (25–220 гг. н. э.), просуществовали вплоть до конца эпохи Северных и Южных династий (V–VI вв.).

Непосредственными предшественниками этих курительниц исследователи считают три типа изделий: сосуды для воскурения благовоний 高脚豆 *гаоцзяодоу* на высокой ножке с откидной крышкой, впервые появляющиеся в эпоху Чжаньго (403–256 гг. до н. э.); курительницы типа 香爐 *сянлу*, для которых было характерно наличие куполообразной откидной или съемной крышки на ножке, а также курительницы 熏爐 *сюньлу*, для которых во времена Хань из стран Южной Азии ввозили разные виды ароматического сырья [Ericson, 1992. P. 7–12; Wu Tung, 2005. P. 130]¹.

¹ По мнению многих китайских ученых, древнейшими прототипами всех ритуальных курительниц эпохи Хань можно считать неолитические керамические сосуды 豆 *доу* и бронзовые треножники 鼎 *дин* времени государства Шан (XIV–XI вв. до н. э.) (Цит. по: [Войтишек, Яо, 2018б. С. 78]). При этом британские исследовательницы Дж. Роусон и Э. Стоун выдвигают гипотезу, согласно которой конусообразная форма китайских курительниц *бошаньлу* могла быть заимствована у народов Передней и Центральной Азии, в культуре которых имеются более ранние образцы курительниц подобного типа. Речь идет о культурных контактах между Китаем и соседними странами азиатского региона с периода Чжаньго по эпоху Хань [Rawson, 2006; Stone, 2006]. Есть также предположение, что термин 熏爐 *сюньлу* продолжал использоваться в отношении курительниц периода Западной Хань, но впоследствии был вытеснен термином *бошаньлу* под воздействием adeptов даосизма [Wu Tung, 2005. P. 130].

Бронзовые и позолоченные курильницы *бошаньлу* в императорском окружении эпохи Хань служили изысканным подарком, часто встречались в погребениях придворной знати и аристократии. Эти сосуды на протяжении нескольких столетий также использовались в разнообразных культовых практиках и дворцовых церемониалах, применялись в бытовых, санитарно-гигиенических, лечебных целях. В силу своей внешней привлекательности и широкой функциональности они служили для аристократии показателем высокого социального статуса. В символике курильниц ярко воплотились даосские представления о святых отшельниках (仙) *сянь* и поисках бессмертия [Войтишек, Яо, 2018а. С. 510].

Китайские специалисты считают, что в эпоху Хань производились два типа сосудов *бошаньлу*: один тип курильниц делали из (позолоченной) бронзы, другой тип – из керамики, покрытой свинцовой глазурью. Бронзовые курильницы делали в эстетических целях для созерцания, а керамические изделия изготавливались в массовом масштабе и зачастую предназначались для различных ритуалов (в том числе, погребальных). Учитывая увлечение китайского общества эпохи Хань даосскими идеями, оба типа курильниц *бошаньлу* продолжали сохраняться и после завершения правления династии Восточная Хань в 220 г. [Wu Tung, 2005. P. 128–129].

Появление буддизма в первых веках нашей эры в Китае и его постепенное распространение имело определяющее значение для развития повседневной жизни общества, его вероисповедания, культуры и искусства. В Китае курильницы *бошаньлу*, изначально ассоциировавшиеся с даосскими представлениями, соединившись с буддийской культовой символикой, приобрели большое значение в обрядовой практике буддизма.

Как полагают специалисты, для своих ритуальных нужд буддисты широко использовали даосские аксессуары, включая курильницы *бошаньлу*, которые служили в арсенале даосов более 400 лет. Однако под влиянием буддизма дизайн этих сосудов постепенно эволюционировал. Фигуры даосских бессмертных были удалены из оформления верхней части крышки курильниц: вместо этого их изображения перенесли на лotosовые лепестки (символ буддизма) на тулове сосуда. Феникс, до того часто изображавшийся на вершине крышки курильницы, либо вообще исключался из дизайна, либо заменялся буддийской символикой – такой, как «драгоценная жемчужина» *мани* (кит. 宝珠 *баочжу*) или ритуальная ваза *кундика* (кит. 宝瓶 *баопин*). В буддийском воплощении новый вид курильниц *бошаньлу* утратил свою основную функцию содействовать даосским адептам на пути личного совершенствования [Wu Tung, 2005. P. 130]. Вместо этого он стал элементом, дополняющим набор из трех или пяти предметов, размещаемых на алтаре в дар Будде (наряду с вазами для цветов и подсвечниками)².

Интересной формой, в которой были заложены возможности для перехода к другим вариантам курильниц типа *бошаньлу*, обладает керамический сосуд *цзунь*, покрытый желтой глазурью (黄釉陶樽), из погребения Чжаовань эпохи Хань (Баотоу, Внутренняя Монголия, КНР). Крышка этого сосуда сделана в форме невысоких горных пиков, на тулове находятся 47 изображений, 29 различных мифологических сюжетов, образы животных с благопожелательным значением, фигуры воинов в латах, изображение священного дерева *фусан*³, а также танцевальные и драматические сцены. В семантике сосуда преобладают идеи долголетия

² Имеются в виду так называемые «три предмета на подставке» 三具足 *сань цзюй цзу* (курильница 香爐 *сянлу*, ваза для цветов 花瓶 *хуапин* и подсвечник 烛台 *чжуйтай*) или же «пять предметов на подставке» 五具足 *у цзюй цзу* (одна курильница, две вазы для цветов и два подсвечника). Выставление этих предметов на алтаре до сих пор является повседневной практикой во всех буддийских храмах Восточной и Юго-Восточной Азии. При этом форма курильниц совершенно не напоминает ханьские сосуды в виде горы: как правило, они вообще не имеют крышек и представляют собой широкие чаши на ножках или без таковых.

³ По легенде, это поддерживающее небо шелковичное дерево из двух переплетенных стволов росло далеко на Востоке. На дереве находились десять солнц, сыновей Сихэ и владыки Востока Ди-цзюня, которые по очереди появлялись из-за его ветвей и отправлялись в свой путь по небу, пока однажды не вылетели все вместе. Призванный на помощь легендарный Стрелок И сбил из лука девять солнц.

и бессмертия, синкретичной философии Хуан-Лао (Хуан-ди и Лао-цзы), присутствуют символы *инь-ян* и *у-син* [Lee Nan-Young, 2005. P. 125]⁴ (рис. 1).

Рис. 1. Керамический сосуд *цзунь*, покрытый желтой глазурью (黄釉陶樽) в форме курильницы *бошаньлу* из погребения Чжаовань эпохи Хань. Находится в Музее Баотоу, Внутренняя Монголия, КНР (фото автора)

Fig. 1. Yellow glazed ceramic *zun*-vessel in the shape of a *boshanlu* incense burner from the Zhaowan tomb of the Han era. Baotou Museum, Inner Mongolia, China (photo by author)

Китайские курильницы *бошаньлу* в пост-ханьское время

К концу эпохи Северных и Южных династий (V–VI вв.) в истории развития китайских курильниц *бошаньлу* намечается постепенный упадок: из поля зрения практически исчезают бронзовые изделия, керамические сосуды тоже теряют свою популярность. При этом изображения курильниц *бошаньлу* начинают встречаться на каменных барельефах, в погребаль-

⁴ В настоящее время эта курильница выставлена в музее города Баотоу автономного района Внутренняя Монголия (КНР). См. сайт музея Баотоу Внутренней Монголии 内蒙古包头博物馆 URL: http://www.nmgbtbwg.cn/html/2015/lishiwenwu_0811/1.html#p=1 (дата обращения 04.08.2019); сайт туристической компании Qunar.com URL: <http://travel.qunar.com/p-pl5214236> (дата обращения 11.08.2019).

ной пластике, скульптурных композициях, связанных с буддийской тематикой. Тем самым, исчезнув из повседневного обихода, эти изделия постепенно превратились в важнейший атрибут буддийских культовых практик [Сунь Чжанфэн, 2015. С. 98].

Рис. 2. Курильницы типа 博山爐 *бошаньлу* в искусстве Китая в эпоху Северных и Южных династий (коллаж И. А. Аксенова):

a – большая позолоченная скульптура (北魏金铜五尊佛立像) династии Северная Вэй (начало VI в.). Находится в Музее Метрополитен в Нью-Йорке, США (по: [Мацубара Сабуро. Тю:гоку буккё: тё:коку сирон [松原三郎. 中国仏教彫刻史論. 東京、吉川弘文館]. История китайской буддийской скульптуры. Токио: Ёсикава Кобункан, 1995. Т. 1. С. 173]);

б – каменная стела (释慧影造释迦牟尼佛漆金石像) династии Южная Лян, 546 г. с изображением буддийской триады и курильницы *бошаньлу* у подножия лotosового трона. Находится в Музее Шанхая, КНР (сайт культурного наследия Китая URL: http://www.gucn.com/Info_MuseumCurio_Show.asp?Id=2485);

в – кирпичная плитка из погребального комплекса династии Южная Лян в Чанчжоу пров. Цзянсу с изображением знатной женщины, держащей в руке курильницу *бошаньлу* с фигурой феникса наверху (南北朝托博山爐待女画像砖). Находится в Музее Чанчжоу, пров. Цзянсу КНР (URL: <http://zy7312.blog.163.com/blog/static/31619292015712102239113/>);

г – сцена религиозного ритуала вокруг курильницы *бошаньлу* в гроте Гуяндун пещерного комплекса Лунмэнь в г. Лоян КНР (龙门石窟北魏古阳洞), династия Северная Вэй (495 г.). (по: [Янь Гоюй. Лунмэнь шикю бэйвэй гуянтун цзинянь сяокань шанси [阎国宇. 龙门石窟北魏古阳洞纪念小龕赏析 Художественный анализ небольшой ниши в пещере Гуяндун династии Северная Вэй в пещерном комплексе Лунмэнь. 15 Oct. 2015, p. 19–23]. URL: <http://www.doc88.com/p-1866910749217.html>)

Fig. 2. Boshanlu incense burners featured in Chinese art of the Northern and Southern dynasties era (collage by I. A. Axenov):

a – a large gilded sculpture of the Northern Wei dynasty (beginning of the VI century). Metropolitan Museum, New York, USA (by [Matsubara Saburo. Chuugoku bukkyou choukoku shiron. History of Chinese Buddhist Sculpture. Tokyo, Yoshikawa Kobunkan, 1995, Vol. 1, p. 173]);

b – stone stele featuring an image of the Buddhist Shakyamuni Triad with a Boshanlu incense burner at the foot of the lotus throne. Southern Liang dynasty, circa 546. Shanghai museum, China (URL: http://www.gucn.com/Info_MuseumCurio_Show.asp?Id=2485);

c – brick tomb relief from the burial complex of the Southern Liang dynasty with the image of a noble woman holding a Boshanlu incense burner with a phoenix figure (late 6th century). Changzhou Museum, Jiangsu Province, China (URL: <http://zy7312.blog.163.com/blog/static/31619292015712102239113/>);

d – a depiction of a religious ritual around a Boshanlu incense burner in the Guyangdong grotto of the Longmen cave complex, Northern Wei Dynasty, circa 495. Luoyang, China. (based on [Yan Guoyu. Longmen shiku beiwei guyangtong jinian xiaokan shangxi. Artistic analysis of a small grotto in the Guyangdong Cave of the Northern Wei Dynasty in the Longmen Cave Complex. 15 Oct. 2015, p. 19–23]. URL: <http://www.doc88.com/p-1866910749217.html>)

Наиболее яркие свидетельства этого явления можно найти в культуре династий Южной Лян, Северной Ци и Суй (вторая половина VI в.). Изображения на каменных стелах и барельефах с погребальных сооружений отражают неизбежные изменения во внешнем виде курильниц *бошаньлу*.

Можно отметить ряд подобных изображений, обнаруженных на севере и юге Китая. К примеру, в северном Китае найдена большая позолоченная скульптура (北魏金铜五尊佛立像) династии Северная Вэй (начало VI в.)⁵. Эта скульптурная композиция свидетельствует, что курильницы *бошаньлу* заняли свое место у ног центрального изображения Будды. Подверженная большим изменениям во внешнем виде, эта курильница не содержит специфических символов вроде даосских отшельников или феникса на вершине крышки. Верхняя часть сделана в виде горы, а нижняя – в виде чаши с лепестками лотоса. Что касается находок на юге Китая, то на буддийской каменной стеле династии Южная Лян, датированной 546 г.⁶, курильница *бошаньлу* помещена прямо перед лotosовым тронem Будды. Тулово сосуда, размещенного в центре круглой подставки, украшено орнаментом в виде лепестков лотоса. Эта южнолянская стела (释慧影造释迦牟尼佛漆金石像) – типичный представитель множества похожих сосудов южной традиции, существующей вплоть до настоящего времени [Wu Tung, 2005. P. 130–131].

На кирпичной плитке из погребального комплекса династии Южной Лян в Чанчжоу, в пров. Цзянсу (место рождения императора У-ди династии Южная Лян) можно видеть выразительное изображение знатной женщины в длинных одеждах, держащей в ладони левой руки довольно большую курильницу *бошаньлу* (南北朝托博山爐待女画像砖). Верхняя часть крышки украшена зубчатым горным рельефом, а нижняя – лotosовыми лепестками.

⁵ В настоящее время находится в коллекции Музея Метрополитен в Нью-Йорке.

⁶ Ныне находится в Музее города Шанхая.

Исследователи обращают внимание на фигуру феникса, стоящего на вершине крышки с распростертыми крыльями, указывая, что такая композиция очень близка семантике орнамента корейской курильницы Пэкче, о которой речь пойдет ниже (несмотря на отсутствие изображения дракона в основании сосуда). Важно то, что этот тип буддийских курильниц, где переплелись традиции Пэкче и Южной Лян, широко использовался аристократами и семьями правителей и в Китае, и в Корее [Wu Tung, 2005. P. 131]. Не случайно в семантике курильниц этих двух древних государств можно найти общие черты ⁷.

Кроме этого, есть и другие показательные примеры: изображения курильниц *бошаньлу* с каменных барельефов династии Северная Вэй в 522 г. и династии Суй (581–618); контуры двух курильниц в виде горы, относящихся к династии Северная Ци (550–577), высеченных на кирпичном погребальном рельефе с изображением процессии, найденном в уезде Дэн пров. Хэнань [Wu Tung, 2005. P. 131]; в пещерном комплексе Лунмэнь близ Лояна ⁸ (рис. 2).

Эти примеры убедительно показывают, что курильницы в виде священной горы не потеряли свою популярность и спустя несколько столетий после династии Хань: они служили в качестве важного связующего элемента в буддийских и даосских сюжетах, а также сценах, связанных с жизнью знати.

Более того, специалисты уверены, что адепты даосизма, как и литераторы Южных династий, проводившие время в беседах на философские и эстетические темы, часто использовали в повседневных нуждах керамические курильницы – возрождение значения символа феникса в семантике курильниц в пост-ханьское время служит дополнительным доказательством силы даосской традиции в условиях влияния иноземного буддизма [Wu Tung, 2005. P. 131–132].

Бронзовая позолоченная курильница Пэкче

Наиболее убедительное воплощение даосских идей и буддийских представлений можно обнаружить в семантике большой бронзовой позолоченной корейской курильницы Пэкче (百濟金銅大香爐 кор. *пэкче кымдон тэхянно*), найденной во время раскопок в 1993 г. в руинах храма погребального курганного комплекса Нынсанни в г. Саби, относящегося к королевской династии, правившей Пэкче в 538–660 гг. (ныне уезд Пуё, Республика Корея).

Курильница Пэкче в виде горы 博山爐 (кор. *паксанно*), датируемая концом VI в. – серединой VII в., найдена во время раскопок здания, примыкающего к северному тупику западного коридора, предположительно служившего мастерской при храме (мастерская 1). Сосуд обнаружен в остатках деревянной трубы длиной 135 см, шириной 90 см и высотой 50 см, видимо, приспособленной для охлаждения металла водой. Курильница была разделена на части (крышку и чашу на подставке), возле нее находились фрагменты стекла, керамики, лаковых изделий, обломки черепицы. Вероятно, курильница была помещена в водопроводную трубу

⁷ Под влиянием буддизма на юге Китая в период Северных и Южных династий, а также благодаря деятельному участию просвещенного императора У-ди (годы правления 502–549), жившему в Нанкине, династия Южная Лян активно поощряла культурные связи с государством Пэкче, которое не только играло заметную роль на Корейском полуострове наряду с Когурё и Силла, но и вплоть до своей гибели в 660 г. поддерживало добрососедские отношения с Японией, транслируя на архипелаг традиционные ценности материковой цивилизации. Тем не менее, в Японии к настоящему времени не сохранилось следов использования курильниц в форме горы (яп. *хакусанро*), несмотря на упоминания об их существовании в эпоху Нара (710–794) в справочниках (например, в [Electronic Encyclopaedia Britannica, 2009]). Косвенным свидетельством знакомства населения Японского архипелага с материковыми даосскими курильницами является продолжение обычной изготовления керамических сосудов в форме горы современной гончарной школой Арита на о. Кюсю, наследующей традиции китайских и корейских керамистов.

⁸ См., например, об изображении курильницы *бошаньлу* в гроте Гуяндун (古阳洞), относящемся к династии Северная Вэй (около 495 г.). На стенах ниши изображена сцена религиозного ритуала вокруг курильницы, совершаемого двумя монахами [Янь Гоюй. Художественный анализ небольшой ниши в пещере Гуяндун династии Северная Вэй в пещерном комплексе Лунмэнь (阎国宇. 龙门石窟北魏古阳洞纪念小龕赏析). URL: <http://www.doc88.com/p-1866910749217.html>, 15 Oct. 2015, p. 19–23 (дата обращения 11.08.2019)].

в спешном порядке во время драматических событий, связанных с падением государства Пэкче в 660 г., где она и пролежала вплоть до обнаружения в 1993 г. В двух мастерских около остатков храма найдено множество артефактов из камня, дерева, керамики и металла, фрагменты лакированных и стеклянных изделий, привезенных из Западной Азии. Все эти находки, свидетельствующие о тесных контактах государства Пэкче с соседними странами, имеют чрезвычайно важное значение для понимания космополитического характера культуры Пэкче, особенно в период Саби (538–660) [Kim Jong-man, 2005. P. 143; Essence of Baekje culture, 2014. P. 16–17; Buyeo National Museum, 2015. P. 122–140]⁹.

Необычайно большие размеры (высота 61,8 см, вес 11,85 кг) и форма курительницы Пэкче говорят о том, что она была изготовлена не просто как стационарный объект. Учитывая беспрецедентные размеры курительницы и ее богато декорированный внешний вид, она была предназначена, видимо, для алтаря в буддийском храме, для использования в важнейших буддийских ритуалах и дворцовых церемониях королевской семьи, в частных или хозяйственных помещениях во дворце.

Курительница состоит из трех отдельных частей: крышки, тулова (чаши) и подставки-пьедестала. Чаша выполнена в форме раскрытого цветка лотоса, она стоит на пьедестале, в основании которого изображен извивающийся дракон. Куполообразная крышка сосуда имеет форму горы с зубчатыми пиками. Вершину горы украшает фигура феникса с распростертыми крыльями, будто готовящегося взлететь¹⁰.

Что касается семантики изображений феникса и дракона, то в целом здесь корейские исследователи идут вслед за китайской традицией амбивалентной трактовки обоих символов, отмечая проблематичность интерпретации их иконографии. Согласно общепринятому мнению, феникс воплощает стихию *инь*. Зубчатые пики на крышке сосуда под фигурой феникса олицетворяют место обитания бессмертных небожителей, мифических существ, музыкантов, легендарных животных и людей. По принципу контраста, фигура дракона в нижней части курительницы воплощает стихию *ян*: он дает импульс к рождению лотоса на чаше курительницы вместе с множеством существ водного мира. Кроме того, дракон символизирует энергию рождения и силу сотворения, поскольку, по древним представлениям, он контролирует небеса и дождь. Тем самым, курительница Пэкче олицетворяет модель Вселенной вместе с космологическими символами *инь-ян*, находящимися в гармоническом балансе через ось феникс-дракон [Fragrance of Korea, 2005. P. 15].

Вместе с тем, в последних работах корейских ученых можно видеть иную трактовку этих символов. Например, в диссертациях сотрудников отдела азиатского искусства Национального Музея Кореи (Сеул), посвященных изучению иконографии и символики курительницы Пэкче, прямо указано, что фигура феникса, венчающая крышку курительницы, является благоприятным и божественным символом, олицетворяя собою стихию *ян*, тогда как лотос, вырастающий из подводного мира, и дракон, занимающий основное место на подставке сосуда, символизируют собой стихию *инь*. Феникс как посланник божественной силы символизирует Небеса, а дракон показывает, как обычные люди, используя энергию Земли, могут достичь священных гор. Цветы лотоса, выходящие из пасти дракона, на тулове курительницы постепенно трансформируются в изображение горных пиков на крышке сосуда, что демонстрирует идею «чистой энергии и квинтэссенции жизни» 化生 *хвасэн* (кит. *хуашиэн*). При такой трактовке все объекты изображения на курительнице и сам феникс на вершине крышки могут быть интерпретированы как порождение жизненной силы из лотоса (蓮華化生山), который

⁹ Есть гипотеза, что курительница была доставлена в мастерскую при храме для реставрации, но оставлена там вследствие каких-либо чрезвычайных обстоятельств. Судя по отчетам об археологических раскопках в погребениях, в буддийских храмах и разных хранилищах в Китае, подобные курительницы обычно находили вместе с контейнерами для благовоний. В данном случае сомнительно, чтобы курительница была помещена сюда для длительного хранения, поскольку при ней не было найдено никаких шкатулок для благовоний [Lee Nan-Young, 2005. P. 118–119].

¹⁰ Встречаются противоположные трактовки, согласно которым феникс выглядит так, словно только что спустился с небес как божественное предзнаменование – см., например: [Wu Tung, 2005. P. 133].

транслирует идею бесконечности, непрерывности и возрождения. Таким образом, фигуры феникса и дракона являются не только декоративными элементами на сосуде, но и выражают понятия движения и витальности, постоянных изменений, порождаемых энергией 氣 *ки* (кит. *ци*) [Jo Wong Gyeo, 2016. P. 6–8; Park Kyungeun, 2018. P. 225–226].

Рис. 3. Крышка с фениксом и лotosовая чаша с подставкой в виде дракона корейской бронзовой позолоченной курильницы Пэкче типа бошаньлу (*паксанно*). Находится в Национальном музее Пусэ, РК

Fig. 3. The lid with a phoenix and lotus bowl with a dragon stand of a Korean Boshanlu incense burner (*paksanno*), Baekje kingdom, late 6th century, gilt bronze. Buyeo National Museum, Republic of Korea

Вероятно, данное ритуальное изделие, ориентированное на вечные идеи и ценности, так и следует понимать: верхняя часть курильницы в виде горы с фигурой феникса на самом верху воплощает стихию *ян*, а нижняя часть с фигурой извивающегося дракона – стихию *инь*.

Некоторые исследователи называют фигуру феникса Пурпурной птицей (Red Bird, Crimson Bird), курицей, петухом, домашней птицей и даже птицей Калавинка из индо-буддийской мифологии. Часть специалистов вообще отказывается трактовать эту птицу как феникса, проводя типологические сопоставления с находками в китайских захоронениях эпохи Тан, где «настоящий» феникс изображен с двумя мохнатыми пучками перьев на голове и изогнутым хвостом (Цит. по: [Lee Nan-Young, 2005. P. 122–125; Fragrance of Korea, 2005. P. 15]) (рис. 3).

Символика изображений на крышке курильницы

Мифологическая птица феникс 凤凰 *пюнхван* (кит. *фэнхуан*), стоящий на самом вершине крышки на шаре, удерживает между клювом и грудью небольшую волшебную жемчужину¹¹. Он изображен с длинным хвостом и высоким гребнем на голове.

Под ним изображены 12 фигур старцев-отшельников и пять сидящих по кругу музыкантов. Кроме того, на крышке сосуда отлиты 42 мифических существа и различных диких животных, включая тигра, слона, обезьяну, дикого кабана. Они выгравированы на поверхности 74 символических холмов и расщелин. Можно насчитать шесть различных видов растительности на 20 горных пиках. Отчетливо различимы изображения потоков, горных троп, водопадов.

Фигурки людей отличаются большим разнообразием. На самом вершине изображены пять музыкантов. Каждый из них играет на своем инструменте, у каждого волосы собраны в пучок с правой стороны головы, одежды плавно облекают плечи. Если смотреть на курильницу со стороны головы феникса, то центральное место занимает лютнист, фигуры расположены по часовой стрелке: слева от музыканта с лютней 阮咸 *ванхам* (кит. *жуаньсянь*) показан музыкант с продольной флейтой 纵笛 *чансо* (кит. *цзунди*), следом идут исполнители, играющие на многостольной флейте 排笛 *пэсо* (кит. *пайди*), цитре 玄琴 *комунго* (кит. *сюань цинь*) и на барабане 鼓 *пук* (кит. *зу*)¹².

Еще 12 фигур людей располагаются сверху и снизу на крышке на разных слоях и рядах горных пиков. Они облачены в длинные одеяния, закрывающие их ноги, некоторые подпоясаны на уровне груди. Помимо человека, моющего волосы у подножия водопада, все остальные с бритыми головами. В основном, фигуры изображены стоящими, но некоторые показаны сидящими на скалах, часть из них в позе медитации, другие удят рыбу. Несколько людей сидят верхом на слоне или лошади. Есть фигуры в одеяниях с перьями, что указывает на мир бессмертных [Fragrance of Korea, 2005. P. 22–31]. Кроме этого, на крышке курильницы можно увидеть всадников на лошадях, детали снаряжения и костюма которых (например, лук и стрелы) представляют ценный источник по реконструкции военной экипировки периода Трех царств; мифических существ с лицом человека и телом птицы и др.¹³

¹¹ Жемчужина (магический камень *чинтамани*) является устойчивым символом буддизма, связанным с легендой о волшебном камне, излучающем необыкновенное сияние, обладающем сильнейшей энергетикой и исполняющим желания.

¹² Как предполагают корейские специалисты, из этих пяти инструментов лютня, продольная флейта и многостольная флейта, по-видимому, пришли из Центральной Азии. Цитра *комунго*, вероятно, уже была на Корейском полуострове в период Когурё. Истоки барабана не ясны, но, возможно, его происхождение увязывается с южным влиянием. Лютня представляет собой модификацию известной в Центральной Азии лютни *пипа*, прославленной знаменитым исполнителем Жуань Сянем, жившим при династии Цзинь. Он входил в число «семи мудрецов из Бамбуковой рощи» (竹林七子), сообщество китайских философов, писателей, музыкантов III в. Этот вид лютни со времен династии Тан стал называться по имени этого знаменитого исполнителя – *жуань*. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=阮咸> (дата обращения 01.08.2019). Круглое тулово лютни *жуань* изображено также на росписях в погребальных камерах периода Когурё (на территории современной провинции Цзилинь в Китае), в самой Корее и на стенах пещер в Центральной Азии [Fragrance of Korea, 2005. P. 16–21].

¹³ Многие из них были описаны в памятнике «Каталог гор и морей» (山海经 «Шаньхай цзинь»), ценном источнике по мифологии и истории Древнего Китая. Некоторые персонажи на курильнице изображены с копной

Помимо людей, на крышке курильницы присутствует множество разнообразных реальных и вымышленных животных, птиц. Из реальных животных можно идентифицировать трех тигров, льва, диких кабанов, двух обезьян¹⁴, лошадей, оленей и змей¹⁵. Водных животных – таких, как крокодил, ящерица, выдра, а также многочисленных рыб вместе с драконом можно считать архетипическими символами воспроизводства и перерождения [Park Kyungeun, 2018. P. 227].

Вымышленные животные часто изображены в свирепом и устрашающем виде, у части из них из пасти выгибаются змеи¹⁶. Есть мифические существа, похожие на пресмыкающихся, с удлинённым телом, они показаны прячущимися за скалами от охотников с луками; есть те, кто гуляет по горным тропам с поднятыми передними лапами, с мордами, обращенными назад. Есть существа с длинными хвостами, готовые к прыжку, словно охотящиеся за добычей [Fragrance of Korea, 2005. P. 54–59].

К вымышленным животным примыкает маска 铺首 *посу* (кит. *пушоу*) с кольцом во рту. Глаза животного обращены к низу, в верхней части головы между рогами видны три горных пика, на обеих лапах – когти, сзади торчит хвост¹⁷. На курильнице маска *посу* отлита в нижнем ряду крышки, прямо под кончиком хвоста феникса. Поскольку подобные изображения традиционно использовались в качестве оберега от зла, исходящего с севера, можно предположить, что фигура феникса должна была быть обращенной к югу. Следовательно, музыкант, играющий на люэне прямо под фениксом, две птицы, смотрящие на феникса, а также человек прямо под люэнистом, – вся эта композиция должна была представлять собой фронтальный вид курильницы [Fragrance of Korea, 2005. P. 11].

Корейские специалисты обращают внимание на то, что фигуры животных и людей располагаются по часовой стрелке справа налево (их лица обращены влево), предполагая, что это соответствует древним космологическим и натурфилософским принципам мироздания [Park Kyungeun, 2018. P. 227; Fragrance of Korea, 2005. P. 11].

Кроме реальных животных и мифических существ на крышке курильницы богато представлен мир птиц. На самом вершине крышки отлиты пять горных пиков, окружающих феникса, на каждом сидят пять больших птиц в разных позах. Одни почтительно смотрят на возвышающегося над ними феникса, другие стоят с головами, повернутыми в разные стороны; крылья одних широко расправлены, словно они собираются взлететь; крылья других сложены, голова прижата к груди.

На крышке курильницы изображены как реальные, так и вымышленные птицы. Среди реальных птиц можно опознать гусей и ястребов. Ястреб как хищная птица занимает место в верхней части крышки, но под фигурами гусей, которые показаны сидящими на самых высоких горных пиках, словно замороженные игрой музыкантов. В нижней части расположены вымышленные птицы с короткими крыльями и маленьким клювом, длинными хвостами и даже с одним рогом. У двух хищных птиц в клювах торчат крылья и хвост жертв, обрывки

волос, часть из них – с волнистыми волосами. У них спокойные лица с благожелательными улыбками [Fragrance of Korea, 2005. P. 34–39].

¹⁴ По внешнему виду она похожа на некую длиннохвостую обезьяну 狻猊 *шэньиэн*, которая упоминается в древнекитайском «Каталоге гор и морей» [Fragrance of Korea, 2005. P. 46–47].

¹⁵ Корейские ученые подмечают, что лев и тигр, возглавляющие пищевую цепочку, занимают нижнюю половину крышки. Те животные, которые находятся внизу пищевой цепочки (олень или кабан), расположены на крутых склонах или в горных расщелинах в средней и верхней частях крышки [Fragrance of Korea, 2005. P. 40]. Согласно одной гипотезе, изображения хищных животных (тигра, льва) могут свидетельствовать о распространении охоты, а фигуры слона и обезьяны – о завоеваниях новых земель в дальних краях и экспансионистских устремлениях правящего класса [Park Kyungeun, 2018. P. 224].

¹⁶ Похожие монстры с мордами драконов, держащие в зубах змей, упоминаются в «Каталоге гор и морей» и называются 天狗 *тяньгоу*. Считается, что их присутствие ограждает от неблагоприятного внешнего воздействия [Fragrance of Korea, 2005. P. 50].

¹⁷ По свидетельству ученых, подобные изображения встречались в Китае в эпоху Хань – не только на каменных скульптурах, но и на ручках бронзовых сосудов. При этом часто изображались головы тигра или дракона [Fragrance of Korea, 2005. P. 60]. В Китае можно видеть также изображения черепахи или змеи с кольцом во рту в качестве медной скобы на воротах домов. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=铺首> (дата обращения 01.08.2019).

ткани. В нижней части крышки привлекают внимание фигуры двух мифических птиц, обращенных головами друг к другу; птицы с длинным хвостом, равным по длине ее телу; птицы с длинным клювом, достигающим земли, похожим на хобот слона, а также стоящей на двух лапах птицы, из головы которой торчит большой изогнутый рог, как у мифического единорога *цилинь*, возвещающего о мирном и спокойном правлении. Корейские ученые отмечают, что сюжеты, связанные с птицами, часто встречаются на керамике и металлических предметах, найденных среди погребального инвентаря на памятниках периода Трех царств, и трактуют подобные изображения как символ души, поднимающейся в небеса после смерти, или как связующий символ мира живущих с миром усопших [Fragrance of Korea, 2005. P. 62–71]¹⁸.

Мир, населенный отшельниками, разными животными и птицами, показан на фоне причудливого пейзажа. Крышка курильницы выполнена в типичном для традиционной азиатской живописи стиле: на ней присутствуют изящные горные пики, символизирующие гору Бошань, деревья, скалы, водные потоки, водопады вместе с фигурами людей. Часто горы сгруппированы по три пика замысловатой формы. Пейзаж выглядит симметричным на правой и левой частях крышки сосуда, подан с положения наблюдателя, стоящего у подножия гор и осматривающего вершины. На крышке курильницы можно различить травы и деревья двух видов (широколиственные и хвойные), которые служат фоном для людей и животных¹⁹.

Крышка курильницы плотно пригнана к тулову сосуда, по самому низу ее идет полоса перекрученной виноградной лозы. Некоторые специалисты считают, что это оправа из витых облаков – мотив, часто встречающийся в Китае в качестве бордюрного декора. Этот декоративный элемент можно видеть на стенах гробниц Когурё, где он отделяет верхнюю и нижнюю часть расписных стен [Lee Nan-Young, 2005. С. 122]. Этот же принцип использован в оформлении границы между нижней и верхней частью чаши – между ними идут две полосы в виде витых облаков.

Что касается такой существенной детали оформления курильницы, как отверстия для выхода дыма от сжигаемых благовоний, то их на крышке насчитывается 12: два отверстия на груди феникса, два ряда в круг по пять отверстий – непосредственно под фигурой феникса, а также между пятью музыкантами и горными пиками, на которых восседают пять птиц. Изучение расположения отверстий на крышке для выхода дыма показало, что первоначально они не все входили в оформление сосуда: только 5 из 12 отверстий присутствовали на крышке сосуда изначально, остальные были изготовлены позднее. Предположительно отверстия были проделаны в мастерской в ходе реставрации сосуда. То же и с золочением – анализ состояния найденного сосуда показал, что курильница еще находилась в процессе реставрации [Lee Nan-Young, 2005. С. 125–126].

Символика изображений на чаше курильницы

Чаша (тулово) курильницы держится на подставке, которая сделана в форме извивающегося дракона с поднятой лапой. Чаша изготовлена в виде цветка лотоса, который словно выходит из пасти дракона. Она украшена тремя рядами лotosовых лепестков, каждый из кото-

¹⁸ Здесь можно провести параллели с ритуальными кувшинами *魂瓶 хуньпин* с пятью горлышками, которые трактовались как вместилище для души, духов, всего мироздания. Зародившись еще при Западной Хань, они широко использовались как погребальная утварь, были распространены в Китае на территории современных провинций Чжэцзян и Цзяньсу в поздний период Восточной Хань и до конца Западной Цзинь (II–IV вв.). Сосуды богато декорированы фигурами реальных и вымышленных птиц, рыб, животных и людей. Иконография изображений сводится к местным фольклорным легендам, а также к нарастающему влиянию буддизма. См., например, [Knapp, 2019].

¹⁹ Некоторые растения напоминают листья дерева гинкго или грибы, вызывающие ассоциации с грибами вечной жизни, которыми питались бессмертные [Fragrance of Korea, 2005. P. 73–77].

рых заканчивается изогнутым наконечником. По краям лепестков нанесены характерные вертикальные линии ²⁰.

На чаше курильницы можно найти фигуры людей, животных и птиц. В основном персонажи помещены на лепестки лотоса, остальные находятся в пространстве между ними. В среднем и верхнем ряду на лепестках изображены две человеческие фигуры, головы которых украшены длинными шляпами конической формы. Один персонаж показан в напряженной позе, как будто занимается боевым искусством, другой – верхом на летящем звере.

В соответствии с общей семантикой курильницы на тулове сосуда широко представлены животные водного мира: журавли, крокодил, существа с длинным хвостом, с крыльями, звери, заглатывающие рыбу. Водные существа включают и рыб, и млекопитающих. У некоторых тело так изогнуто, словно они пытаются поймать свой хвост. Одни изображены с широко открытой пастью и расставленными лапами в устрашающей позе, другие – с запрокинутой головой, будто они убегают от преследователей. Некоторые из них показаны в полете, остальные – с захваченной добычей. При этом каждое из этих животных занимает свою нишу в мире, который контролирует дракон [Fragrance of Korea, 2005. P. 88–100].

Кроме того, на чаше есть фигуры шести журавлей с вытянутыми ногами и шеями, с отчетливо выраженными острыми клювами, с широко распахнутыми крыльями. Они отлиты на лепестках лотоса и в пространстве между ними в верхней части чаши: одни – с добычей во рту, другие – на ветках деревьев, третьи – в полете. В верхнем ряду между лепестками лотоса есть изображение двух птиц, летящих рядом по небу на манер уток или других водоплавающих. Чтобы подчеркнуть перспективу, дальняя птица показана более мелкой ²¹. На чаше курильницы можно найти и трех рыб. Две из них похожи друг на друга – с широким телом и крупной головой, без спинных или брюшных плавников, с довольно маленьким хвостом. У третьей рыбы есть пара плавников, но они выглядят как крылья [Там же. P. 100–107].

Чаша курильницы поддерживается подставкой-пьедесталом в виде массивной фигуры дракона. Три его лапы образуют своеобразный круг, являющийся устойчивой основой для всей композиции. Хвост дракона закручен в форме цветущего растения, переплетенного с цветами лотоса между облаками. Дракон, кажется, готовится взмыть в небо – оба его длинных рога динамично запрокинуты назад, образуя дугу из цветов. В его открытой пасти отчетливо видны острые зубы. Короткий стебель, выходящий из его пасти, примыкает ко дну лотосовидной чаши. Стебель крепко зафиксирован в месте соединения изнутри чаши.

Вероятно, верхняя часть курильницы демонстрирует призрачный духовный мир, основывающийся на архаичных религиозных представлениях, на китайских и корейских мифах. В нижней части сосуда показаны летающие звери, реальные и вымышленные рыбы, животные, часто стилизованные, словно танцующие фигуры. В каком-то смысле эти фигуры дополняют вымышленный мир, представленный в верхней части курильницы. Обе части курильницы представляют собой органичное пространство, пребывающее в полной гармонии. Более того, декорированные лотосовые лепестки внизу чаши как бы соединяют мистический даосский мир с образом энергичного дракона, выразительно извивающегося на подставке. Как замечают специалисты, подобные трехмерные изображения не так уж часто встречаются в изделиях декоративно-прикладного искусства Азии [Wu Tung, 2005. P. 132].

Курильница Пэкче изготовлена с применением передовой для того времени технологии литья по восковым моделям. Сложные участки крышки, по-видимому, были отлиты поэтапно. Примечательно, что фигуры людей и животных, на лепестках лотоса на тулове курильницы чуть сдвинуты от центра лепестка. Возможно, эти детали добавлены мастерами на финальной стадии производства курильницы [Lee Nan-Young, 2005. P. 125–126].

²⁰ Этот узор считается уникальным орнаментом Пэкче [Fragrance of Korea, 2005. P. 81].

²¹ Это обстоятельство чрезвычайно любопытно, поскольку понимание перспективы было не характерно для западной, а тем более восточной изобразительной культуры в VII в. Техника перспективных изображений в Китае появилась только в эпоху Сун (X–XIII вв.).

Выводы

Таким образом, курильница Пэкче наследует традиции создания китайских курильниц *бошаньлу* династии Хань и развивает тенденции в их использовании в пост-ханьский период, а именно в период Северных и Южных династий, обнаруживая близкие типологические связи с китайскими ритуальными сосудами по внешнему виду, функционалу и символическому значению. В то же время в ее оформлении широко используются оригинальные элементы культуры Пэкче. Это поистине редкостная комбинация даосских концепций, касающихся гармоничного сочетания стихий *инь-ян* через пару дракон-феникс, символа священной горы как места обитания бессмертных, радующихся вечной молодости, а также буддийских представлений об энергии цветущего лотоса, порождающего жизнь во всем ее многообразии. Курильница Пэкче демонстрирует не только идею священной горы на воображаемом острове в море, но и представляет идеал утопического мира, рая, населенного бессмертными *сянь*, животными, птицами, фантастическими существами, обитающими среди гор, водопадов и ручьев.

Курильница Пэкче является самой высокой и массивной курильницей типа *бошаньлу* в Восточной Азии. Ее можно считать квинтэссенцией верований, религиозных и культовых практик, культуры и искусства государства Пэкче. Корейская курильница воплощает собой совершенную форму, когда-то изобретенную даосами, а затем дополненную буддистами за несколько столетий традиции использования курильниц типа *бошаньлу* в Восточной Азии.

Несмотря на то что в период Саби (538–660), к которому относится курильница Пэкче, доминирующей религией был буддизм, неверно было бы символически интерпретировать только лишь в связи с ним – множество экзотических существ и редких растений, изображенных на чаше и крышке сосуда, символически выражают целый комплекс различных религиозно-философских представлений, включая и даосско-буддийские идеи, и местные культы, и локальные варианты дворцовых церемоний, и повседневные практики населения государства Пэкче.

Курильница Пэкче со времени своего обнаружения в 1993 г. не перестает будоражить умы ученых, оставив много загадок относительно точного времени и технологии изготовления, обстоятельств захоронения в мастерской, имени мастера, его идеологических установок и др. В этом смысле продуктивным может оказаться исследование типологических связей между культурой Пэкче и китайским наследием периода Северных и Южных династий (особенно Северная Вэй, Южная Лян, Ци, Суй) – как в плане анализа самих курильниц из металла и керамики, так и их изображений в буддийской погребальной традиции, представленной во многих пещерных храмах и произведениях декоративно-прикладного искусства. Несомненный интерес представляет сравнительное изучение семантики курильницы Пэкче и символики других форм культовых сосудов (типа ритуальных кувшинов 魂瓶 *хуньпин*), популярных в южных китайских культурах II–IV вв.

Несмотря на то что даосские курильницы *бошаньлу*, дополненные стараниями корейских мастеров буддийской символикой, так и не смогли прижиться в Японии, определенной ценностью обладают и сопоставления семантики корейской курильницы с японскими культовыми изделиями – учитывая давние тесные связи Корейского полуострова с архипелагом²².

При анализе иконографической традиции применительно к курильнице Пэкче, безусловно, заслуживают внимания археологические находки (поясные подвески, бронзовые кубки и пр.) и изображения с памятников Когурё, Силла и Пэкче, в первую очередь, включая королевские погребальные комплексы в Нынсанни (уезд Пуё, Республика Корея) (рис. 4).

²² Не последнюю роль здесь может сыграть анализ письменных памятников и материалов из японской сокровищницы Сёсоин (正倉院), расположенной на территории буддийского комплекса Тогайдзи (東大寺) в Нара. Там представлены различные благовония и фрагменты ароматической древесины, многочисленные курильницы, завезенные с материка, а также списки благовоний и душистых трав, закупаемых в Силла и Пэкче, что дополнительно свидетельствует об интенсивных межкультурных контактах в раннем средневековье.

Рис. 4. Статуя бронзовой позолоченной курильницы Пэкче на площади города Пуё, РК
(фото автора)

Fig. 4. A statue of the bronze gilded Baekje incense burner in the Buyeo town square, Republic of Korea
(photo by author)

В настоящее время «большая бронзовая позолоченная курильница Пэкче» (百濟金銅大香爐), имеющая статус «национального сокровища № 287», является не только самым массивным и богато декорированным среди подобных сосудов, найденных до сих пор в странах Восточной Азии, но и единственным в своем роде доказательством существования традиции использования курильниц типа *бошаньлу* в пост-ханьское время – фактически спустя 700 лет со времени династии Западная Хань, давшей импульс к развитию этих примечательных изделий. Недаром огромная статуя курильницы в качестве своеобразного символа города Пуё украшает его главную площадь, напоминая о непреходящем значении культурного наследия далекого прошлого.

Список литературы

- Войтишек Е. Э., Яо Сун.** Курильницы бошаньлу в ароматической культуре Китая: символика и социальные функции // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Востоковедение и африканистика. 2018а. Т. 10, вып. 4. С. 510–524. DOI 10.21638/spbu13.2018.408
- Войтишек Е. Э., Яо Сун.** Эволюция курильниц в контексте развития ароматической культуры в Китае // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018б. Т. 17, № 10: Востоковедение. С. 77–89. DOI 10.25205/1818-79192018-17-10-77-89

- Пак Кёнын.** Пэкче кымдон тэханно-ый тосангва санджинсон ёнгу [박경은. 白濟金銅大香爐의 도상과 상징성 연구]. Изучение иконографии и символики большой бронзовой позолоченной курительницы Пэкче. Докторская диссертация. 2018. 228 с. (на кор. яз.)
- Сунь Чжанфэн.** Бошаньлу дэ синци юй сычюу чжи лу [孙章峰. 博山炉的兴起与丝绸之路]. Развитие курительниц бошаньлу и Шелковый путь // Хуася каогу 2015. № 4. С. 94–108 (на кит. яз.)
- Чо Вонгё.** Пуё нынсанни чхультхо пэкче кымдон тэханно ёнгу [趙源高. 扶餘陵山里出土白濟金銅大香爐 研究]. Изучение большой бронзовой позолоченной курительницы Пэкче из Нынсанни, Пуё. Докторская диссертация. 2016. 462 с. (на кор. яз.)
- Buyeo National Museum. Ed. by Han Bong-kyu, Jang Ji-young. Buyeo, Buyeo National Museum, 2015, 303 p.
- Electronic Encyclopaedia Britannica. Inc. Japan Co., Ltd, 2009. (in Jap.)
- Ericson Susan N.** Boshanlu Mountain Censers of the Western Han Period: A Typological and Iconological Analysis. *The Archives of Asian Art*, 1992, no. 45, p. 6–28.
- Essence of Baekje culture. Gilt-bronze incense burner of Baekje [百濟金銅大香爐]. Buyeo, Buyeo National Museum, 2014, 19 p. (in Kor.)
- Fragrance of Korea. The Ancient Gilt-Bronze Incense Burner of Baekje. Seoul, Korea Foundation, 2005, 144 p.
- Lee Nan-Young.** Historical Significance of the Gilt-Bronze Incense Burner of Baekje. In: Fragrance of Korea. The Ancient Gilt-Bronze Incense Burner of Baekje. Seoul, Korea Foundation, 2005, p. 118–127.
- Kim Jong-man.** The Site of the Buddhist Temple at Neungsan-ri, Buyeo. In: Fragrance of Korea. The Ancient Gilt-Bronze Incense Burner of Baekje. Seoul, Korea Foundation, 2005, p. 136–144.
- Knapp Keith Nathaniel.** The Meaning of Birds on Hunping (Spirit Jars): The Religious Imagination of Second to Fourth Century Jiangnan. In: *Asian Studies VII (XXIII)*, 2019, iss. 2, p. 153–172. DOI 10.4312/as.2019.7.2.153-172
- Rawson Jessica.** The Chinese Hill Censer, boshan lu: A Note on Origins, Influences and Meanings. *Arts Asiatiques*, 2006, vol. 61, p. 75–86.
- Stone Elizabeth Rosen.** A Buddhist Incense Burner from Gandhara. *Metropolitan Museum Journal*, 2004, no. 39, p. 69–99.
- Wu Tung.** Cultural Dynamics and Diversity: From the Daoist Boshanlu to the Buddhist Incense Burner of Baekje. In: Fragrance of Korea. The Ancient Gilt-Bronze Incense Burner of Baekje. Seoul, Korea Foundation, 2005, p. 128–135.

References

- Voytishek E. E., Yao S.** Boshanlu censers in China's incense culture: Symbols and social functions. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2018, vol. 10, issue 4, pp. 510–524. (in Russ.) DOI 10.21638/spbu13.2018.408
- Voytishek E. E., Yao S.** Evolution of censers within the development of incense culture in China. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol.17, no. 10: Oriental Studies, p.77–89 (in Russ.) DOI 10.25205/1818-79192018-17-10-77-89
- Park Gyeong Eun.** Baekje keumdong daehyangro-ui dosangwa sanjinseong-ui yeonggu [박경은. 白濟金銅大香爐의 도상과 상징성 연구]. A study of the Iconography and Symbolism of Baekje Gilt-bronze Incense Burner. Doctoral dissertation (博士学位请求論文). 2018, 228 p. (in Kor.)
- Sun Zhangfeng.** Boshanlu de xingqi yu sichou zhi lu [孙章峰. 博山炉的兴起与丝绸之路]. The Development of Boshanlu Censers and the Silk Road // *Chinese Archaeology 华夏考古*. 2015, № 4, p. 94–108 (in Chin.)

- Jo Wong Gyeo.** Buyeo Neungsan-ri chulto Baekje Keumdong daehyangro yeongu [趙源高。扶餘陵山里出土白濟金銅大香爐 研究]. The Study of the Gilt-bronze Incense Burner of Baekje from Neungsan-ri, Buyeo. Doctoral dissertation (博士学位請求論文). 2016, 462 p. (in Kor.) Buyeo National Museum. Ed. by Han Bong-kyu, Jang Ji-young. Buyeo, Buyeo National Museum, 2015, 303 p.
- Electronic Encyclopaedia Britannica. Inc. Japan Co., Ltd, 2009. (in Jap.)
- Ericson Susan N.** Boshanlu Mountain Censers of the Western Han Period: A Typological and Iconological Analysis. *The Archives of Asian Art*, 1992, no. 45, p. 6–28.
- Essence of Baekje culture. Gilt-bronze incense burner of Baekje [百濟金銅大香爐]. Buyeo, Buyeo National Museum, 2014, 19 p. (in Kor.)
- Fragrance of Korea. The Ancient Gilt-Bronze Incense Burner of Baekje. Seoul, Korea Foundation, 2005, 144 p.
- Lee Nan-Young.** Historical Significance of the Gilt-Bronze Incense Burner of Baekje. In: Fragrance of Korea. The Ancient Gilt-Bronze Incense Burner of Baekje. Seoul, Korea Foundation, 2005, p. 118–127.
- Kim Jong-man.** The Site of the Buddhist Temple at Neungsan-ri, Buyeo. In: Fragrance of Korea. The Ancient Gilt-Bronze Incense Burner of Baekje. Seoul, Korea Foundation, 2005, p. 136–144.
- Knapp Keith Nathaniel.** The Meaning of Birds on Hunping (Spirit Jars): The Religious Imagination of Second to Fourth Century Jiangnan. In: *Asian Studies VII (XXIII)*, 2019, iss. 2, p. 153–172. DOI 10.4312/as.2019.7.2.153-172
- Rawson Jessica.** The Chinese Hill Censer, boshan lu: A Note on Origins, Influences and Meanings. *Arts Asiaticques*, 2006, vol. 61, p. 75–86.
- Stone Elizabeth Rosen.** A Buddhist Incense Burner from Gandhara. *Metropolitan Museum Journal*, 2004, no. 39, p. 69–99.
- Wu Tung.** Cultural Dynamics and Diversity: From the Daoist Boshanlu to the Buddhist Incense Burner of Baekje. In: Fragrance of Korea. The Ancient Gilt-Bronze Incense Burner of Baekje. Seoul, Korea Foundation, 2005, p. 128–135.

*Материал поступил в редколлегию
Received
20.08.2019*

Сведения об авторе

Войтишек Елена Эдмундовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. кафедрой востоковедения и руководитель направления «Востоковедение и африканистика» Гуманитарного института НГУ (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
orient@lab.nsu.ru

Information about the Author

Elena E. Voytishek, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
orient@lab.nsu.ru

УДК 94(510).02
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-41-50

On the Nature of Cao Cao's Appointments of the Provincial Officials

D. E. Borisov

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Later Han 後漢 termination in the 220 AD was a result of multiple crises, one aspect of which had been the political bankruptcy of the emperor and his loyalists. A turbulent and war-torn period, which started from the rebellion of the Yellow Turbans in 184 AD, has been a topic of discussion for many years ever since the Jin 晉 empire. Although in the last years approaches to studies of the Later Han differ, there are three key historiographical ideas: the final years of the Later Han are discussed as a part of the Later Han, as a part of the Three Kingdoms era 三國 or are included in both periods. This case study is an attempt to show the possibility of a different approach and treat the period of 184–220 AD as a transition between Han and Wei empires, according to information about the local administrative appointments which can be found in the first chapter of *San-guo zhi* 三國志, being a biography of the most important statesman of this period – Cao Cao 曹操. The accounts, which can be found in his biography, indicate that Cao Cao's appointments did not precisely follow the traditions of the Later Han administrative system, but neither were they in full agreement with the ideas, which were later implemented during the Wei-Jin Nan-beichao period. His conduct was much more pragmatic than that of other Later Han statesmen, but he never ventured as far as his successors did in granting too much power to the local gentry.

Keywords

Later Han, Three Kingdoms, San-guozhi, Cao Cao, Provincial appointments, Transition Period

For citation

Borisov D. E. On the Nature of Cao Cao's Appointments of the Provincial Officials. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies, p. 41–50. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-41-50

О характере назначений на посты провинциального уровня при Цао Цао

Д. Э. Борисов

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Конец империи Поздняя Хань 後漢 в 220 г. н. э. явился результатом затяжного кризиса. Одним из наиболее важных факторов, действовавших в период со 189 по 220 г. н. э., было политическое банкротство правящего режима. Бурный период, наполненный политическими коллизиями и военными действиями, начавшимися после восстания «Желтых повязок» в 184 г., активно обсуждался китайскими историками начиная с правления империи Цзинь 晉. Как древняя и средневековая, так и современная историография не имеют единого мнения об этом времени: оно рассматривается и в рамках истории Поздней Хань, и как часть Троецарствия 三國 или же периода Вэй-Цзинь Нань-бэйчао 魏晉南北朝. Данное исследование выполнено на материалах первой гла-

© Д. Э. Борисов, 2019

вы хроники “Саньго чжи” 三國志 – истории жизни наиболее видного деятеля рассматриваемого периода Цао Цао 曹操 – и является попыткой продемонстрировать иной подход к существующей проблеме. По результатам анализа назначений глав округов, областей и уездов, осуществленных Цао Цао, автор предлагает выделить время его военного правления в качестве переходного периода между империей Хань 漢 и царством Вэй 魏.

Ключевые слова

Поздняя Хань, Троецарствие, Сань-го чжи, Цао Цао, окружные назначения, переходный период

Для цитирования

Борисов Д. Э. О характере назначений на посты провинциального уровня при Цао Цао // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение. С. 41–50. (in Eng.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-41-50

Scholars hold to the different ideas when it comes to the discussion of Wei-Jin Nan-beichao 魏晉南北朝 transition period. The traditional historiography of China has always been fluctuating between a neutral attitude to the events of the past and condemnation of some decisions, actions or even personalities in a most ruthless way. The most notorious example can be found in the difference between the historical work of Sima Guang¹ 司馬光 and the philosophical work of Zhu Xi² 朱熹. While the first tried to compile a coherent account by searching through the available sources of his time and arranging them in chronological order, the second tried to apply ideas of philosophy and supply most of the events, which were listed by Sima Guang, with the idea of the Mandate of Heaven and connected with it philosophical explanations of historical facts. The result was that his explanations were more powerful and acceptable for the ruling dynasty of his time, but his influence and ideas distorted the overall picture to such a degree that his *Zi-zhi tong-jian gang-mu* is less reliable as a historical source than that of his predecessor, Sima Guang [de Crespiigny, 1973. p. 66].

The traditional view on the historiography, which was concentrated on the dynastic cycles and necessity for an explanation of the legitimization of the contemporary ruling dynasty has been dominant throughout Chinese history, at least until the modern times, but it was not left unchallenged. In fact, the first attempt to reconsider this approach was made during the Tang dynasty by Liu Zhiji³ 劉知幾. Although he did not suggest any new ideas or forms how to write the dynastic histories, his work is still considered as a very important stage of the historiographical evolution, since Liu Zhiji was heavily emphasizing the necessity of knowledge about the used sources, application of the skeptical approach towards the existing material and stressed the essential role of the evidence for discussion of historical facts written in the source [Liu Zhiji, Liu Zhan, 2010].

One of the periods, which has been addressed many times by Chinese medieval and modern historians is the Wei-Jin Nan-beichao transition. It is a notorious period, which is considered by many Soviet and Russian scholars to be a change towards the medieval China [Варенов и др., 2016. С. 204; Комиссаров и др., 2017. С. 30–31]. Although Chinese, Japanese and Western scholars are not agreed in the perception of this transition period⁴, it is important to point out that it is agreed

¹ Sima Guang 司馬光, style Junshi 君實 (1019–1086), was a scholar, statesman and poet during the existence of the Northern Song (960–1126). He is especially famous for compiling his historical work *Zi-zhi tong-jian* 資治通鑒 “*Comprehensive Mirror for aid in Government*”.

² Zhu Xi 朱熹, style Yuanhui 元晦 (1130–1200), was a philosopher, scholar, statesman during the existence of the Southern Song (1127–1279). His philosophical system had been dominant within Chinese society until the end of the 19th century. He also revised the *Zi-zhi tong-jian* and created *Tong-jian gang-mu* 通鑒綱目 “*Outline and Digest of the General Mirror*” – a more philosophically oriented piece of work.

³ Liu Zhiji 劉知幾, style Zixuan 子玄 (661–721), was an official scholar and historian during the existence of the Tang empire (618–907). He is famous for writing historiographical study *Shi-tong* 史通 “*Historical Perspectives*”, which can be considered to be the first comprehensive work on historical criticism in any language. // Encyclopedia Britannica. Historiography. Retrieved February 8, 2018, from: <https://www.britannica.com/topic/historiography#ref523919>

⁴ While Japanese and Chinese works usually treat Wei-Jin Nan-beichao as a shift from the Imperial rule model towards the rule of the Aristocratic clans, professor Albert E. Dien advocated in his works caution towards using such an approach [Dien, 1990. p. 28].

that the beginning of this period dates back to 220 AD – the official date of the termination of the Han empire, or rather an abdication of its last emperor Xian-di⁵ 獻帝. We can accept an even earlier date – 189 AD, when the Han institutions were thrown into a deep crisis. While it is discussible when did it begin – with the activities of Liang Ji⁶ 梁冀, the rule of Shun-di⁷ 順帝 and Huan-di⁸ 桓帝, or with the rebellion of the Yellow Turbans – we can safely assume that after 189 AD the imperial court and the emperor became politically bankrupt – they existed only as a symbol and although official procedures were carried out, nevertheless they were only rituals, since the mechanisms of bureaucracy of the Later Han remained intact, but were no longer working as intended.

After the political situation of the Later Han became chaotic, there appeared warlords who started to fight each other for dominance in the Central plain region, Sichuan basin and southern parts of China. One of the most important statesmen who emerged on top of this chaos creating a measure of stability in his territory was Cao Cao 曹操 – self-appointed governor of the Yanzhou 兗州 province. In 196 AD Cao Cao had convinced Xian-di to leave the burnt⁹ capital territory for his own more or less developed and stable region. After a short period of political intrigue and some mistakes, Cao Cao assumed the post of the Excellency of works¹⁰ 司空 and had only some minor opposition¹¹ in charge of the imperial government, while also controlling an army, which was considered to be the Han army, but was funded by and was loyal to Cao Cao only.

One of the most perplexing things nowadays is that we have no generally accepted idea of how to treat this small period of the puppet Han state between the Dong Zhuo¹² 董卓 take over and the official abdication of Han. Cao Cao and Xian-di were locked together, and such a situation, ironically, was always supported by philosophical ideas of the Confucius – the Ruler was not controlling the situation at all and was kept only as a tool to communicate with the Heaven and ancestors, while an influential counselor and the court were charged with control of the matters of the state. Although Xian-di, presumably, tried to break free from the control of Cao Cao, it is important to remember that the position of the Han emperor was no better than the position of the kings of the Zhou dynasty during the Chunqiu-Zhanguo period 春秋戰國. Since the proposal of Liu

⁵ Liu Xie 劉協, style Bohe 伯和 (181–234), was the last emperor of the Later Han period. He had been a puppet emperor during all of his reign, which lasted from 189 to 220 AD and ended with his abdication.

⁶ Liang Ji 梁冀, style Bozhuo 伯卓 (?–159), brother to the empress Liang 梁, who established hegemony of the Liang clan over the bureaucracy of the Later Han after the deaths of the emperors Shun-di and Chong-di. He is shown as a cruel and extravagant person in his conducts.

⁷ Liu Bao 劉保 (125–144), more known as the emperor Shun-di, was enthroned through eunuch's coup against the Yan clan. His reign is usually described as the last traditional rule, when the emperor was a part of the traditional Confucian bureaucratic system. He created a huge gap in political power between the consort families and officials at the court and died young.

⁸ Liu Zhi 劉志 (146–168), more known as the emperor Huan-di, was enthroned through eunuch's coup against the Liang clan. His reign is associated with the increased political power of the eunuchs and decay of trust from the officials at the court to the regime. He is often blamed for the decline of the Later Han.

⁹ On the account of the destruction of the capital see [de Crespigny, 2017. p. 456–461]. In Russian see [Борисов, 2015b, С. 57; 2016. С. 138–141].

¹⁰ Hereinafter we use the translations and titles which are used by professor R.R.C. de Crespigny, since his system is in our view more accurate concerning the end of the Later Han.

¹¹ Although the title of Excellency gave Cao Cao legitimization for most of his actions, this post still did not give him full control [Bielenstein, 1980. p. 15]. Country was in a state of constant turmoil and even with the ministers appointed, the government didn't have enough power to control the situation. It was a complex situation worth of a special investigation and is not a point of focus of the current case study.

¹² Dong Zhuo 董卓, style Zhongyuan 仲穎 (?–192) was a fighting man from Longxi, who distinguished himself in campaigns against the *qiang* tribes. His early career is that of an able commander, who was looking out for his forces, but his account is distorted due to his later conduct, when he deposed the emperor Shao-di and took control over the government.

Yan¹³ to reconstitute the post of Governor 牧 and allow them to rule the territory they would be entrusted with, the court virtually withdrew some territories from the direct control of the central government, and new "owners" were reluctant to pay tribute or support the Han, which was in a constant crisis after the dethronement of Shao-di¹⁴ 少帝.

The situation started to change gradually after Cao Cao had welcomed the emperor to his base of operations. Cao Cao obtained control of the imperial court by placing his trusted followers into critical positions or by winning over officials who had been serving Xian-di before. Being able to produce "imperial edicts" after this, Cao Cao now had a legal backbone to his conquests and border sorties. His family and distant relatives were in control of the army, and most of his forces before 196 AD were in a state of a constant war with neighboring warlords. Therefore, his force was united and experienced both in civil and military matters, while people, whom Cao Cao trusted, were put in control. However, annals of Cao Cao from *San-guo zhi* show a different approach to the appointments of the provincial officials¹⁵.

When it comes to recruiting procedures of the officials of the Later Han, the sources, especially biographies, give a vague, but understandable "Recommendation system" 察舉征辟制 which had been used for a long time during the Han dynasty¹⁶. The basic idea of this structure was that the provincial officials were to recommend dutiful and moral men to the court, and after a short period of probation, they were usually granted a post. If an appointee was able to fulfill his duties and was praised for his deeds, the court might have bestowed a promotion¹⁷. Leaders of districts were under strict rules when they were appointed to their post: they or their family could not have connections or be registered at the location they would work at. Most of the duties of the Inspectors 刺史, Chancellors 相, and Administrators 太守 were focused on reports and censorship. The Governor post had been abolished at the beginning of the Later Han and reinstated after the Yellow Turbans rebellion, and it had mostly the same responsibilities as that of an Inspector. However Governors were not restricted to non-acting and could actually exercise legislative power, while Inspectors were prohibited from doing so and were to report to the court and await for the decision from the capital. There were exceptions to this rule [de Crespigny, 2007. p. 1228]. Magistrates of the counties were tasked with overwhelming responsibilities of enforcing law and order in the prefectures, supervising the people in their seasonal work, storing grain as a precaution against famine, registering people and property, collecting taxes, mobilizing the people for corvee, supervising public works, performing rituals, keeping schools, promoting the worthy, and judging criminal and civil cases [Bielenstein, 1980. p. 99–100].

During his work, Cao Cao was using the "Recommendation system"¹⁸, however, he gradually shifted from it. The "Recommendation system" had been criticized before and during the hegemony of Liang Ji and an experiment with exams as a new way to enter the official office was proposed. However, this idea did not come to fruition. Cao Cao did not have time for experiments and

¹³ Liu Yan 劉焉, style Junlang 君郎 (?–194), member of the imperial clan, but from a junior lineage. He held different important official posts during the reign of Ling-di. After the Yellow Turban rebellion Liu Yan was appointed to the post of Governor of Yizhou 益州 province. After establishing control over the region, Liu Yan found himself separated from the Western capital Chang'an 長安 by Zhang Lu 張魯 and Zhang Xiu 張脩, but was not eager to break through and instead acted as a de-facto ruler of the Sichuan basin.

¹⁴ Emperor Ling-di had two sons – one from his principal wife (the elder son Liu Bian 劉辯) and another from his favorite concubine (the second son). His wife, Lady He, was jealous and poisoned the concubine. Empress-dowager Dong (the mother of Ling-di) took care of her second grandson, who will become future Xian-di. After a warlord from Liangzhou 涼州 province Dong Zhuo 董卓, and his *qiang* troops overtook the capital, he quickly dethroned Shao-di and killed Empress He, thus starting a wide-spread rebellion against him in China.

¹⁵ In this case study we are focusing only on the governors, administrators, chancellors and magistrates, which were appointed by Cao Cao.

¹⁶ For a discussion about the "Recommendation system" and the nine rank system, see [Wang Pei, 2017. p. 55–60].

¹⁷ See, for example, the beginning of the career of Cao Cao himself: [Борисов, 2015a. С. 46–48].

¹⁸ On the "Recommendation system" of the Later Han, see "Recruitment revisited" [de Crespigny, 2008. p. 1–46].

probably relied on his raw experience in this matter. After his death, one of his trusted officials, Chen Qun 陳羣, introduced a nine rank system to his son, Cao Pi. This system was simple and different from the previous idea of the Later Han, and it included the practical approach of Cao Cao. It was not perfect regarding corruptness¹⁹ – the practice would prove that the appointees were direct representatives of the local communities, but most of them were members of the local gentry, which were slowly pushing away imperial rule. Nevertheless, this system provided a constant stream of officials – which was a very significant result, since during the previous 30 years of the Later Han, men of ability refused to receive appointments and were sabotaging the rejuvenation of the enormous bureaucratic apparatus [de Crespigny, 2010. p. 247–250].

It was, of course, not only the result of Cao's experiences that created the idea of the nine rank system. The Later Han was searching for an answer to this problem long before him, but his activities were a catalyst to a slow process of shifting from traditional evaluation of an appointee in terms of "pure speech" or "judgement of character" towards a more practical approach of evaluating talents and giving an applicant duties and responsibilities according to his abilities. Most of the appointments, which Cao Cao had done, were the result of his evaluation of a person, whether this would be his military talent or his loyalty. The nine rank system's innovation was a post of a Rectifier 中正, which would overtake a responsibility of the district leader, and evaluate recommendation and place a nominee into one of the nine ranks. The Rectifiers were appointed by the court and were to report only directly to the court. Cao Cao's actions resemble that of the Rectifier, but on a larger scale, and he also did not have a ranking system, but was only evaluating talents of the nominees and giving them posts, which he considered to be appropriate.

This case study is based only on the biography of Cao Cao, which is the first chapter of *San-guozhi*. There are 20 cases of appointments of provincial officials, found in the first chapter of *San-guo zhi*²⁰. Most of them had been instated directly by Cao Cao, and usually had an explanation for his decision. They are also connected to the administrative changes – whether it is an inclusion of a new territory into Cao's sphere of influence, abolishment of an existing one or creation of a new district. Some of the cases lack details of the appointment, but they, nevertheless, inform us about the activities of the appointed official, which serves as a plausible way to discern whether or not Cao's approach to appointments was valid or not during this chaotic time.

When it comes to the appointments done directly by Cao Cao, *San-guo zhi* is always clear about his motivation and reasoning. Sometimes the commentaries of Pei Songzhi 裴松之 give more information, but they usually support the main problem which Cao Cao had been facing throughout his career – he had to appoint people of ability, but kept in mind the interests of the gentry and also kept tight control of the imperial court. It is also clear that he was concerned about making compromises with literary men and scholars. Among those, who we are certain were appointed by Cao Cao, are Bi Chen 畢諶, Wei Chong 魏種, Gao Gan 高幹, Yang Qiu 楊秋, Wen Ping 文聘, Guanqiu Xing 毌丘興, Dongli Bao 東里褒, Zang Ba 臧霸. They were appointed at different times, and circumstances of their enrollment into Cao's force are different, but they all had something that Cao admired.

Bi Chen and Wei Chong, both members of Cao Cao's staff at the beginning of his career, were admired for their talents, and the affection Cao had for them saved them from execution [Chen Shou, Pei Songzhi, 2013. p. 13]. Yang Qiu and Wen Ping, generals from Liangzhou and Jingzhou respectively, both surrendered and were given important jobs of pacifying and guarding the region they

¹⁹ One of the main changes to the ways of entering the office was done during the Later Han – introduction of the sellable posts, which would later equate to bribery. R.R.C. de Crespigny has been discussing these as "fines" in [de Crespigny, 1966. p. 67–78], however Carl Leban opposed this theory in [Leban, 1990. p. 31–47].

²⁰ The Records of the Three Kingdoms, written during the rule of the Jin Empire, is one of the primary source materials for the research of the end of the Later Han period and the Three Kingdoms. The structure of the sources is different from the dynastic histories and the version without later commentaries is cryptic at some biographies. It was designed as means to justify the rule of Jin, so it also gave Wei dynasty position as a successor to the Later Han. In 429 it was edited by Pei Songzhi 裴松之, and it was endorsed by the throne as an official history under the title "*San-guo zhi*".

were familiar with – this is something that would not have been done in the Later Han [Chen Shou, Pei Songzhi, 2013. p. 22, 27]. Usually, both civil and military officials were appointed to the regions they would not be accustomed to, to prevent the formation of any cliques. For Cao, it was different and in the case of Wen Ping he has even allowed the latter to keep command of his troops at the time of surrender.

In the case of Gao Gan it was a far-sighted decision – he was a relative of Yuan Shao and had been guarding the eastern flank of Shao's forces, but when it became obvious that the hegemony of the Yuan clan in the north was finished, Gao Gan made a formal surrender to Cao Cao [Chen Shou, Pei Songzhi, 2013. p. 20–21]. Appointed afterward as an Inspector, instead of his previous position of Governor, Gao Gan was stripped of the authoritative control of his previously own region, felt insecure and rebelled, but was swiftly dealt with and later another person – Wang Yan was given a promotion for capturing and beheading Gao Gan, while he tried to flee through the capital region [Chen Shou, Pei Songzhi, 2013. p. 21].

Guanqiu Xing, the father of a famous general Guanqiu Jian 毌丘儉 of the Wei kingdom, had a long and fruitful career in the north-western borders, where he started as an Administrator of the Anding commandery and was personally entrusted by Cao Cao to handle the affairs of non-Chinese *qiang* and *hu* tribes [Chen Shou, Pei Songzhi, 2013. p. 31]. After his successes, he was promoted to the post of Administrator of Wuwei, and later, during the Three Kingdom period, he became a Court architect of Wei. Cao Cao gave a personal speech to Guanqiu Xing, which was recorded and he instructed Xing in the way he should act at his post. Unfortunately, the information about Guanqiu Xing's previous office is lacking, all we know is that he hailed from the Hedong commandery, but it is certain that Cao's estimation of Xing's abilities as a controller for the non-Chinese tribes was accurate and efficient.

The case of Dongli Bao shows a slightly different situation regarding official appointments when it comes to the importance of civil and military posts [Chen Shou, Pei Songzhi, 2013. p. 37–38]. Bao was appointed as an Administrator of Nanyang commandery 南陽 – the central trading hub of Cao's territory, which was also very crucial for holding the roads which led to Xuchang, Chang'an and Luoyang. It is arguable who exactly appointed Bao to such a crucial position since we lack the details of his official career during Cao Cao's militaristic regime, but it is probable that Cao had knowledge of this appointment and did not oppose it. Dongli Bao was unable to stop the mutiny led by the garrison commander Hou Yin. However, he managed to escape from the city and rally the remaining loyal forces. Afterwards, he laid a siege to the rebellious city and secured the roads to Jingzhou, so Hou Yin could not communicate with Guan Yu. After the city was retaken, Dongli Bao was assigned as a major to the army general Yu Jin. During the Later Han, such a situation would have been considered a demotion, but the militaristic regime of Cao Cao was centered around the army, so we may agree with de Crespigny's assumption, that this was a reassessment of Bao's talents in promoting him in the military ranks [de Crespigny, 2007. p. 160].

The case of Zang Ba is connected to the defeat of Lü Bu in the Qingzhou and Xuzhou provinces – the third and the last campaign, after which these territories were finally conquered and "pacified" [Chen Shou, Pei Songzhi, 2013. p. 12–13]. In the first chapter of *San-guo zhi*, it is unclear about the actions Cao Cao had done, but the biography of Zang Ba in the 18th chapter sheds some light on his career. Being a representative of the local gentry, Zang Ba became known after he, with the help of some retainers of his family, freed his father from the jurisdiction of the local administrator. Afterwards, during the Yellow Turbans rebellion, he helped inspector Tao Qian 陶謙, but left his service and created a bandit organization in the mountains. He kept a loose alliance with Lü Bu, after his defeat was captured, but treated with respect, and Cao Cao entrusted him with control over his newly acquired region and even rearranged the territories and gave separated counties to Zang Ba's subordinates. It is important to point out that Zang Ba had no connection with Cao previously, and he resisted his control, but, after his submission, he was appointed and left in control. The reason behind this action of Cao Cao might be that Zang Ba was popular among the local gentry and was acceptable as a leader of this territory. Cao had come in force to Qingzhou and Xuzhou multiple times, and now he was seeking someone who could keep the peace for this region,

and Zang Ba did exactly that. Moreover, he was not only entrusted with civil administration, but, as we can find in his biography, he simultaneously held command of the army and was acting as a military general, bringing his army outside of the borders of his commandery and battling Sun Quan's forces [Chen Shou, Pei Songzhi, 2013. p. 369–370].

Another vital aspect of Cao's arrangement of provincial officials is the way he treated the necessity of separate administration for each region he controlled. While he did not try to rework the bureaucratic system as a whole (he only tried to mimicry the official court of the Later Han when he was enfeoffed as a Duke of Wei), he was ready to create new units and abolish old ones²¹. For each of the cases, the annals of Cao explain the situation, and most of the time we can trace officials, who were involved in the new units, although they are not explicitly pointed out in Cao's biography. One of the examples is the creation of Xinxing commandery 新興郡 – a new unit, which was a result of the abolishment of the commanderies of Yunzhong 雲中, Dingxiang 定襄, Wuyuan 五原 and Shuofang 朔方, and replacement of each commandery 郡 with a single county 縣, uniting them all under the new district [Chen Shou, Pei Songzhi, 2013. p. 33]. The reason behind it is the destruction of the discussed region – it was abandoned to the raids led by *xiongnu* and *xianbei* during this chaotic era. The total amount of Chinese inhabitants dropped, and an extensive administration, which had been working before was no longer necessary. Cao Cao was working towards an efficient administrative system, and it was needless to keep a significant structure where it was no longer needed – that also goes for the districts, which he splitted in case they were not pacified and, vice versa, united them if the immediate danger to the territory was eliminated. Another essential point that Cao made concerns the appointment of Du Hu 杜濩 and Fu Hu 朴胡, two non-Chinese tribe leaders, who were appointed as administrators after they made a formal surrender with their clans and territories [Chen Shou, Pei Songzhi, 2013. p. 33]. Cao Cao did not appoint his administrator at that time, but granted marquisates to these tribesmen and also granted them control over the region they had surrendered – something that would not have been done during the Later Han times when the territories with barbaric tribes were usually supervised by the Chinese officials.

The accounts, which can be found in his biography, indicate that Cao Cao's appointments did not precisely follow the traditions of the Later Han administrative system, but neither were they in full agreement with the ideas, which were later implemented during the Wei-Jin Nan-beichao period. Cao had been acting as a Rectifier 中正, but on a grander scale – he measured the talents of his appointees, their loyalty, and filial piety, trying to find a necessary capacity in people to deal with the surrounding troubled time. He was also interested in those, who were versed in classics or were famous scholars of the time, but they were usually placed in charge of the Later Han court or in the administration of the regions, which were pacified and were in a stable position for some time. The military regime needed control and a stable line of supplies for the army, but at the same time a scholarship was praised by the Cao family, so a delicate compromise had been maintained – Cao Cao would employ representatives of the gentry, but he always placed abilities of the appointee before his standings in the community. Another aspect can be seen in Zang Ba's appointment – he was a bandit leader, but was known and probably sponsored by the local gentry of the region, since he was in a position to even rival the administrator of Langye with his band.

The appointments and the appointed provincial officials, which were recorded in this source give us a different picture from the *Hou-Han shu's* 后漢書 treatises 志 or biographies sections, which deal with the rest of the Later Han. To further investigate the situation and confirm the idea that the military regime of Cao Cao should be treated as a separate transition period between Han empire and the Wei-Jin Nan-beichao, other biographies of essential officials in *San-guo zhi* should be

²¹ For a general understanding of the administrative geography, see a short summary in the “A Biographical Dictionary of Later Han to the Three Kingdoms” [de Crespigny, 2007. p. 1193–1215].

analyzed and verified against similar accounts in the *Dong-guan Hanji*²² 東觀漢記 “Han Records of the Eastern pavilion” or *Hou-Han shu*. It is evident that since the rise of Dong Zhuo the situation of the Later Han was chaotic and unstable and local warlords were in constant search for answers to the challenges of their time and those who were not ready to adapt and change their ways were destroyed or conquered. Cao Cao’s appointments look chaotic and lacking any system, but they reflect the fact that he was trying to find and promote able and active persons who could cope with problems arising in the situation of permanent emergency. This character of appointments could be looked at as transitional one from the Later Han “Recommendation system” to the nine rank system adopted by Cao Cao’s successors. Cao’s activities as a minister catalyzed many changes within society, the military, and even agriculture, but it was people, whom he appointed to relevant posts, not only him alone, who contributed to the transitional state of his military regime.

References

- Bielenstein Hans.** The bureaucracy of Han times. New York, Cambridge University Press, 1980, 276 p.
- Borisov D. E.** The biography of Cao Cao: at the crossroads. Emperor Lin’s death and Dong Zhuo’s takeover (188–189 A.D.). *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2015b, vol. 14, no. 10: Oriental Studies, p. 54–61. (in Russ.)
- Borisov D. E.** The biography of Cao Cao: early years. His origin, youth and the beginning of the career (155–187 A.D.). *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2015a, vol. 14, no. 4: Oriental Studies, p. 43–52. (in Russ.)
- Borisov D. E.** The biography of Cao Cao: Change of fate. The uprising of “loyal rebels” and disintegration of their camp (190–192 A.D.). *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2016, vol. 15, no. 4: Oriental Studies, p. 137–146. (in Russ.)
- Chen Shou, Pei Songzhi.** Sanguozhi [陈寿, 裴松之。三国志。湖南: 岳麓书社]. The Records of the Three Kingdoms. Hunan, Yuelushushe, 2013, vol. 1, 508 p. (in Chin.)
- Crespigny R. R. C., de.** Fire over Luoyang: a history of the Later Han dynasty, 23–220 AD. Leiden, Brill, 2017, 580 p.
- Crespigny R. R. C., de.** Imperial Warlord. Leiden, Brill, 2010, 555 p.
- Crespigny R. R. C., de.** Recruitment Revisited: the Commissioned Civil Service of Later Han. *Early Medieval China*, 2008, iss. 2, p. 1–47.
- Crespigny R. R. C., de.** Universal Histories. In: Essays on the Sources for Chinese History. Canberra, 1973, p. 64–70.
- Crespigny R. R. C., de.** A Biographical Dictionary of Later Han to the Three Kingdoms (230–220 A.D.). Leiden, Brill, 2007, 1312 p.
- Crespigny R. R. C., de.** The Recruitment System of the Imperial Bureaucracy of Later Han. *The Chung Chi Journal*, 1966, vol. 6, iss. 1, p. 67–78.
- Dien, Albert E.** Introduction. In: State and Society in Early Medieval China. Hong Kong University Press, 1990, p. 1–29.
- Komissarov S. A., Soloviev A. I., Nikolaeva N. Sh.** China’s transition from Antiquity to the Middle Ages (according to archaeological data). *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2017, vol. 16, no. 4: Oriental Studies, p. 30–35. (in Russ.)
- Leban Carl.** Sale of Offices or “Fines” in the Later Han: A Matter of Interpretation. In: State and Society in Early Medieval China. Hong Kong University Press, 1990, p. 31–47.

²² *Dong-guan Hanji* 東觀漢記 “Han Records of the Eastern pavilion” – partly lost alternative history of the Later Han, which was compiled during the existence of the Later Han. Most of this work did not survive, and only quotations in other sources remain.

- Liu Zhiji, Liu Zhanzhao.** Shitong pingzhu [劉知幾, 刘占召。史通評註。北京: 中国编译出版社]. Notes and commentary on the "Historical Perspectives". Beijing, Zhongguobianyichubanshe, 2010, 522 p. (in Chin.)
- Varenov A. V., Borisov D. E., Ibragimova R. R.** Burial constructions of Eastern Han and Three Kingdoms and the problem of transition from late Antiquity to early Middle Ages according Chinese archaeology. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2016, vol. 15, no. 4: Oriental Studies, p. 204–218. (in Russ.)
- Wang Pei.** Debates on Political Meritocracy in China: A Historical Perspective. *Philosophy and Public Issues – The China Model: Political Meritocracy and the Limits of Democracy*, 2017, vol. 7, iss. 1, p. 53–71.

Список литературы

- Борисов Д. Э.** Биография Цао Цао: ранние годы. Происхождение, юность и начало карьеры (155–187 годы н. э.) // Вестник НГУ. Серия История, филология. 2015а. Т. 14, № 4: Востоковедение. С. 43–52.
- Борисов Д. Э.** Биография Цао Цао: на перепутье. Смерть императора Лин-ди и переворот Дун Чжо (188–189 годы н. э.) // Вестник НГУ. Серия История, филология. 2015б. Т. 14, № 10: Востоковедение. С. 54–61.
- Борисов Д. Э.** Биография Цао Цао: перемена участи. Восстание лоялистов и развал лагеря повстанцев (190–192 годы н.э.) // Вестник НГУ. Серия История, филология. 2016. Т. 15, № 4: Востоковедение. С. 137–146.
- Варенов А. В., Борисов Д. Э., Ибрагимова Р. Р.** Погребальные конструкции Восточной Хань и Троецарствия и проблема перехода от поздней древности к раннему средневековью по данным китайской археологии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 4: Востоковедение. С. 204–218.
- Комиссаров С. А., Соловьев А. И., Николаева Н. Ш.** О характере перехода от Древности к Средним Векам на территории Китая (по данным археологии) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 4: Востоковедение. С. 30–35.
- Bielenstein Hans.** The bureaucracy of Han times. New York, Cambridge University Press, 1980, 276 p.
- Chen Shou, Pei Songzhi.** Sanguozhi [陈寿, 裴松之。三国志。湖南: 岳麓书社]. The Records of the Three Kingdoms. Hunan, Yuelushushe, 2013, vol. 1, 508 p. (in Chin.)
- Crespigny R. R. C., de.** Fire over Luoyang: a history of the Later Han dynasty, 23–220 AD. Leiden, Brill, 2017, 580 p.
- Crespigny R. R. C., de.** Imperial Warlord. Leiden, Brill, 2010, 555 p.
- Crespigny R. R. C., de.** Recruitment Revisited: the Commissioned Civil Service of Later Han. *Early Medieval China*, 2008, iss. 2, p. 1–47.
- Crespigny R. R. C., de.** Universal Histories. In: Essays on the Sources for Chinese History. Canberra, 1973, p. 64–70.
- Crespigny R. R. C., de.** A Biographical Dictionary of Later Han to the Three Kingdoms (230–220 A.D.). Leiden, Brill, 2007, 1312 p.
- Crespigny R. R. C., de.** The Recruitment System of the Imperial Bureaucracy of Later Han. *The Chung Chi Journal*, 1966, vol. 6, iss. 1, p. 67–78.
- Dien, Albert E.** Introduction. In: State and Society in Early Medieval China. Hong Kong University Press, 1990, p. 1–29.
- Leban Carl.** Sale of Offices or "Fines" in the Later Han: A Matter of Interpretation. In: State and Society in Early Medieval China. Hong Kong University Press, 1990, p. 31–47.

- Liu Zhiji, Liu Zhanzhao.** Shitong pingzhu [劉知幾, 刘占召。史通評註。北京: 中国编译出版社]. Notes and commentary on the "Historical Perspectives". Beijing, Zhongguobianyichubanshe, 2010, 522 p. (in Chin.)
- Wang Pei.** Debates on Political Meritocracy in China: A Historical Perspective. *Philosophy and Public Issues – The China Model: Political Meritocracy and the Limits of Democracy*, 2017, vol. 7, iss. 1, p. 53–71.

Материал поступил в редколлегию
Received
30.08.2019

Сведения об авторе

Борисов Дмитрий Эдуардович, аспирант, кафедра востоковедения, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
borisov.dmitriy@protonmail.com

Information about the Author

Dmitriy E. Borisov, post-graduate student, Chair of Oriental Studies, Novosibirsk State University (1 Pirogova str., Novosibirsk, 630090, Russia)
borisov.dmitriy@protonmail.com

Кочевые и оседлые империи на Шелковом пути: модели взаимодействия

Д. П. Шульга¹, К. А. Хаснулина²

¹ Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
Новосибирск, Россия

² Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств
Новосибирск, Россия

Аннотация

В статье сравниваются, с одной стороны, взаимоотношения империи Хань с державой *сюнну* на раннем этапе бытования Великого шёлкового пути, а с другой – контакты Византии с государством монголов в период последнего взлёта активности на этой торговой артерии. С целью понимания, насколько с течением времени менялся характер восприятия земледельцами скотоводов на уровне империй, авторы сознательно рассматривают столь хронологически отстоящие друг от друга примеры. Династия Хань взошла на престол почти одновременно с началом хуннского великодержавия, и, став вскоре существенно мощнее экономически и густонаселённое, в военном плане далеко не всегда оказывалась на высоте. Однако имеющиеся преимущества позволили Китаю на длинной временной дистанции одержать верх, «умиротворив» *сюнну* (о конкретных приёмах и пойдет речь в статье). Восточная Римская империя на момент столкновения с монголами уже существовала чуть менее тысячи лет, пережила ряд взлётов и падений. Константинопольские власти не могли сравниться с державой Чингизидов ни по числу войск, ни по территории, ни по числу облагаемых данью подданных. Тем не менее, в отличие от целого ряда государств Азии, Византия пережила не только нашествие монголов, но и их присутствие на Ближнем Востоке. О механизмах того, как это стало возможно, и какую роль здесь играла трансазиатская торговля, подробно будет рассказано в предлагаемой работе.

Ключевые слова

Византия, *сюнну*, Хань, Великий шелковый путь, кочевники, монголы

Для цитирования

Шульга Д. П., Хаснулина К. А. Кочевые и оседлые империи на Шелковом пути: модели взаимодействия // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение. С. 51–58. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-51-58

Nomadic and Settled Empires on the Silk Road: Interaction Patterns

D. P. Shulga¹, K. A. Hasnulina²

¹ Siberian Institute of Management – A Branch of RANEP
Novosibirsk, Russian Federation

² Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article provides a comparison between mutual relations of the Han empire and the Xiongnu during the early stages of the Silk Road, and the Byzantium connections with the Mongol Empire during the last surge of activity on this trading artery. In order to understand how sedentary societies' perception patterns of nomadic cattle herders changed over time (at the empire level), the authors have intentionally considered such a wide chronological timeframe. The

Han dynasty ascended the throne almost at the same time as the beginning of Xiongnu rule, and despite the fact that they became significantly more powerful in economic terms and more densely populated, this did not extend to their military. The advantages however allowed China to gain the upper hand over a long time period, “appeasing” the Xiongnu (specific techniques are explained in the article). The Eastern Roman Empire at the time of the collision with the Mongols had already existed for a little less than a thousand years and had experienced a series of both victories and downfalls. Constantinople authorities could not compare with the power of Chingissids in terms of the number of troops, the size of territory and number of taxable subjects. However, unlike a number of Asian states, Byzantium survived not only the invasion of the Mongols, but also their presence in the Middle East in general. This paper gives an in-depth look at the mechanisms of how this became possible and the contributing role that was played by trans-Asian trade.

Keywords

Xinjiang, China, Mohuchahan, Chawuhu, early-scythian age

For citation

Shulga D. P., Hasnulina K. A. Nomadic and Settled Empires on the Silk Road: Interaction Patterns. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies, p. 51–58. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-51-58

Перед началом изложения хотелось бы сделать несколько терминологических замечаний. Во-первых, ввиду текучести кочевых образований, а также того, что их наименования до нас чаще доходят не от самих кочевников, а от их оседлых соседей, мы говорим об общностях скотоводов, а не об этносах. Во-вторых, авторы стараются избегать наименования «Византия» (используя его лишь для недопущения тавтологий) в связи с тем, что основными причинами «переименования» (разумеется, среди позднейших историков) Восточной Римской империи в Византию нередко называют перенос столицы, изменение господствующего языка с латыни на греческий, утрата города Рим из сферы влияния. Стоит отметить, что подобные процессы не особенно уникальны, ведь параллели им мы видим, например, в период Хань. Точно так же, как и в Средиземноморье, империя Хань пережила перенос столицы (из Сианя в Лоян). Именно это событие стало водоразделом между Западной и Восточной Хань (в отличие от Рима, империи не сосуществовали, а сменяли друг друга). Административный центр сместился в Китае неспроста – часть территорий на северо-западе была потеряна. Примечательно, что данные изменения не повлекли за собой возникновение какой-то дихотомии, вроде «Восточная Римская империя» – «Византия».

В настоящей статье мы введём в дискуссию о взаимодействии кочевников и земледельцев новые для русскоязычной науки данные об исторически связанных (в том числе по Шёлковому пути) державах – Китае и Восточной Римской империи, которые имели весьма своеобразные отношения с кочевыми общностями. Стоит отметить, что оба указанных государства (авторы считают Восточную Римскую империю прямым продолжением античной Римской державы) имели сношения между собой еще с начала новой эры [Ян Гунлэ, 2011. С. 70–72; Комиссаров и др., 1997. С. 26–27], и с течением времени контакты только усиливались, что подтверждают нумизматические материалы [Го Юньян, 2015].

Китайские царства еще в I тыс. до н.э. столкнулись с кочевниками, однако до подъема сюнну (хунну) в III в. до н.э. набеги с севера не угрожали существованию государств Поднебесной, нанося им лишь временный урон [Тан Цзинцзе, Хань Кансинь, 2007. С. 65]. Квинтэссенцией концепции отношений Поднебесной с «варварами» можно считать высказывание из приписываемого деятелю III в. н.э. Чжугэ Ляну трактата «Вертоград полководца», который был несколько лет назад переведён одним из авторов настоящей статьи. Сам отрывок называется «Северные ди», где ди – собирательное наименование для кочевников Северного Китая (как и термин ху, который будет приведен ниже). «Народы севера не живут оседло, они кочуют в поисках воды и трав, это способствует их набегам на юг. Ответные походы на север затруднены, ибо там горные хребты и пустыни, которые дают возможность для обороны. Для пропитания охотятся и пьют молоко, от холода их защищает кожаная одежда на меху, они стреляют в зверя на скаку и этим добывают средства к существованию. Им никак не привить законы морали, победить их с помощью армии невозможно. Империя Хань не боро-

лась с ними, на то есть три причины: ханьские солдаты являлись и воинами, и землепашцами, от этого становясь усталыми и робкими. Народы севера приходили для выпаса скота и охоты, они были оживлёнными и смелыми. Утомлённый не может соперничать с бодрым, робкий не в состоянии сравниться с отважным. Это первая причина отказа от боевых действий. Солдаты Хань были выносливы, могли проходить сотню ли в день, но северные народы использовали лошадей, что позволяло им преодолевать расстояния в несколько раз быстрее. Во время походов на север ханьской армии необходимо было нести с собой провизию и снаряжение, а кочевники на лошадях преследовали, так что способы перемещения были различными, нередко избирался неправильный путь для прохода войск и т.д. Это вторая причина отказа от боевых действий. Империя Хань опиралась в основном на пехоту, а северные народы – на конницу; в поле кавалерист быстрее пешего воина, и разница между их скоростью огромна. Это третья причина отказа от боевых действий. Учитывая вышеописанную ситуацию, перечислим советы по охране границ. На охрану рубежей должны быть отправлены лучшие воины и командиры, в это же время элитные войска должны быть готовы к защите. Необходимо создать обширную сеть складов с провизией, возвести систему сигнальных башен, чтобы узнавать о перемещениях врага. Когда внутренние территории врага опустеют, надо стягивать силы, чтобы, пользуясь отсутствием войск неприятеля, нанести удар. Таким образом можно одолеть врага малыми затратами, не начиная масштабной кампании, расстроить планы противника» [Шульга, Мерзликин, 2016. С. 140–144].

Можно сказать, что в упомянутом выше фрагменте Чжугэ Лян (если признавать его авторство) констатировал действенность подхода, выдвинутого жившим за 400 лет до него мыслителем и поэтом Цзя И. Основные его труды до сих пор полностью не изданы на русском языке, но в настоящей публикации мы приведем авторский перевод некоторых положений из «Синьшу» (新书). Выдержки из данного памятника актуальны потому, что в разделе о *сюнну* (*хунну*) ханьский философ изложил и раскрыл основу идеи об «установлении трех проявлений благоволения и пяти приманок, с помощью которых можно бороться с *шаньюем* за его народ». Первое проявление благоволения – это «вызвать доверие к Сыну Неба»: «услышав единое слово государя, пусть они будут такими же далекими, [как *сюнну*], их воля не будет [омрачена] сомнениями, пусть они даже враждебны нам, в их сердца не закрадется недоверие. Сначала необходимо сформировать образ мудрого правителя, который верен своему слову. Второе проявление благоволения – это «довести до сведения *сюнну*, что император их любит, нужно продемонстрировать отношение сочувствия и любви к предавшимся [под руку ханьского государя]; если позволить им [*сюнну*] считать, что они любимы Сыном Неба, то они [потянутся к нему], как малое дитя к любящей матери». Третье проявление благоволения выражалось в следующем: «сообщить о том, что нравится правителю, необходимо продемонстрировать предавшимся, что их таланты оценены по достоинству, нужно признавать умения хороших людей и человечность». Если император самолично добьётся «истинной любви и согласится быть терпеливым, то обязательно достигнет ожидаемой цели» [Цзя И, 1976. С. 70–73].

Поговорим о «пяти приманках». Первая «приманка» в дословном переводе звучит как «развернуть их глаза», суть её в том, чтоб приучить кочевников к роскоши. «Прибывшие к нам *сюнну* от глав кланов и выше пусть непременно будут одеты в расшитые шелковые одежды, а их жены и дети – в узорные парчовые платья. Пусть представят им пять серебряных колесниц, раскрашенных резными узорами, запряженных каждая четверкой лошадей, с зелеными тентами. Пусть придадут им эскорт из нескольких всадников и каждому, кроме кучера, еще и дадут сопровождающего, [сидящего на колеснице справа]. Даже *шаньюй* при выездах и возвращениях [в ставку] не пренебрег бы этим». Второй «приманкой» Цзя И призывал «развернуть уста» номадов: «если среди *сюнну*, которых [Ваше Величество] побудили приехать, будет много предавшихся нам, то при большом скоплении народа Верховный [правитель] непременно призовет кого-то из них и пожалует еду, еда будет состоять из прекрасных блюд, где будет все, что пожелаешь». «Третья приманка» была направлена «на слух»: «что до предавшихся нам выдающихся мужей, то Верховный [правитель] непременно

пусть пошлет пригласить кого-нибудь из них в качестве гостей. Пусть получают приглашение и их знакомые. Тем варварам-ху, которые пожелают посмотреть [на прием], этого отнюдь не запрещать. Четвертая приманка – это «развратить их желудки», Цзя И ратовал за то, что всякому предавшемуся императором должен быть оказан прием и милость. К тому же ханьскому государю обязательно следует быть с некоторыми из них щедрым, сделать так, чтобы у них была высокая зала и отдельный флигель, превосходная кухня с большими кладовыми и конюшня с отборными лошадьми, боевая колесница в личном хранении. Рабы и рабыни, множество детишек, домашний скот – [всего должно быть] в достатке. И пусть они живут роскошной жизнью, которая превосходит по уровню и торжественности ту, что [они имели] прежде у *сюнну*. Пятой приманкой является «развратить их сердца», по отношению к тем, кто пришел предаться ханьцам, Цзя И предлагал: «Верховному [правителю Китая] непременно следует кого-нибудь милостиво удостоить приема, одарить родительской лаской, а затем позволить определиться на службу». Приведем более подробное изложение. «Верховный [император] милостиво соизволит принять у себя с несколько десятков человек, делает так, чтобы и на официальных приемах, и в часы досуга они сопровождали его при выездах и посменно прислуживали во внутренних покоях. Когда же Верховный [император] потчует варваров-ху, когда [учреждает] Великие ристалища и приглашает на них послов варваров-ху, силачи и воины, как всегда, будут прислуживать близ [императора] по одну сторону, а мальчикам-варварам будет дозволено приблизиться и прислуживать по другую. Знатные варвары-ху будут поочередно выступать вперед и предлагать [гостям] вино. Верховный [правитель] милостиво изволит лично распорядиться, чтобы подливали вино в чаши послов, обхаживали их. Когда Верховный [правитель] уходит на отдых, [парадное] платье расписного шелка, [украшенный драгоценными раковинами] большой пояс и другие оставшиеся предметы одежды подносятся им в качестве даров. Верховный [правитель] милостиво изволит принимать мальчиков-варваров, похлопывает их, играет с ними в кольцо. А когда подают жареное мясо, милостиво изволит кормить их. [Верховный император] снимает с себя великолепные одежды и лично одаривает их. [Когда] Верховный [правитель Китая] встает, мальчики-варвары [находятся] кто сзади, кто спереди него. Знатным варварам будет дозволено подносить вино; и они будут в платье с казенной печатью на шнурке. Знатные варвары будут стоять перед [Верховным правителем]! Пусть только некоторые люди достигают подобного, а [Верховный правитель] устанавливает им такое положение [для предавшихся ему *сюнну*]. В целом государстве, кто увидит и услышит [это], широко раскроют глаза от изумления, возжелают [того же]. Люди засуетятся, забеспокоятся только о том, как бы не опоздать с прибытием к нам» [Янь Шэньго, 2004. С. 149–153].

Цзя И верил, что его политика, опиравшаяся на признание невозможности военной победы над «варварами» с одной стороны, а с другой – на понимание экономического превосходства империи над *сюнну*, даст плоды совсем скоро, и развалит державу *хунну* за десятилетие. Это оказалось не совсем так. Тем не менее, искусно приманивая представителей кочевой знати, а временами и нанося удары, ханьцы чуть более чем за сотню лет смогли покорить значительную часть *сюнну*, о чем свидетельствуют как письменные, так и археологические данные [Гань Чжэньюй, 2015; Цзян Лу, 2011]. Кочевые народы на границах Китая с течением времени менялись, подчас захватывая отдельные территории на севере страны. Часто «яблоком раздора» становился контроль за Шёлковым путём. Но тут срабатывал скрытый механизм – торговля, приносившая большие барыши, действовала на вчерашних скотоводов примерно так же «разлагающе», как и придворная роскошь в приведенном выше отрывке. Это дополнялось и демографическим перевесом в пользу китайского населения [Ян Гуаньхуа, 2016]. Таким образом, заложенная Цзя И политика по «умиротворению варваров» в сочетании с выверенными действиями дипломатов и генералов (о которых писал автор «Вертограда полководца») придавала Поднебесной такую устойчивость, что только монголам удалось полностью поглотить Китай от Гоби до границ Вьетнама, да и то менее чем на столетие.

С монголами пришлось столкнуться и Восточной Римской империи. Православная держава была важным контрагентом на уже упомянутом Великом Шёлковом пути, о чем свиде-

тельствуют, в том числе, находки солидов Юстиниана, Анастасия I и других императоров вплоть до восточного Китая [Cheng Linqun, Zhang Xiangyu, 2008. С. 25–30]. Она же была источником несторианского христианства [Vrhovski, 2013], активно распространявшегося по торговым маршрутам¹, и получившего определённую популярность у кочевников Северного Китая, включая ряд собственно монгольских племён².

Ромеи и до монголов имели дело с кочевниками, например, тюрками-ашина, причём отношения эти были и военными, и дипломатическими и торговыми, о чём свидетельствуют находки монет в элитных погребениях Центральной Азии [Го Юньян, 2016]. При этом, конечно, положение Малой Азии было менее уязвимо для степняков в сравнении с Поднебесной. Отношения с арабами мы оставим за скобками настоящего исследования, так как при наличии у последних сильного скотоводческого элемента их культура и быт сильно отличались от таковых у номадов степного пояса Евразии.

К моменту прибытия монгольских войск на Ближний Восток Восточной Римской империи как единого целого не существовало, ибо Никейская империя в 1250-х гг. еще только копила силы для ответного удара по крестоносцам. Конечно, в военном отношении ромеи не могли тягаться с ордами Хулагу. И всё же, как мы знаем, Константинополь (с 1261 г.) успешно сохранил независимость от чингизидов (в отличие от Китая, Ирана, Средней Азии, Ближнего Востока, Поволжья и других регионов). Тому, думается, было несколько причин. Во-первых, несмотря на катастрофу 1204 г. за полвека, благодаря, в том числе, политике Иоанна Ватаца, ромеи сумели отодвинуть от своих рубежей как «франков», так и мусульман, которые, к тому же, испытывали давление с востока. Во-вторых, хотя роль империи в международной торговле и падала постепенно под давлением Генуи и Венеции, географическое положение столицы всё еще позволяло православной державе серьёзно влиять на поток товаров, в том числе между Чёрным морем, северные берега которого контролировала Золотая Орда, и морем Средиземным. В-третьих, вековые традиции дипломатии позволяли императору Михаилу VIII играть на противоречиях мамлюков Египта и государства Хулагуидов, к которым еще добавлялись столкновения ильханов с Улусом Джучи. До 1264 г. это вполне удавалось, и хотя султан Бейбарс вследствие принятия Константинополем монгольского посла расторг договор о союзе, для императора это не стало геополитической трагедией. Напротив, Михаил делает окончательный выбор в пользу Хулагуидов, выдав в следующем году свою побочную дочь за наследника Хулагу [Баярсайхан, 2013. С. 35–38], при дворе которого традиционно сильны были несторианские настроения. Такой поступок чрезвычайно напоминает действия китайских императоров, которые в ситуации военной слабости отсылали своих дочерей от наложниц в качестве жён к *сюнну* и другим потенциально опасным соседям-скотоводам для заключения «договора мира и родства». И точно так же, как когда-то ханьские «Сыны Неба», пользуясь родственными связями и опытом в дипломатии, Михаил и его сын Андроник извлекали для себя пользу из соседства с ильханами. Последующий переход монгольской элиты на Ближнем Востоке в ислам несколько отдалил таковую от Константинополя, но не стал катастрофой для Восточной Римской империи. Более того, как мы видим, она на целый век пережила государство потомков Чингисхана в Передней Азии. Гораздо более зависимой от ильханов была Трапезундская империя Комнинов, что неудивительно в связи с ее более восточным расположением и меньшими силами. Но даже ей удалось сохранить фактическую независимость при условии уплаты дани и просуществовать до 1461 г.

Как мы видим, две средневековые империи, одна на востоке, другая на западе Азии, исповадавшие совершенно различные религиозно-философские учения, весьма сходным образом действовали в условиях столкновения с кочевым миром. Не в силах подчас победить на поле битвы, ромеи и китайцы опирались на те методы воздействия (торговлю, дипломатию, культуру), в которых традиционно превосходили соседей. Нестабильность кочевых форм госу-

¹ Gordy J. Nestorian «merchant missionaries» – A model for Christian Chinese migrants. In die Skriflig 49 (1). DOI 10.4102/ids.v49i1.1882

² Hughes G. Why did the Church of the East in China disappear? Oriental Institute, University of Oxford. November, 16, 2016. URL: <http://users.ox.ac.uk/~wolf2305/documents/china.pdf> (дата обращения 12.08.2019).

дарственности способствовала успеху «старых» земледельческих цивилизаций, которые были способны «переждать» усиления кочевников на 50–100 лет, за которыми неизбежно следовала «великая замятня». Также важен тот факт, что Китай и Империя Ромеев были многонациональными державами, в которых на первом месте стояла не национальная принадлежность, а государственная идеология (в религиозной православной или философской конфуцианской форме). Это позволяло довольно эффективно инкорпорировать выходцев из других, в том числе скотоводческих, народов в структуру государства. Наличие подобных «инструментов», несмотря на кажущуюся их эфемерность, как мы видим, позволило ромеям и ханьцам куда легче переносить удары из степи (вспомним, что Китай и Восточная Римская империя к моменту нашествия монголов также были раздроблены и переживали не лучшие времена). Разумеется, выводы настоящей работы достаточно дискуссионны, и авторы, вводя всё новые археологические источники, будут продолжать исследования в рамках избранной проблематики.

Список литературы

- Баярсайхан Д.** Монгол-византийн олон талт харилцаа (XIII–XIV зуун) // *Historia Mongolarum*. 2013. № 396 (34). С. 33–48.
- Комиссаров С. А., Харрис Д., Васенькин В. В.** Столкновение Римской и Ханьской империй (в контексте военной истории) // *Россия и Восток. Археология и этническая история: Материалы IV Междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия»* / Гл. ред. Н. А. Томилов. Омск: Ин-т востоковедения РАН, 1997. С. 26–27.
- Шульга Д. П., Мерзликин А. А.** «Вертоград полководца» Чжугэ Ляна на стыке дисциплин. Новосибирск: Омега-принт, 2016. 147 с.
- Cheng Linquan, Zhang Xiangyu.** Tomb of Kang Ye of the Northern Zhou in Xi'an, Shaanxi. *Chinese Archaeology*, 2008, vol. 9, p. 23–38.
- Vrhovski J.** Apologeticism in Chinese Nestorian Documents from the Tang Dynasty: Notes on Some Early Traces of Aristotelianism in China. *Asian Studies*, 2013, vol. 1, no. 2, p. 53–70.
- Гань Чжэньюй.** Чжунго цзиннэй сюнну муцзан яньцзю чутань [干振瑜。中国境内匈奴墓葬研究初探]. Первичное исследование погребений сюнну в пределах Китая // *Чифэн сюэюань сюэбао*. 2015. № 2. С. 14–17. (на кит. яз.)
- Го Юньянь.** Лунь Мэнгуго Баяньноэр туцзюэ бихуа мусо чуцзинь иньби дэ синчжи тэчжэн [郭云艳。论蒙古国巴彦诺尔突厥壁画墓所出金银币的形制特征]. Обсуждение золотых монет из тюркских погребений в Баян-Норе (Монголия) // *Цаюань вэнью*. 2016. № 1. С. 115–123. (на кит. яз.)
- Го Юньянь.** Цайлунь чжунгофасяньдэ люэмэй Байчжаньтин чжунци цзиньби [郭云艳。再论中国发现的六枚拜占庭中期金币]. Еще раз о шести золотых средневековых византийских монетах в Китае // *China Numismatics*. 2015. № 1. С. 53–59. (на кит. яз.)
- Тан Цзинцзе, Хань Кансинь.** Чжунгобэйфан цзигэ гудай миьцзудэ тичжэн лэйсин хэ чжунцзу шусин [谭婧泽, 韩康信。中国北方几个古代民族的体征类型和种族属性]. Общие признаки и принадлежность нескольких древних этносов в северном Китае // *Сяндай жэньлэйсюэ тунсюнь*. 2007. № 1. С. 58–66. (на кит. яз.)
- Цзя И.** Цзя И цзи [贾谊。贾谊集]. Собрание трудов Цзя И. Шанхай: Жэньмин чубаньшэ, 1976. 296 с. (на кит. яз.)
- Цзян Лу.** Бэйфан дицюй «нань сюнну» муцзан цзай таньтао [蒋璐。北方地区«南匈奴»墓葬再探讨]. Новые исследования погребений «южных сюнну» в Северном Китае // *Бяньцзян каогу яньцзю*. 2011. № 1. С. 244–253. (на кит. яз.)
- Ян Гуаньхуа.** Лоян Цзяньси Хэншаньлу Бэйвэйму фацзюэцзяньбао [杨冠华。洛阳涧西衡山路北魏墓发掘简报]. Отчет о раскопках гробницы эпохи Северная Вэй в лоянском районе Цзяньси на улице Хэншаньлу // *Вэнью*. 2016. № 7. С. 4–14. (на кит. яз.)

- Ян Гунлэ.** Сычоу сисяо даочжи Лома диго цзинци шуайло шо юаньлю бяньси [杨共乐。丝绸之路导致罗马帝国经济衰落说源流辨析]. Критический анализ гипотезы о взаимосвязи торговли по Шёлковому пути и упадком Римской империи // *Collected Papers of History Studies*. 2011. № 1. С. 69–74. (на кит. яз.)
- Янь Шэнго.** Ханьчао чжаосян сюнну цэлюэ шу лунь [阎盛国。汉朝招降匈奴策略述论]. Краткое изложение стратегий династии Хань по склонению сюнну к капитуляции // Цзюньши лиши яньцзю. 2004. № 2. С. 148–154. (на кит. яз.)

References

- Bayarsaikhan D.** Mongol-Byzantine Multilateral Relations (the 13th-14th century). *Historia Mongolarum*, 2013, no. 396 (34), p. 33–48. (in Mong.)
- Komissarov S. A., Harris D., Vasenkin V. V.** The clash of the Roman and Han empires (in military history context). In: *Russia and the East. Archeology and Ethnic History: Proceedings of the IV International Scientific Conference “Russia and the East: Problems of Interaction”*. Ed. by N. A. Tomilov. Omsk, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 1997, p. 26–27. (in Russ.)
- Shulga D. P., Merzlikin A. A.** Zhuge Liang’s “Jiang Yuan” (“The Vineyard of General”). Novosibirsk, Omega-print, 2016, 147 p. (in Russ.)
- Cheng Linquan, Zhang Xiangyu.** Tomb of Kang Ye of the Northern Zhou in Xi’an, Shaanxi. *Chinese Archaeology*, 2008, vol. 9, p. 23–38.
- Vrhovski J.** Apologeticism in Chinese Nestorian Documents from the Tang Dynasty: Notes on Some Early Traces of Aristotelianism in China. *Asian Studies*, 2013, vol. 1, no. 2, p. 53–70.
- Gan Zhenyu.** Zhongguo jingnei xiongnu muzang yanjiu chutan чутань [干振瑜。中国境内匈奴墓 葬研究初探]. *Preliminary Study of the Xiongnu Tombs in China. Chifen xueyuan xuebao [Journal of Chifeng Institute]*, 2015, no. 2, p. 14–17. (in Chin.)
- Guo Yunyan.** Lun Mengguguo bayannuoer tujue bihua musuo chujin yinbi de xingzhi tezheng [郭云艳。论蒙古国巴彦诺尔突厥壁画墓所出金银币的形制特征]. On the Forming Characteristics of Gold and Silver Coins in the Tomb of Murakami Mural in Mongolia. *Caoyuan wenwu [Steppe Cultural Relics]*, 2016, no. 1, p. 115–123. (in Chin.)
- Guo Yunyang.** Zailun zhongguo faxiande liumei baizhanting zhongqi jinbi [郭云艳。再论中国发现的六枚拜占庭中期金币]. Re-discussing the six Byzantine mid-term gold coins discovered in China. *China Numismatics*, 2015, No. 1, p. 53–59. (in Chin.)
- Tan Jingjie, Han Kangxin.** Zhongguo beifang jige gudai minzude tizheng leixing he zhongzu shuxing [谭婧泽, 韩康信。中国北方几个古代民族的体征类型和种族属性]. Signs and ethnicity of several ancient nationalities in the north. *Xiandai renleixue tongxun [Communication on contemporary anthropology]*, 2007, no. 1, p. 58–66. (in Chin.)
- Jia Yi.** Jia Yi ji [贾谊。贾谊集]. Anthology of Jia Yi. Shanghai, Renmin Publ., 1976, 296 p. (in Chin.)
- Jiang Lu.** Beifang diqu nan xiongnu muzang zai tantao [蒋璐。北方地区«南匈奴»墓葬再探讨]. Re-discussion on the Tombs of the Southern Xiongnu in the North. *Bianjiang kaogu yanjiu [Frontier Archaeological Research]*, 2011, no. 1, p. 244–253. (in Chin.)
- Yan Guanhua.** Luoyang Jianxi Hengshanlu beweimu fajue jianbao [杨冠华。洛阳涧西衡山路北魏墓发掘简报]. Excavation Briefing of the Northern Wei Tomb of Hengshan Road, Luoyang. *Wenwu [Cultural Heritage]*, 2016, no. 7, p. 4–14. (in Chin.)
- Yang Gongle.** Sichou xixiao daozi luoma diguo jingji shuailuo shuo yuanliu bianxi [杨共乐。丝绸之路导致罗马帝国经济衰落说源流辨析]. Analysis of the Origin and Development of the Roman Empire's Economic Decline. *Collected Papers of History Studies*, 2011, no. 1, p. 69–74. (in Chin.)

Yan Shengguo. Hanchao zhaoxiang xiongnu celüe shu lun [阎盛国。汉朝招降匈奴策略述论]. On the Strategy of Recruiting the Xiongnu in the Han Dynasty. *Junshi lishi yanjiu* [Military History Research], 2004, no. 2, p. 148–154. (in Chin.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
19.08.2019*

Сведения об авторах

Шульга Даниил Петрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных основ государственной службы факультета политики и международных отношений, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС (ул. Нижегородская, 6, Новосибирск, 630102, Россия)
alkaddafa@gmail.com

Хаснулина Карина Артуровна, аспирант, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (Красный проспект, 38, Новосибирск, 630099, Россия)
searchorient@gmail.com

Information about the Authors

Danil P. Shulga, Candidate of Science (History), senior lecturer, Chair of Humanitarian Foundations of Public Service of the Faculty of Politics and International Relations, Siberian institute of Management RANEPА (Siberian Institute of Management – the branch of RANEPА (6 Nizhegorodskaya Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation)
alkaddafa@gmail.com

Karina A. Hasnulina, post-graduate student, Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (38 Krasnyi Ave., Novosibirsk, 630099, Russian Federation)
searchorient@gmail.com

УДК 39(594.47)

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-59-65

Молодежные субкультуры в контексте трансформации идентичности южных корейцев

А. С. Шмакова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

Аннотация

Данная статья посвящена анализу проблемы взаимосвязи образования субкультур и гибкой (бессвязной) идентичности южных корейцев, сформировавшейся под влиянием процессов модернизации и глобализации при сохранении конфуцианского ядра национальной культуры. Особый конфуцианский тип общественного устройства Кореи, выработанный за период со Средних веков до настоящего времени, признает наличие различных, иногда противоречащих друг другу тенденций, требующих альтернативного функционирования культурных фильтров и ментальности, что является благоприятной почвой для появления большого количества групп с отличным от большинства жизненным укладом и ценностями. В зависимости от символики в южнокорейском обществе можно выделить молодежные субкультуры кей-поп-фанатов, андерграунда и хиппи, олдджанов, клубных тусовщиков, члены которых внутри группировок обладают сходными признаками – общий язык, сеть коммуникаций, личные связи, поверхностные знакомства, общие нормы и ценности, модели поведения и формы взаимоотношений. В долгосрочной перспективе корейцы будут продолжать активно воспринимать новые идеи и образцы, умело вписывая в свою культуру и монетизируя их.

Ключевые слова

Южная Корея, гибкая идентичность, бессвязная идентичность, субкультура

Для цитирования

Шмакова А. С. Молодежные субкультуры в контексте трансформации идентичности южных корейцев // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение. С. 59–65. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-59-65

The Role of Youth Subcultures in the Transformation of Identity of South Korean People

A. S. Shmakova

*National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russian Federation*

Abstract

This article is devoted to the analysis of the relationship between the formation of subcultures and the flexible identity of South Korean people, which was formed under the influence of modernization and globalization while maintaining the Confucian core of national culture. The special Confucian type of social structure of Korea, developing since the Middle Ages to present day, recognizes the presence of various, sometimes conflicting trends, requiring alternative functioning of cultural filters and mentality, which is favorable soil for the emergence of a large number of groups with different lifestyles and values. In the 1960s in South Korea, modernization began which took place on the surface without preparing the foundation for such a kind of transformation. The rigidity of the political regime within the country, as well as following the political and economic course of the United States and the final rejection of the search for attempts to unite the Korean Peninsula against the background of superficial reform, led to the emergence of a large number of student movements for democracy, reunification and preservation of national specificity.

© А. С. Шмакова, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies

In the midst of student movements of the 1960–1980s for democratic transformations, new subcultures and movements were born. Depending on the symbolism in South Korean society, nowadays one can distinguish subcultures of K-pop fans, underground and hippie, oljang, clubbers, whose members within groups have similar characteristics – a common language, communication network, personal connections, superficial acquaintances, general norms and values, behavior models and forms of relationships. In the long run, Koreans will continue to actively perceive new ideas and patterns, skillfully integrating them into their culture and monetizing them.

Keywords

South Korea, flexible identity, incoherent identity, subculture

For citation

Shmakova A. S. Youth Subcultures in the Context of Transformation of Identity of South Korean People. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies, p. 59–65. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-59-65

Введение

С момента разделения Корейского полуострова в 1948 г. и начала экономических и социальных реформ по западному образцу южнокорейское общество претерпело большое количество фундаментальных изменений, оказавших значительное влияние на его структуру. Ускоренная поверхностная модернизация, которая, тем не менее, не затрагивала фундаментальных основ общественного устройства, и необходимость сверхбыстрой адаптации к новым режимам и идеалам, при которой переход на следующую ступень развития происходил до того, как успела завершиться предыдущая, способствовали формированию идентичности особого типа, отличающейся значительной гибкостью.

Население Южной Кореи, воспитанное в духе конфуцианских норм и ценностей, даже со становлением постиндустриального общества и развитием урбанизации не утратило стремления к иерархичности, патриархальному укладу и консерватизму, особенно в частной жизни. Несмотря на процессы модернизации и вестернизации, которые в Южной Корее происходили со значительным опозданием¹, основой государственного устройства продолжала оставаться конфуцианская идеология, которая с XIV в. выступала своеобразным фильтром для всех трансформаций, происходивших в обществе.

И. А. Толстокулаков отмечает вслед за Ш. Эйзенштадтом, что для азиатского посттрадиционного мира характерно постоянное соотнесение локальных исторических традиций и ценностно-культурных ориентировок с западными образцами с целью отбора наиболее подходящих и приемлемых. В случае если та или иная модель не подходит, то от нее отказываются (цит. по: [Толстокулаков, 2007. С. 154]). Конфуцианский культурный код, характеризующийся приматом морали и нравственности над эффективностью и институциональностью, не может быть изменен. Он признает гармоничное сосуществование множества вариантов развития, поскольку все в мире взаимосвязано [Там же, 2007. С. 164].

Открытость южнокорейского общества и его готовность к восприятию множества противоречащих друг другу трендов, обусловленная конфуцианской трансформацией² и выработанной в ходе этой трансформации новой классической традицией, с одной стороны, и стремлением влиться в поток глобализирующегося мира с другой, обуславливает наличие гибкой (комплексной, бессвязной, многогранной) идентичности южных корейцев и формирование в обществе большого количества субкультур.

¹ Традиционно считается, что модернизация в Ю. Корее началась в конце 1940-х гг.

² И. А. Толстокулаков выделяет следующие элементы, присущие комплексу азиатских ценностей: холизм общественного сознания, уважительное отношение к старшим, сохранение семьи как основной социальной ячейки, исключительная общественная роль системы устойчивых личных связей и контактов, неконфликтность и стремление к общественному компромиссу, признание важности образования как важного фактора социализации личности, соблюдение правил общественного этикета [Толстокулаков, 2007. С. 174]. Достоверность этих положений подтверждается исследованием Na Eun-Yeong, Cha Chae-ho, 2003. P. 531–566.

Методология

Статья базируется на многолетних наблюдениях автора за южнокорейским обществом в ходе долгосрочных стажировок и краткосрочных поездок в период с 2011 по 2019 г. Ее теоретической основой послужили труды южнокорейских, европейских и российских антропологов и этнографов, среди которых особое место занимают работы А. К. Байбурина [1981], В. У. Тернера [1983], Т. Б. Щепанской [1993; 2004], И. А. Толстокулакова [2007], Чо Мюннэ [Cho Myung-Rae, 2003], Ким Джи Мёна [2001].

В нашем исследовании субкультура рассматривается как знаковая и нормативная система, способная к самовоспроизводству и относительно автономная в рамках более широкой системы культуры, как система знаков и норм, а не сообщество, как локальное уплотнение межличностных связей. Субкультура порождает группировки, которые возникают и перестают существовать, внося вклад в копилку ее традиции, причем трансляция традиции происходит на надгрупповом уровне [Щепанская, 2004. С. 31].

Основные результаты

Южнокорейский антрополог Чо Мюннэ, анализируя особенности социальности южных корейцев на примере сеульской городской агломерации, отмечает, что члены общества проявляют одновременно стремление к индивидуальности и институциональности, общественные взаимоотношения характеризуются значительной эластичностью, что позволяет претворять в жизнь кажущиеся несовместимыми вещи. В южнокорейском обществе не было, и нет необходимости разделять жизнь частную и жизнь общественную, поскольку выработанные в рамках конфуцианской идеологии принципы верности и взаимосвязи пронизывают все сферы общества и, тем самым, стирают границы деления. Так, выбор конкретной модели поведения зависит от социального контекста, что способствует формированию антропологической модели «бессвязной личности». «Бессвязная личность» характеризуется наличием большого количества наборов кодов, наслоенных друг на друга и реализующихся в зависимости от ситуации. Так, например, в семье корейцы проявляют себя строгими и патриархальными, а в публичной жизни характеризуются либеральными настроениями. Кроме того, они сочетают в себе материальные и постматериальные, современные и постмодернистские, националистические и космополитические, реалистические и ирреалистические черты [Чо Мюннэ, 2003. С. 204–205]. Таким образом, по Чо Мюннэ, сознание южных корейцев является своеобразным уплотнителем и накопителем современных тенденций и традиционных ценностей, и эта способность также обуславливает наличие большого количества различных групп и слоев в обществе.

Структура южнокорейского общества начала значительно усложняться с 1960-х гг., чему способствовало формирование оппозиции в виде молодежных и студенческих движений за демократические свободы. Отметим, что такая тенденция была характерна не только для корейского общества, но и для других обществ, находившихся на стадии индустриализации. В этот же период в Южной Корее правительством Пак Чонхи была объявлена программа «модернизации родины», в ходе которой происходило навязывание институтов западного толка и отказ от корейских традиционных образцов³. Жесткость политического режима внутри страны, а также следование политическому и экономическому курсу США и окончательный отказ от поисков попыток объединения Корейского полуострова на фоне поверхностного реформирования привели к появлению большого количества студенческих движений за демократию, воссоединение и сохранение национальной специфики. Именно в среде сту-

³ Иванов Д. В. По следам «тигра»: анализ траекторий социальных изменений в Ю. Корее. URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2012_4/Ivanov_2012_4.pdf (дата обращения 15.08.2019).

денческих движений 1960–1980 гг. за демократические преобразования зарождались новые субкультуры.

Антрополог Ким Джин Мён указывает, что молодежь в Южной Корее всегда воспринималась как база для общественных преобразований и играла значительную роль во властной и политической структуре страны. Любые выступления, объектом которых являлась государственная власть, изначально воспринимались как опасные, находящиеся вне культуры, поэтому значение слова «субкультура» наделялось отрицательной коннотацией [Ким Джин Мён, 2001. С. 65–68]. В. У. Тернер пишет, что государственные перевороты, совершаемые с целью избавления от догмы и существующего порядка вещей не являются проявлением девиантного поведения, то есть выходом за пределы социальной нормы, но лишь стремлением к свободному выражению способа мышления, чувств, взглядов... и человеческих отношений, в которых реализуется товарищеская любовь и дружба (цит. по: [Ким Джин Мён, 2001. С. 66]). Тем не менее, антиэстеблишментская направленность южнокорейской молодежной субкультуры, формирующейся в студенческой среде, превращала ее в субкультуру «табу».

К началу 1990-х гг. Южная Корея уже была модернизирована, а общество диверсифицировано. Материнскими для большинства южнокорейских молодежных субкультур выступили европейские и американские [Ji Soo Na, Judy Park, 2011. P. 23], поэтому среди них можно увидеть большое количество сходных черт. Однако есть и группы, характерные только для Южной Кореи. Социологи связывают их появление с глобализацией и высокой степенью открытости южнокорейского общества, причудливо сочетающейся с тремя «Н» – неуверенностью, неудовлетворенностью и беспокойством (тревогой) [Park Kyungro, 2017. P. 49].

Глобализация предоставила молодежи возможности учиться за границей, а также внесла значительные изменения в комплекс ценностных представлений членов общества. Так, по данным от 2012 г., Южная Корея заняла третье место в рейтинге после Индии и КНР по количеству студентов, обучающихся за рубежом [Там же, 2017. P. 41]. Растет количество интернациональных браков, что является проявлением трансформации семьи как одного из важнейших столпов общества. Среди современных тенденций необходимо отметить такое явление как *пихончжуй* – отказ населения от вступления в брак. Согласно данным статистики Южной Кореи, в 2017–2018 гг. количество мужчин, не считающих обязательным вступить в брак, составило 48,1 %, а женщин – 50,6 %⁴.

Ценностные представления членов южнокорейского общества, увлеченных потреблением товаров и услуг, ориентированы, в первую очередь, на пластические операции, косметику, салонные процедуры, высокотехнологичные товары, дорогие автомобили, кожгалантерею и украшения. На этой основе также происходит формирование субкультур.

Необходимо отметить, что Южная Корея признана страной с самым острым конфликтом поколений ввиду приверженности старого поколения материалистическим ценностям, а нового – постматериалистическим [Na Eun-Yeong, Cha Chae-ho, 2003. P. 532]. Значительные различия в ценностных установках в настоящее время продолжают обеспечивать диверсификацию структуры южнокорейского общества и объясняют наличие большого количества субкультур.

В настоящее время в южнокорейском обществе можно выделить следующие субкультуры: кей-поп фанатов, блогеров моппан, андерграунда и хиппи, ольджанов, клубных тусовщиков. Каждая из этих групп обладает собственной символикой и другими атрибутами, что позволяет сделать вывод об их принадлежности к субкультуре. Среди таких атрибутов принято выделять – общий язык, сеть коммуникаций, личные связи, поверхностные знакомства, общие нормы и ценности, модели поведения и формы взаимоотношений [Щепанская, 1993. С. 28–29].

⁴ Возраст вступления в брак и его необходимость http://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=402&tblId=DT_402004N_003&conn_path=I2

Молодежные субкультуры Южной Кореи и их символика

Субкультура	История	Отличительные черты (символика)	Состав	Идентификационные знаки
К-поп	С дебюта к-поп-группы «Shinhwa» до наших дней развивается примерно одинаково	Одежда с логотипами к-поп групп, всевозможные украшения, лайтстики, своеобразный слэнг (так называемые fancheats). Во время выступления любимых групп выкрикивают определенные фразы	Слушающие к-поп молодые люди, лидеры фандомов	Одежда с логотипами групп, специальные часы
Ольджан	С развитием уровня качества пластической хирургии молодые люди все больше стремятся изменить свою внешность. В большинстве своем молодая субкультура (2010-е годы)	Двойное веко, маленькое (чаще овальное, с четким подбородком) лицо, аккуратный характерный макияж, тонкий нос, не типичная для корейцев внешность, стильная одежда. Огромный акцент делают на внешности, завоевании популярности в социальных сетях. Парная культура	Парни и девушки от 16–25 лет (в Корее, Японии и Китае)	Через социальные сети, блоги
Косплеи		Особенная одежда (характерная для копируемого персонажа), парики, линзы, макияж		Главным образом, одежда
Пхочуджок (стрирайсеры)	Изначально так называли только выпускников школ, имеющих байки или другие средства передвижения. Сейчас это понятие приобрело характер собирательного для всех гонщиков	Кожаные куртки поверх формы, тяжелые ботинки, перчатки	Молодые люди, имеющие транспортное средство, желающие участвовать в гонках	Существуют специальные места сбора, чаще всего встречи происходят в темное время суток
Мокбан	Блоггерская, активно развивается в Южной Корее. Данное направление появилось ввиду разнообразия корейской кухни		Молодые люди, блогеры Yang SuBin	Youtube
Субкультура андеграунда	Берёт свое начало в американской хип-хоп андеграундной культуре. Распространялась вместе с американской музыкой	Хип-хоп-жесты, кепки, широкие штаны (джинсы), рубашки поверх маек, подражание рэп-кумирам, «сходки»	Любители хип-хопа	Существуют специальные места сбора. Часто можно встретить на площадках для катания на роликах, велосипедах и проч.
Хиппи	Берёт свое начало в западной субкультуре хиппи. Исторически связано с выступлениями против Японии	Знак «Y». Корейские хиппи отличаются от западных внешностью. Они не носят типичную для хиппи одежду, не ограчивают волосы		https://hippiekoreacommunity.wordpress.com/ https://www.hippiesoul.com/

Как видно из таблицы, подготовленной автором по собственным полевым материалам и наблюдениям, основными стилевыми кодами корейских молодежных субкультур являются предметы общей моды, имеющие символическое значение. Например, ношение бейсбольной шляпы сбоку – это стильно, но также и отражает уникальный образ хип-хопперов. Все южнокорейские субкультуры сопротивляются навязываемым им старшим поколением консервативным идеалам и образцам, а также высоким требованиям общества.

Заключение

Гибкая идентичность является основной характеристикой пограничного (лиминального) южнокорейского общества, которое в настоящее время представляет собой непрерывную сеть, состоящую из реципрокности, верности, установленных связей, доверия, обмена подарками, служащих для достижения согласия, выявления эмоциональных и материальных обязательств, решения проблем. Истоки такой идентичности были заложены в средние века, когда происходила конфуцианская трансформация корейского общества. Лояльное отношение конфуцианства ко всему новому сформировало в корейском этносе культурные фильтры особого типа, действие которых обеспечивает диверсификацию общественной структуры и появление большого количества субкультур.

Список литературы

- Байбурин А. К.** Семиотический статус вещей и мифология // Сборник МАЭ. Т. 37. Материальная культура и мифология. Л.: Наука, 1981. С. 215–226.
- Тернер В. У.** Символ и ритуал. М.: ГРВЛ, 1983. 277 с.
- Толстокулаков И. А.** Политическая модернизация Южной Кореи. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. Ч. 1. 363 с.
- Щепанская Т. Б.** Символика молодежной субкультуры. СПб.: Наука, 1993. 340 с.
- Щепанская Т. Б.** Система: тексты и традиции субкультуры. М.: ОГИ, 2004. 286 с.
- Ким Джин Мён.** Хангук-ый хавимунхва [Субкультуры в Южной Корее]. Сеул: Чибмундан, 2001. 286 с. (на кор. яз.)
- Cho Myung-Rae.** Flexible Sociality and the Postmodernity of Seoul. In: *Korean Anthropology: Contemporary Korean Culture in Flux*. Seoul, Hollym, 2003, p. 201–220.
- Ji Soo Ha, Judy Park.** Significance of Changing Korean Youth Subculture Styles. *Asian Culture and History*, 2011, vol. 3, no. 1, p. 23–30.
- Na Eun-Yeong, Cha Chae-ho.** Changes in Values and Generation Gap During the Past Two Decades (1979–1998) in Korea. In: *Korean Anthropology: Contemporary Korean Culture in Flux*. Seoul, Hollym, 2003, p. 531–566.
- Park Kyungro.** The political Economy of South Korean Trade Growth and Social Change, 1963–2013. *Journal of Contemporary Korean Studies*, 2017, vol. 4, no. 1: National Museum of Korean Contemporary History, p. 35–64.

References

- Baiburin A. K.** Semioticheskiy status veshhej i mifologiya [The semiotic status of things and mythology]. In: *Sbornik muzeya antropologii i etnografii*. Vol. 37. Materialnaya kultura i mifologiya [Material Culture and Mythology]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, p. 215–226. (in Russ.)
- Turner V. W.** Simvol i ritual [Symbol and ritual]. M.: Nauka publishers, 1983, 277 p. (in Russ.)
- Tolstokulakov I. A.** Politicheskaja modernizacija Juzhnoj Korei [Political Modernization of South Korea]. Vladivostok, Dalnevostochny University Publ., 2007, pt. 1, 363 p. (in Russ.)
- Shhepanskaya T. B.** Simvolika molodezhnoj subkul'tury [Symbolism of Youth culture]. St. Petersburg, Nauka, 1993, 340 p. (in Russ.)

- Shhepanskaya T. B.** Sistema: teksty i tradicii subkul'tury [System and tradition of subculture]. Moscow, OGI, 2004, 286 p. (in Russ.)
- Cho Myung-Rae.** Flexible Sociality and the Postmodernity of Seoul. In: Korean Anthropology: Contemporary Korean Culture in Flux. Seoul, Hollym, 2003, p. 201–220.
- Ji Soo Ha, Judy Park.** Significance of Changing Korean Youth Subculture Styles. *Asian Culture and History*, 2011, vol. 3, no. 1, p. 23–30.
- Na Eun-Yeong, Cha Chae-ho.** Changes in Values and Generation Gap During the Past Two Decades (1979–1998) in Korea. In: Korean Anthropology: Contemporary Korean Culture in Flux. Seoul, Hollym, 2003, p. 531–566.
- Park Kyungro.** The political Economy of South Korean Trade Growth and Social Change, 1963–2013. *Journal of Contemporary Korean Studies*, 2017, vol. 4, no. 1: National Museum of Korean Contemporary History, p. 35–64.
- Kim Jin Myeong.** Hangukeu hawimunhwa [집진명. 한국의 하위문화]. Subcultures in South Korea. Seoul, Jipmundang, 2001, 286 p. (in Kor.).

Материал поступил в редколлегию
Received
15.08.2019

Сведения об авторе

Шмакова Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (ул. Малая Ордынка, 17, Москва, 119017, Россия)
kity45@yandex.ru

Information about the Author

Anna S. Shmakova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Regional Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University, Higher School of Economics (17 Malaya Ordynka St., Moscow, 119017, Russian Federation)
kity45@yandex.ru

УДК 911.8 + 81.33
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-66-77

На пути к мультикультурализму в Японии – популяризация «простого японского языка»

Е. Л. Фролова

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Современная Япония решительно поворачивается в сторону создания полноценного мультикультурного общества. Преподавание японского языка иностранцам на всех уровнях в сочетании с другими мерами японского правительства способствует углублению взаимопонимания. Концепция «простого японского языка» (ПЯЯ) подразумевает использование упрощенного языка с ограниченным словарным запасом и набором элементарной грамматики. ПЯЯ был создан как средство предоставления информации иностранцам – вначале для чрезвычайных ситуаций, а затем и в повседневной жизни. Сфера применения ПЯЯ за последние 25 лет значительно расширилась. Основы концепции ПЯЯ были предложены в качестве учебного материала для рассмотрения мультикультурного симбиоза и языковой идентичности, а также как часть обучения основам безопасности жизнедеятельности и действиям в чрезвычайных ситуациях. Созданы цифровые технологии для перевода текстов на ПЯЯ, силами инициативных групп проводятся научные исследования, выпускается учебная литература.

Ключевые слова

«простой японский язык», мультикультурное общество, идентичность, *Easy Japanese*

Для цитирования

Фролова Е. Л. На пути к мультикультурализму в Японии – популяризация «простого японского языка» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение. С. 66–77. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-66-77

On the Way to Multiculturalism in Japan – Popularization of “Plain Japanese Language”

E. L. Frolova

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Modern Japan is resolutely turning towards creating a full-fledged multicultural society. Becoming aware of the de-population crisis, many municipalities are actively working to attract foreigners. In combination with other measures of the Japanese government, teaching Japanese to foreigners of all levels ensures mutual understanding.

The concept of “Plain Japanese” (PJL) implies the use of a simplified language with limited vocabulary and a set of elementary grammar. “Plain Japanese” was created as a means of providing information to foreigners, firstly for emergency situations, and secondly for everyday life. The scope of application of “Plain Japanese” over the past 25 years has expanded considerably. The leading role in the study of “Plain Japanese” belongs to the research team of Professor Iori Isao from Hitotsubashi University (Pref. Tokyo). Prof. Iori believes that “Plain Japanese” can perform the following key functions: 1. “Plain Japanese” as a state guarantee of “compensatory education”. Children of foreigners who grew up in Japan should also be able to socialize unhindered. “Plain Japanese” is suitable for this purpose as well as possible. 2. “Plain Japanese” as a language of communication in regional communities. In order for “Plain

© Ван Пэн, 2019

ISSN 1818-7919
Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies

Japanese” to successfully perform the role of an intermediary language, not only foreigners should speak and study it, but also the Japanese who work with foreigners. 3. “Plain Japanese” as the initial level of the Japanese language across all regions. These are schools and Japanese courses for foreigners. To teach the initial level of the Japanese language in a very short time, it is necessary to considerably cut down the grammatical and lexical minimum compared to, for example, the school course of the Japanese language. At present, digital technologies have been created for translating texts to the European Congregation Campaign, research groups are being conducted, and educational literature is being produced by initiative groups.

Keywords

plain Japanese language, multicultural society, identity, Easy Japanese

For citation

Frolova E. L. On the Way to Multiculturalism in Japan – Popularization of “Plain Japanese Language”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies, p. 66–77. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-66-77

В июне 2018 г. правительство Японии под нажимом финансовых и промышленных кругов приняло решение кардинально изменить иммиграционную политику. Был утвержден план приема большого количества иностранцев, главным образом в качестве гастарбайтеров, чтобы компенсировать угрожающую нехватку рабочей силы в стареющем обществе Японии. Визовые требования упростили для секторов экономики, которые испытывают жесткий дефицит рабочей силы: уход за больными, сельское хозяйство, строительство и транспорт. В течение ближайших пяти лет государство планирует принять около 347 тысяч новых работников. Внесенные в местное законодательство поправки вступили в силу в апреле 2019 г.¹

В 2018 г. в Японии насчитывалось 1,28 млн иностранных работников, приехавших по контрактам на различные сроки, а всего в стране официально зарегистрировано более 2,5 млн иностранцев, и эта цифра продолжает расти. Работники в основном приезжают из азиатских стран: Вьетнама, Непала, Китая, Южной Кореи, Шри Ланки, Таиланда и Индонезии. Предполагается, что рабочие будут приезжать на ограниченный срок (до пяти лет), но в реальности не все вернутся на родину². Многие останутся в Японии, привезут свои семьи, и тогда встанут проблемы обучения детей мигрантов, социального и пенсионного обеспечения их семей.

Однако и до настоящего времени японское общество было не столь этнически однородным, как это принято считать. На протяжении XX в. помимо этнических японцев в стране проживали натурализованные иммигранты *дзайнити* (этнические корейцы и китайцы); с конца 1980-х гг. к ним добавились различные категории *никкэй* (японцев во втором и третьем поколениях, которые родились и жили за рубежом, а затем вернулись в Японию), а также их дети; дети от смешанных браков (*хафу*) и собственно иностранцы, различными путями оказавшиеся в Японии.

Еще один источник пополнения количества иностранцев в Японии – это иностранные студенты. За последние десять лет правительство поставило цель принять 300 тысяч иностранных студентов. Изначальный замысел состоял в том, чтобы сделать Японию более открытой страной, способствовать культурному обмену, создав обстановку, которая привлечёт иностранных туристов. Японское правительство рассчитывает на то, что студенты на время обучения станут частью рабочей силы. Действительно, значительная часть иностранных студентов заняты на какой-либо работе (чаще на неполный рабочий день) во время обучения

¹ Япония открывает границы для гастарбайтеров // Рос. газета. URL: <https://rg.ru/2019/05/09/iaponia-otkryvaet-granicy-dlia-gastarbajterov.html> (дата обращения 01.06.2019)

² Окабэ Мидори. Япония открывает границы для трудовых мигрантов // Портал Nippon.com Современный взгляд на Японию. URL: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/a06001/> (дата публикации 20.12.2012, дата обращения 07.02.2019).

в Японии³. Небольшие компании часто пользуются лазейками в оформлении виз для иностранных студентов и других лиц по программам технической стажировки, чтобы нанимать рабочую силу.

И, наконец, японские власти планируют значительно увеличить поток въездного туризма. Магнитом для иностранных гостей призваны служить Летние Олимпийские игры-2020 в Токио. Цель правительства – увеличить число туристов до 40 млн человек к 2020 г.⁴ К началу Олимпиады в Токио будет создана система мультязычных вывесок и обозначений, сеть интернационально понятных указателей. После Олимпиады создание «дружелюбной для иностранцев» среды продолжится в крупных городах и на туристических объектах. Современная Япония решительно поворачивается в сторону создания полноценного мультикультурного общества.

Японцы и иностранные языки. Иностранцы и японский язык

Согласно теории *нихондзинрон*⁵, японцы объявляются лингвистически однородной нацией, свыше полутора тысячелетий говорящей на одном и том же языке. Утверждается, что японский язык обладает особой «душой», некой духовной сущностью, что отличает его от всех других языков. Приверженцы этой теории полагают, что совершенно обычные японские слова нагружены тонкими нюансами, которые могут понять только японцы, так что попытки иностранцев выучить язык или сделать хороший перевод с японского языка обречены на провал.

Взгляд на японский язык как на уникальный и непостижимый феномен остается популярным даже в наши дни, спустя много лет после того, как в 1970-х гг. Японский Фонд⁶ начал содействовать изучению японского языка и культуры Японии за рубежом. Всего лишь десятилетие спустя зазвучали призывы придать японскому языку статус международного, ввести его в пул языков ООН, чтобы превратить Японию в великую державу [Внешняя политика Японии, 2008. С. 289]. Благодаря усилиям Японского Фонда и программе Cool Japan сейчас в мире японский язык изучают более 3 млн 650 тыс. человек из 137 стран и регионов⁷.

С другой стороны, японцы изучают иностранные языки, в подавляющем большинстве это английский язык. Обучение длится шесть лет в средней и старшей школе, затем многие продолжают изучать иностранные языки в университетах. Но самое первое, что отмечают иностранцы – японцы в массе своей не говорят по-английски. Причин тому может быть несколько – отсутствие разговорной практики, консервативная методика преподавания, позднее начало обучения (с 12 лет), этнопсихологические особенности нации и др.

Чиновники, которые несут ответственность за принятие иностранцев и обеспечение их жизнедеятельности, также не владеют английским либо другим иностранным языком в необходимой степени. Кроме того, многие иностранцы приезжают из стран Азии или Латинской Америки и не владеют английским языком. Но для того, чтобы соблюдать все принятые в Японии правила, необходимо эти правила понимать. Поэтому решение было найдено – если японцы не говорят на иностранных языках, то говорить по-японски должны иностранцы.

Правительство Японии постановило, что рабочие-мигранты для получения визы в Японию сроком до пяти лет должны сдавать экзамены на знание базового японского языка

³ Языковые школы в Токио: краткий обзор // Портал Nippon.com Современный взгляд на Японию. URL: <https://www.nippon.com/ru/features/h10023/> (дата обращения 07.02.2019).

⁴ Bureau of Tokyo 2020 Olympic and Paralympic Games Preparation. URL: <https://www.2020games.metro.tokyo.jp/multilingual/references/easyjpn.html> (дата обращения 17.02.2019).

⁵ *Нихондзинрон* (日本人論) – букв. «теория о японцах», разновидность культурного национализма. Пик популярности исследований, призванных доказать уникальность японской нации, пришелся на 1960–1970-е гг.

⁶ Японский Фонд (国際交流基金 *Кокусай ко:рю: кикин*), Japan Foundation, основан в 1972 г.

⁷ Labo Japanese Language Institute // Labo International Exchange Foundation. URL: <http://www.labo-nihongo.com/wprs/introduction/> (дата обращения 07.02.2019).

и специальности. Было внесено предложение об установлении минимального уровня владения языком, который будет приблизительно соответствовать уровням N5 и N4 квалификационного экзамена на знание японского языка JLPT⁸. Нужно отметить, что это начальный уровень владения языком, который называют также «уровнем выживания». В настоящий момент в парламенте проходят дискуссии по этому вопросу.

«Простой японский язык». Информация для иностранцев

В результате разрушительного землетрясения Хансин-Авадзи в 1995 г. пострадали не только японцы, но и многие иностранцы. Трагедия показала, что, не понимая в достаточной мере ни японский, ни английский языки, иностранные граждане не могли получить необходимую информацию: куда бежать, где найти укрытие, как восстановить документы и пр. Принимая во внимание, что в чрезвычайной ситуации срочно сделать объявления на разных иностранных языках не представляется реалистичным из-за ограниченности людских ресурсов, группа ученых из лаборатории социолингвистики университета Хиросаки (преф. Аомори) пришла к выводу, что намного эффективнее будет дать информацию на максимально упрощенном японском языке, который поймут даже иностранцы с элементарным уровнем владения языком.

Теория «простого японского языка»⁹ (далее ПЯЯ) была предложена профессором социолингвистики Сато Кадзуюки как средство предоставления информации иностранцам не только во время катастроф, но и в обычной жизни. «Простой японский» является упрощенным языком, в котором используется ограниченный словарный запас и элементарная грамматика. Благодаря лингвистическим ограничениям иностранцам легче понять предложение или текст на ПЯЯ, чем на обычном японском языке.

Ниже следуют основные положения теории профессора Сато.

1. Предложения должны быть короткими.
2. Избегать грамматической конструкции двойного отрицания.
3. Не использовать многозначные и двусмысленные слова и грамматические конструкции.
4. Не использовать заимствованные слова 外来語 *gaiрайго*.
5. Сложные китаизмы необходимо заменить на слова японского происхождения, например, 「避難」 *хинан* «укрыться (в убежище)» на 「逃げてください」 *нигэтэ кудасай* «бегите».
6. Отказаться от сокращенных слов, стяжений, ономатопоэтических слов, образных выражений, т. е. практически от всего, что выходит за уровень начального освоения японского языка¹⁰.

Например, сравним два текста на японском языке.

Текст А

けさ7時21分頃、東北地方を中心に広い範囲で強い地震がありました。
 大きな地震のあとには必ず余震があります。
 引き続き厳重に注意してください。
 皆さんおちついて行動をお願いします。
 ガス臭いようなところがありましたらマッチを擦ったり、
 照明のスイッチをつけたり、消したり、ということはありません。
 弘前市は断水や停電となり、市民の生活は麻痺しています。
 中心部の雑居ビルが完全に崩れ落ちています。

⁸ JLPT – от англ. The Japanese Language Proficiency Test.

⁹ やさしい日本語 *yasashii nihongo*, англ. Easy Japanese (EJ).

¹⁰ Using Easy Japanese // Chiba City International Association. URL: <http://www.ccia-chiba.or.jp/index.php/yasashi-jp.html> (дата обращения 08.02.2019).

Перевод текста А

Сегодня утром в 7 часов 21 минуту на обширной территории региона Тохoku произошло сильное землетрясение. После сильного землетрясения обязательно будут повторные толчки. Пожалуйста, сохраняйте предельную бдительность. Просим всех сохранять спокойствие. Если почувствуете запах газа, просим вас не зажигать спички, не включать и не выключать свет. В городе Хиросаки отключена вода и электричество, жизнь граждан парализована. Торговые здания в центре полностью разрушены.

Текст В

今日 朝 7時21分 東北地方で 大きい 地震が ありました
 大きい 地震の 後には 余震<後から 来る 地震>が あります
 気をつけて ください
 火を 使わないで ください
 火事に 気をつけて ください
 弘前市は 水と 電気が 使えません
 地震で 倒れた 建物に 気をつけて ください

Перевод текста В

Сегодня утром в 7 часов 21 минуту в регионе Тохoku произошло большое землетрясение. После большого землетрясения будут повторные толчки (потом будут землетрясения). Будьте осторожны. Не используйте огонь. Берегитесь пожаров. В городе Хиросаки недоступна вода и электричество. Берегитесь упавших от землетрясения зданий.

Текст А транслировался по радио г. Хиросаки после землетрясения в регионе Тохoku в 2011 г.¹¹ Он содержит много информации, поданной с помощью привычных речевых штампов.

Текст В содержит меньше информации по сравнению с текстом А, но при прослушивании либо при чтении его содержание более понятно. Предложения сделаны короткими, сложные слова заменены на простые либо опущены, знаменательные слова разделены пробелами. Текст В, по мнению его составителей, является текстом на «простом японском языке»¹².

Популяризация ПЯЯ

В настоящее время ситуация с распространением «простого японского языка» выглядит довольно радужно. Он используется во всех префектурах Японии от о. Хоккайдо до о. Окинава, и сфера применения весьма широка: информация о стихийных бедствиях, странички на сайтах муниципалитетов и управлений префектур, информационные бюллетени для иностранцев и т. д. Основным генератором продвижения концепции «простого японского языка» является инициативная группа социолингвистической лаборатории университета Хиросаки (преф. Аомори).

На странице этой группы на сайте университета Хиросаки собран перечень программ и передач радио и телевидения, а также газетных и журнальных статей, посвященных ПЯЯ,

¹¹ 11 марта 2011 г. на северо-востоке Японии произошло землетрясение магнитудой около 9 баллов, которое получило официальное название «Великое землетрясение Восточной Японии».

¹² Гэнсай-но тамэ-но «ясасий нихонго» [減災のための「やさしい日本語」] Простой японский для уменьшения ущерба в чрезвычайных ситуациях // Сайт социолингвистической лаборатории ун-та Хиросаки. URL: <http://human.cc.hirosaki-u.ac.jp/kokugo/EJ1a.html> (дата обращения 07.02.2019).

которые выходили с мая 1999 г. по июнь 2018 г., далее информация не обновлялась¹³. В этом списке более 160 позиций. Из списка видно, что статьи на тему «простого японского языка» публиковали ведущие газеты (Asahi Shimbun, Mainichi Shimbun, Nihon Keizai Shimbun, The Japan Times) и множество региональных изданий, передачи в прайм-тайм выпускали телеканалы NHK, TV Asahi, FujiTV и др.

Цель концепции «простого японского языка» для иностранцев – это, в первую очередь, разъяснение основ жизнедеятельности и трансляция новостей. Достаточно быстро идею ПЯЯ подхватили и стали реализовывать на практике префектуральные власти. На том же сайте приведен список мероприятий (всего более 1 000), проведенных во всех префектурах. Рекорд по мероприятиям, связанным с ПЯЯ, принадлежит префектуре Осака. На июнь 2018 г. в ней зафиксировано 210 примеров использования «простого японского языка».

Приведем для примера ситуацию в преф. Аомори на севере о. Хонсю, где находится университет Хироаки и работает инициативная группа по продвижению концепции «простого японского языка». К настоящему времени в этой префектуре были приняты следующие меры: мэрия г. Хатиноэ выпустила «Руководство по предотвращению рисков стихийных бедствий для иностранцев (версия на ПЯЯ)», брошюру «Термины стихийных бедствий, которые нужно запомнить (версия на ПЯЯ)» и список центров эвакуации на ПЯЯ. Мэрия г. Хироаки добавила в региональный план предотвращения бедствий в городе раздел на ПЯЯ, установила эвакуационные указатели с использованием ПЯЯ, в план развития г. Хироаки добавила раздел на ПЯЯ. Ассоциация международных обменов преф. Аомори выпустила набор карточек «О стихийных бедствиях простым языком», цикл радиопередач «Я хочу рассказать на простом японском языке. Территория информации о жизни» (FM Apple Wave), создала образец «Голосового путеводителя на ПЯЯ» (FM Apple Wave), страницу «Давайте расскажем на простом японском», опубликовала версию на ПЯЯ для Вестника «Aomori international exchange tsushin» и т. д.¹⁴

В г. Фукуока на юге Японии, где количество постоянно проживающих иностранцев превышает 36000 человек из 140 стран и регионов, был издан путеводитель для иностранцев, написанный на ПЯЯ¹⁵. В путеводитель включен небольшой словарик сложной лексики и выражений, которые «сбивают с толку иностранцев». Это 75 слов, используемых во время стихийных бедствий, и 40 слов для повседневной жизни. Более того, город подписал соглашение с радиостанцией LOVE FM о вещании новостей на «простом японском языке». В общественных центрах г. Фукуока проводится специальное обучение персонала основам общения с иностранцами.

Мэрия г. Июкогама регулярно переиздает пособие «Говорим на простом японском», в котором рассматриваются основные теоретические и практические аспекты коммуникации на «простом японском языке» (рис. 1).

Газета Nishi Nippon Shimbun¹⁶ выпустила приложение для иностранцев, которые проживают на о. Кюсю, под названием Easy West Japan. С целью максимально широкого охвата читательской аудитории новостной блок и некоторые материалы «большой» газеты переводятся на ПЯЯ. При формировании контента используется система автоматического перевода AI¹⁷, созданная на базе технологий Alpha Third Corporation. Кроме того, газета сотрудничает с учителями японского языка и волонтерами, которые прямо на вебсайте газеты размещают свои переводы материалов на «простой японский язык».

¹³ Сайт социолингвистической лаборатории ун-та Хироаки. URL: <http://human.cc.hirosaki-u.ac.jp/kokugo/EJ8syakaitekihyouka2.html> (дата обращения 07.02.2019).

¹⁴ Сайт социолингвистической лаборатории ун-та Хироаки. URL: <http://human.cc.hirosaki-u.ac.jp/kokugo/EJ8syakaitekihyouka.tihoubetu.html> (дата обращения 07.02.2019).

¹⁵ Источник: Син имин дзидай 「新移民時代」. Новая эра иммиграции // Nishi Nippon Shimbun. URL: https://www.nishinippon.co.jp/special/new_immigration_age/ (дата обращения 08.02.2019).

¹⁶ Издается в г. Фукуока (о. Кюсю), суммарный тираж утреннего и вечернего выпуска превышает 800 000 экземпляров. Адрес сайта газеты: <http://c.nishinippon.co.jp/>.

¹⁷ От англ. *Artificial Intelligence*.

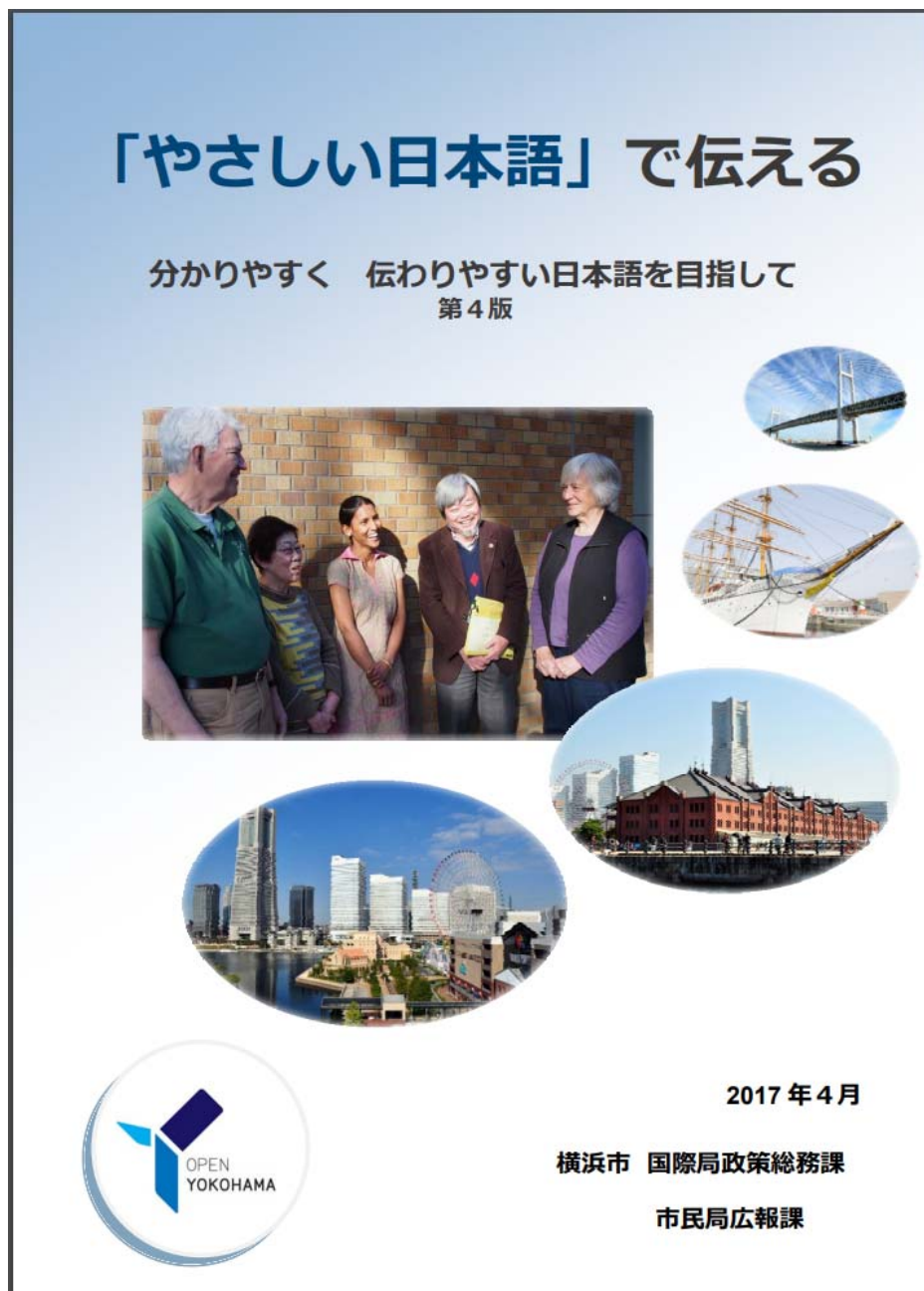

Рис. 1. Обложка 4-го выпуска пособия «Говорим на простом японском.

Стремимся говорить понятно и доходчиво». Разработчики: Отдел международной политики и Городской информационный отдел г. Иокогама, апрель 2017 г.

Fig. 1. Cover of the 4th issue of the manual “Speak plain Japanese. Strive to speak clearly and intelligibly”.
Developers: International Politics Division and Yokohama City Information Department, April 2017

Приблизительно схожий набор мероприятий осуществляется по всем 47 префектурам Японии силами местных властей и инициативных групп. Что касается участия правительства Японии в популяризации и распространении ПЯЯ, то в марте 2018 г. Агентство по борьбе с пожарами и стихийными бедствиями Министерства внутренних дел и коммуникаций Японии объявило, что, учитывая присутствие большого количества иностранных гостей и людей

с ограниченными возможностями на Олимпийских и Паралимпийских играх в Токио, оно намерено использовать «простой японский язык» в объявлениях о чрезвычайных ситуациях и руководствах по эвакуации¹⁸.

Таким образом, муниципалитеты и различные организации по всей стране используют информационные журналы и руководства по предотвращению стихийных бедствий для иностранцев, написанные на «простом японском языке». С ними сотрудничают теле- и радиовещательные компании, которые также предоставляют информацию на простом японском языке.

Технологии создания текстов на ПЯЯ

Благодаря простоте для понимания «простой японский язык» широко используется на вебсайтах государственных учреждений, в разъясняющих инструкциях, листовках и объявлениях. Проблема в том, что составление предложений на ПЯЯ требует обучения, потому что носитель языка иногда не представляет себе, какие слова или фразы трудно понять иностранцам. Чтобы упростить задачу составителям «простых» текстов, некоторые компании предлагают программное обеспечение, которое помогает составлять тексты на ПЯЯ без специальных лингвистических знаний.

Например, группа Нагано Такэси и Ито Акинори из университета Тохоку разработала программу YANSIS¹⁹. Программа анализирует введенный в специальное окно текст и выделяет слова или предложения, которые могут быть непонятны для иностранца. При наведении курсора программа может подсказать, как нужно переписать предложение. Исправив все выделенные места в тексте, можно получить текст на «хорошем ПЯЯ». YANSIS работает на любых платформах, в том числе на Android и iOS²⁰.

Программа Yasanichi способна проверять текст на соответствие критериям «простого японского», подобно тому, как программа «Антиплагиат» проверяет на наличие текстовых заимствований²¹.

Сайт Reading Tutor предлагает функцию оценки уровня текста по шкале JLPT, функцию словаря с переводом отдельных слов (не текста целиком) на английский, немецкий, французский, словенский языки и на ПЯЯ. Требуется просто ввести текст в поле на экране и выбрать необходимый инструмент²².

Вебсайт NEWS WEB EASY (принадлежит корпорации NHK) с апреля 2012 г.²³ транслирует новости на ПЯЯ. Все иероглифы снабжены подписанными чтениями, к некоторым словам привязаны поясняющие ссылки. Новости NEWS WEB EASY, как поясняется на сайте, рассчитаны на японских учащихся начальной и средней школы и иностранцев, проживающих в Японии. Новости начитаны диктором в среднем темпе, есть возможность поставить запись на паузу, прослушать несколько раз, сравнить облегченный вариант с оригинальным видеороликом, что очень полезно для обучения²⁴.

Что касается различных онлайн-переводчиков, в том числе Google Translate²⁵, они умеют переводить в том числе на ПЯЯ, поскольку однажды добавленные пользователями варианты перевода на простой японский язык остаются в базе значений и используются в дальнейшем.

¹⁸ Bureau of Tokyo 2020 Olympic and Paralympic Games Preparation. URL: <https://www.2020games.metro.tokyo.jp/multilingual/references/easyjpn.html> (дата обращения 28.01.2019).

¹⁹ Сокращение от やんしす янсису – *Yashii Nihongo sakusei Slen System*, «Система поддержки создания текстов на простом японском языке».

²⁰ Страничка лаборатории Ито Акинори на сайте университета Тохоку. URL: <http://www.spcom.ecei.tohoku.ac.jp/~aito/YANSIS/> (дата обращения 14.02.2019).

²¹ Страничка исследовательской группы под руководством Иори Исао. URL: <http://www.4414uj.sakura.ne.jp/Yasanichi1/nsindan/> (дата обращения 08.01.2019).

²² Reading Tutor Home Page. URL: <http://language.tiu.ac.jp/> (дата обращения 08.01.2019).

²³ С мая 2012 г. был запущен в тестовом режиме.

²⁴ Сайт корпорации NHK. URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/easy/> (дата обращения 28.01.2019).

²⁵ Google Translate. URL: <https://translate.google.ru/?hl=ru> (дата обращения 08.01.2019).

Научные исследования о ПЯЯ

Ведущая роль в изучении ПЯЯ в настоящее время принадлежит исследовательской группе профессора Иори Исао из Университета Хитоцубаси (преф. Токио). С 2010 г. группа провела более 100 лекций и семинаров, популяризируя концепцию ПЯЯ. Профессор И. Иори считает, что «простой японский язык» может выполнять следующие основные функции.

1. ПЯЯ как государственная гарантия «компенсационного образования» (начального обучения японскому языку). В нынешней ситуации, когда японское общество не многоязычно, иностранцам должна быть гарантирована возможность самореализации путем получения элементарных знаний японского языка. Дети иностранцев, которые выросли в Японии, также должны иметь возможность беспрепятственной социализации. «Простой японский» подходит для этой цели как нельзя лучше. В идеале параллельно с системой «компенсационного образования» Япония будет создавать общество, которое поддерживает мультиязычность.

2. ПЯЯ как язык общения в региональных сообществах. «Простой японский» призван обеспечить успешную коммуникацию оседлых иностранцев и местных жителей (японцев). Теоретически роль языка-посредника могли бы исполнять английский язык либо обычный японский язык. Однако английский не является понятным языком ни для местных жителей, ни для многих иностранцев из стран Азии. Обычный японский слишком сложен для иностранцев. ПЯЯ подходит на эту роль лучше всего, поскольку иностранцы, которые немного понимают по-японски, составляют большинство. Правда, чтобы ПЯЯ успешно исполнял роль языка-посредника, на нем должны говорить и изучать его не только иностранцы, но и японцы, хотя бы те, чья работа предполагает контакты с иностранцами. Если у иностранца возникли проблемы и он приходит на консультацию в соответствующие инстанции, он должен гарантированно получить помощь.

Это означает, что чиновник – носитель японского языка – должен разговаривать и писать, фактически делая перевод с японского на японский. Поэтому ответственные лица должны обладать определенной квалификацией, посещать специальные курсы и тренинги, чтобы выучить, какие именно слова и грамматика относятся к ПЯЯ. Из-за этих сложностей нет гарантий, что ПЯЯ станет языком-посредником региональных сообществ.

3. ПЯЯ как начальный уровень японского языка в регионах. Речь идет о школах и курсах японского языка для иностранцев. Чтобы преподавать начальный уровень японского языка в значительно сжатые сроки, необходимо сильно урезать грамматический и лексический минимум по сравнению, например, со школьным курсом японского языка [Иори, 2013. С. 35–156]²⁶. Подобная концепция реализована, например, в учебниках японского языка для начинающих под редакцией проф. И. Иори (рис. 2, 3).

Важным моментом при переводе на ПЯЯ официальных документов является смелое сокращение информации и оставление только необходимой информации, изложенной в понятной форме. Немаловажно, что навык правильной передачи информации с помощью письменного языка также важен для носителей языка. В конечном итоге, на министерском уровне рассматривается включение теории ПЯЯ в программу образования для младших, средних и старших классов японских школ²⁷.

Сложности, которые стоят перед разработчиками программ обучения ПЯЯ – это, прежде всего, дизайн курса. Нельзя просто взять и сократить существующий курс начального уровня японского языка для иностранцев, поскольку в сжатые сроки необходимо решить задачи овладения всеми четырьмя навыками (аудирование / чтение / письмо / говорение). Кроме того, нужно продумать, как не застрять в соблазнительном мире «понятного японского» и перейти на следующий уровень обучения. Критику вызывает также порядок обучения – вначале идет

²⁶ Этот минимум представлен в учебном пособии «Японский язык – только это» под редакцией Иори Исао [Нихонго ва корэ дакэ, 2010; 2011].

²⁷ Иори Исао. Исследования по «простому японскому языку»: сегодняшнее состояние и проблемы будущего [庵功雄。「やさしい日本語」研究の現状と今後の課題] // Hitotsubashi University Repository. № 2. 2014. С. 1–12. URL: <http://hdl.handle.net/10086/27981> (дата обращения 14.02.2019).

обучение простому, но все же искусственному японскому языку, и переход затем к естественному японскому языку создает дополнительную нагрузку на учащихся.

Рис. 2. Обложка учебника «Нихонго ва корэ дакэ! 1» (Японский язык – только это! Т. 1) / Под ред. Иори Исао. Токио: Коко сьуппан, 2010. 96 с. (на яп. яз.)

Fig. 2. Cover of the Textbook «Nihongo wa kore dake! 1» (Japanese is just that! Vol. 1) / Ed. by Iori Isao. Tokyo: Koko Shuppan, 2010. 96 p. (in Jap.)

Рис. 3. Обложка учебника «Нихонго ва корэ дакэ! 2» (Японский язык – только это! Т. 2) / Под ред. Иори Исао. Токио: Коко сьуппан, 2011. 106 с. (на яп. яз.)

Fig. 3. Cover of the Textbook «Nihongo wa kore dake! 2» (Japanese is just that! T. 2) / Ed. by Iori Isao. Tokyo: Koko Shuppan, 2011. 106 p. (in Jap.)

В последнее время ведутся исследования по другим очень важным и перспективным аспектам использования ПЯЯ: обучение и коммуникация для глухих, слабослышащих и умственно неполноценных лиц. Специальную подготовку могут проходить семьи, в которых есть данные категории людей, а также персонал клиник и специализированных центров.

Как будет меняться японский язык?

Как мы видим, сфера применения ПЯЯ за последние 25 лет постоянно расширяется. «Простой японский» в 2002 г. появился в учебниках английского языка для учащихся старших классов средней школы под названием «Easy Japanese», а с 2012 г. и в учебниках японского языка для второклассников младших классов средней школы. Основы концепции ПЯЯ были предложены в качестве учебного материала для рассмотрения мультикультурного симбиоза и языковой идентичности, а также как часть обучения основам безопасности жизнедеятельности и действиям в чрезвычайных ситуациях. Первые учащиеся младших классов средней школы, которые познакомились с «простым японским», сейчас уже стали студентами.

Страна взяла курс на создание мультикультурного общества, и многие муниципалитеты, осознавая кризис депопуляции, активно работают над привлечением иностранцев. Преподавание японского языка иностранцам на всех уровнях в сочетании с другими мерами японского правительства способствует углублению взаимопонимания. В итоге повсеместное распространение «простого японского» дает возможность контролировать многообразие и упрощает задачу государственного управления.

Япония – не единственная страна, предложившая концепцию упрощенного варианта языка. Возможно, профессор Сато опирался на опыт Великобритании, где с 1979 г. активно действует Plain English Campaign (ПЕС). Компания ПЕС в 1990 г. создала «печать одобрения» Crystal Mark, который присваивается документам, максимально понятным для предполагаемой аудитории, и премию Golden Bull Award за «худшие примеры письменного изнасилования», например, за использование фраз вроде «вероятность осадков» вместо «возможен дождь» [A Plain English Handbook, 1998]. Широкое распространение Plain English, также как и ПЯЯ, связано с требованиями безопасности и началось после взрывов в Лондоне в 2005 г.

Как видно на примере английского языка, повсеместное его распространение неминуемо ведет к упрощению языка: выпадению сложных грамматических конструкций и обеднению лексики. Соответственно, если японский язык будет претендовать на роль языка международного общения, его неминуемо ждет та же участь. «Надводная» часть языка, т. е. язык, которым будут пользоваться люди в повседневном общении и СМИ, все больше будет стремиться к «простому японскому». Но упрощение в одной области ведет за собой усложнения в другой. Можно прогнозировать, что сокращение лексического корпуса ПЯЯ повлечет за собой компенсационные заимствования из иностранных языков, и доля *гайрайго* в ПЯЯ будет увеличиваться. Не исключено, что будет развиваться многозначность как самостоятельных, так и служебных частей речи.

На настоящий момент сферы использования ПЯЯ и обычного японского языка четко разграничены. ПЯЯ используется преимущественно для трансляции информации и коммуникации иностранцев, проживающих в стране и не владеющих в должной мере японским языком. Однако заметна сильная тенденция к расширению сферы употребления ПЯЯ. Возникает ощущение, что ПЯЯ является очень удобным средством для японцев не преодолевать сложности и не разговаривать с иностранцами по-английски.

С другой стороны, теория *нихондзинрон* до сих пор имеет сильное влияние в японском обществе, и в соответствии с ней японский язык считается уникальным, не имеющим родственных языков. Может быть, создание удобного «простого языка» – это способ защитить свой исконный, практически сакральный язык от иностранцев? С этой точки зрения, создание ситуации «двуязычия» в стране может помочь предотвратить, или, по крайней мере, затормозить изменения в японском языке и избежать потери национальных традиций.

Список литературы

Внешняя политика Японии. История и современность / Под ред. К. Г. Виноградова. М.: Вост. лит., 2008. 317 с.

- Иори Исао.** «Ясасий нихонго» ва нани-о мэдзасу ка: табунка кё:сэйсякай-о дзицугэн суру тамэ-ни [庵功雄。やさしい日本語は何を目指すか: 多文化共生社会を実現するために]. Для чего нам «простой японский язык»: для построения мультикультурного общества. Токио: Коко сьуппан, 2013. 352 с. (на яп. яз.)
- Нихонго ва корэ дакэ! 1 [にほんごこれだけ! 1]. Японский язык – только это! / Под ред. Иори Исао. Токио: Коко сьуппан, 2010. Т. 1. 96 с. (на яп. яз.)
- Нихонго ва корэ дакэ! 2 [にほんごこれだけ! 2]. Японский язык – только это! / Под ред. Иори Исао. Токио: Коко сьуппан, 2011. Т. 2. 106 с. (на яп. яз.)
- A Plain English Handbook. How to create clear SEC disclosure documents / By the Office of Investor Education and Assistance. U.S. Securities and Exchange Commission, N.W. Washington DC, 1998, 83 p.

References

- Japan's foreign policy. History and Modernity. Ed. by K. G. Vinogradov. Moscow, Vostochnaya literatura, 2008, 317 p. (in Russ.)
- Iori Isao.** “Yasashii nihongo” wa nani-wo mezasu ka: tabunka kyouseishakai-wo jitsugen suru tame-ni [“Simple Japanese language”: to build a multicultural society]. Tokyo, Koko Shuppan, 2013, 352 p. (in Jap.)
- Nihongo wa Kore dake! 1 [Japanese is just that!]. Ed. by Iori Isao. Tokyo, Koko Shuppan, 2010, vol. 1, 96 p. (in Jap.)
- Nihongo wa Kore dake! 2 [Japanese is just that!]. Ed. by Iori Isao. Tokyo, Koko Shuppan, 2011, vol. 2, 106 p. (in Jap.)
- A Plain English Handbook. How to create clear SEC disclosure documents / By the Office of Investor Education and Assistance. U.S. Securities and Exchange Commission, N.W. Washington DC, 1998, 83 p.

*Материал поступил в редколлегию
Received
07.06.2019*

Сведения об авторе

Фролова Евгения Львовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Гуманитарного института НГУ (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
orient@lab.nsu.ru

Information about the Author

Evgenia L. Frolova, Candidate of History, Associate Professor, Department of Oriental Studies, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
orient@lab.nsu.ru

УДК 811.521'36
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-78-88

Сложные глаголы со значением реципрок-социатив в современном японском языке

Н. В. Кутафьева

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Аннотация

В данной работе автор продолжает исследовать категорию количества и способы ее выражения в японском языке на примере сложных глаголов со значением реципрок (взаимное действие) – социатив (совместное действие). В качестве второго компонента сложного глагола в функции аффикса используются компоненты 合う -*au* и 合わせる -*awaseru*. Глаголы со значением реципрок с компонентом 合う -*au* выражают субъектный реципрок и предполагают наличие двух участников действия. Глаголы со значением социатив с компонентом 合う -*au* могут выражать неопределенную множественность субъектов действия, что достигается за счет комплексного использования в предложении наречий или соответствующей лексики в функции подлежащего. Второй компонент 合わせる -*awaseru* в сложном глаголе частично сохраняет лексическое значение, и сложный глагол в целом, выражая объектный реципрок, обозначает количество субъектов или объектов.

Ключевые слова

японский язык, сложный глагол, количество, реципрок (взаимное действие), социатив (совместное действие)

Для цитирования

Кутафьева Н. В. Сложные глаголы со значением реципрок-социатив в современном японском языке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение. С. 78–88. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-78-88

Compound Verbs with Meaning of Reciprocal and Joint Action in Modern Japanese Language

N. V. Kutafeva

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This article analyzes compound verbs of modern Japanese language belonging to the reciprocal and joint action group expressing quantitative meaning. It also discusses the term ‘compound verb’ and its understanding in Russian and foreign linguistics. The compound verb is a verb in which from the left side a nominal, verbal or adjective component may be added to a verb functioning as a second component of the compound verb, from the right side – the auxiliary verb *suru* ‘to do’. We suppose that the compound verb is a verb combining two verbal components. The first component has the form of a connective form of the verb, and the second one is a verb having a full word inflectional paradigm.

Components 合う -*au* and 合わせる -*awaseru* are used as affixes in analyzed compound verbs.

Compound verbs with reciprocal meaning with component 合う -*au* express subjective reciprocal meaning and suppose existence of two participants of action.

Compound verbs with joint action meaning with component 合う -*au* can express an indefinite quantity of subjects of action with the help of using adverbs or the appropriate lexicon as the subject of a sentence.

© Н. В. Кутафьева, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies

The second component 合あ *-au* easily adjoins to the verbs implying existence of a partner and doesn't join to verbs which have a strong meaning of individuality and separateness.

The second component 合わせる *-awaseru* partially keeps its own lexical meaning and the compound verb overall has an objective reciprocal meaning and expresses the quantity of subjects or objects.

Compound verbs with component 合わせる *-awaseru* have the following meanings:

1. Combination of two subjects or two items. In this group as a first component the verbs with meaning 'joint, adding' and verbs with meaning 'sudden joint action of partners' are often used.
2. Adding one subject to another, one item to another. Compound verb overall expresses meaning of the result of action.
3. Adaptation to some circumstances, comparison. Conclusion is made based on the comparison of some items.

Keywords

Japanese language, compound verbs, quantity, reciprocal meaning, joint action meaning

For citation

Kutafeva N. V. Compound Verbs with Meaning of Reciprocal and Joint Action in Modern Japanese Language. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies, p. 78–88. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-78-88

Введение

В представленной работе мы продолжаем исследовать категорию количества и способы ее выражения в японском языке. Ранее мы провели анализ наречий и редуцированных частей речи, а также рассмотрели историю развития категории количества в японском языке¹. В данной работе мы изучаем категорию количества на примере сложных глаголов.

В японском языке используется около 3 тысяч сложных глаголов, с помощью которых передаются различные семантические оттенки, например, 浮かれ歩く *укарэаруку* «идти в приподнятом настроении», 泣き落とす *накиотосу* «добиться чего-либо с помощью слов, выплакать». Процесс их создания является открытым, ими активно пользуются говорящие на японском языке. Подобное явление не ограничивается японским языком, сложные глаголы существуют в корейском, китайском, тайском, английском, хинди-урду, персидском и современном греческом языках.

История изучения и определение сложных глаголов

Российские лингвисты занимаются анализом понятия и семантики сложных глаголов [Пашковский, 1980; Алпатов, 2005]; рассмотрением смысловых структур сложного глагола в сравнении со смысловыми структурами этих же глаголов в свободном употреблении [Басс, 1973]; исследованием имплицитного выражения количества с помощью сложных глаголов [Кутафьева, 2012]; составлением обзора исследований сложных глаголов, проведенных японскими исследователями [Чиронов, 2012].

Японские и американские лингвисты занимаются составлением структурной классификации сложных глаголов [Kageyama, 1999; Акимото, 2002; Морита, 2008]; анализом отличительных особенностей лексических и синтаксических сложных глаголов [Tagashira and Hoff, 1986; Matsumoto, 1996; Martin, 1998]; изучением формализации значений первого и второго компонента в составе сложного глагола [Matsumoto, 1996; Исии, 2007]; исследованием семантических отношений между компонентами [Химэно, 1982; Nishiyama, 2008].

Кроме того, в работах русских и зарубежных лингвистов прослеживается различное понимание термина «сложный глагол» (compound verb, 複合動詞 *фукуго: до:си*), поэтому далее рассмотрим его содержание.

¹ Кутафьева Н. В. Категория количества в японском языке: наречия и наречные выражения // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 14, № 10. С. 147–154; Кутафьева Н. В. Способы выражения категории количества: редупликация (на материале японского языка) // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 188–197; Кутафьева Н. В. Категория количества в диахронном аспекте в китайском и японском языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 4. С. 147–154.

В русской лингвистике А. А. Пашковский под сложным глаголом понимает сочетание формы соединительного деепричастия V-i + глагол, при этом второй глагол имеет полную словоизменительную парадигму [Пашковский, 1980. С. 16].

По данным Ёсиюки Морита, в японском языке имеется около двух тысяч сложных глаголов, построенных по модели V1 + V2 [Морита, 2008. С. 39].

В работах зарубежных исследователей наблюдается более широкое понимание сложных глаголов. К глаголу, выступающему в качестве второго компонента сложного глагола, слева может присоединяться именной, глагольный или адъективный компонент, справа – служебный глагол *する* *суру* «делать», например,

1. N + V: 裏返す *уракаэсу* «досл. изнанка + выворачивать → выворачивать наизнанку, перелицовывать».

2. V1 + V2: 泣き暮らす *накикурасу* «досл. плача + жить → проводить свои дни в слезах».

3. ADJ + V: 遠退く *то:ноку* «досл. далекий + уходить → отдаляться, отходить, уходить».

4. ADV + V *суру*: がたがたする *гатагатасуру* «досл. стук, дребезг + делать → стучать, дребезжать, тарыхтеть» [Акимото, 2002. С. 89].

В национальном институте японского языка и лингвистики (NINJAL) существует проект по изучению сложных глаголов, возглавляемый Таго Кэгеяма. Участники проекта разделили сложные глаголы на 4 группы со следующими характерными признаками.

- Первая – каждый из компонентов сохраняет свое собственное значение и глагольное управление.

- Вторая – второй компонент утрачивает собственное лексическое значение и глагольное управление, а первый компонент сохраняет их.

- Третья – первый компонент имеет ослабленное лексическое значение и используется как префикс, а второй компонент сохраняет лексическое значение и глагольное управление.

- Четвертая – происходит полная лексикализация и глагол не рассматривается как состоящий из двух компонентов [Compound Verb Lexicon]².

В данной работе нас интересуют сложные глаголы второй группы.

Под сложным глаголом мы понимаем глагол, построенный по модели деепричастие V-i + глагол, компоненты которого выполняют различные функции. Второй компонент служит в функции аффикса, выражает основные глагольные категории, такие как время, отрицание, наклонение и вид, и вносит оттенки в семантику сложного глагола, тогда как первый компонент выражает основную семантику сложного глагола и определяет его валентность.

Материалы и методы

В работе мы использовали описательный, системно-классификационный и метод компонентного анализа, с помощью которых мы обобщили результаты предшествующих исследований, провели анализ и классификацию материала и выполнили перевод сложных глаголов.

Несмотря на наличие исследований, посвященных изучению сложных глаголов, единый список глаголов отсутствует, что связано с различным пониманием сущности данного явления, поэтому в качестве материала для анализа мы использовали сложные глаголы, приведенные в следующих источниках: Большой японско-русский словарь под редакцией Н. И. Конрада [БЯРС, 1970], Японско-русский словарь издательства Кэнкюся [ЯРС, 2000], список сложных глаголов, опубликованный в работах Masahiko Ishii [Ishii, 2007] и Compound Verb Lexicon³. Сплошной выборкой было отобрано 570 сложных глаголов, являющихся объектом анализа, 500 с компонентом 合う *-ау* и 70 с компонентом 合わせる *-авасэру*.

Источник использования сложных глаголов в предложении указан в круглых скобках после приведенного примера.

² <https://db4.ninjal.ac.jp/vvlexicon/en/> (дата обращения 01.08.2019).

³ <https://db4.ninjal.ac.jp/vvlexicon/en/> (дата обращения 01.08.2019).

Семантика количества

Исследование сложных глаголов мы, в первую очередь, связываем с семантикой количества. В предыдущих работах мы рассмотрели категорию количества как семантическую категорию и одновременно как группировку разноуровневых средств языка, выражающих ее, а также функционально-семантические составляющие данной категории⁴.

Мы выдвинули гипотезу о том, что второй компонент в составе сложного глагола может иметь следующую семантику:

- реципрок-социатив (合う *-au*, 合わせる *-авсэру*);
- объединение (集める *ацумэру* «собирать», 集まる *ацумару* «собираться», 重ねる *касанэру* «накладывать друг на друга», 組む *куму* «объединяться», 結ぶ *мусубу* «связывать, присоединяться», 揃う *сороу* «собираться полностью»);
- разъединение (裂く *саку* «колоть, раскалывать», 裂ける *сакэру* «рваться», 散らす *тирасу* «разбрасывать», 砕く *кудаку* «разбивать, толочь», 飛ばす *тобасу* «разбрасывать», 割る *вару* «делить, разделять», 破る *ябуру* «разбивать»);
- нахождение кого-то или чего-то в большом количестве (余る *амару* «иметься в чрезмерном количестве, すぎる *сугиру* «иметься в большом количестве»).

Сложные глаголы с указанными компонентами относятся к первой и второй группе в классификации, предложенной национальным институтом японского языка и лингвистики.

Следует также указать работы, посвященные анализу реципрока: анализ реципрокального и рефлексивного значений на материале языков различного типа⁵; анализ реципрока на материале японского языка с морфологической и синтаксической точек зрения [Холодович, 1979. С. 161–172]; анализ реципрокальных, социативных и компетитивных конструкций в японском языке [Alpatov, Nedyalkov, 2007. P. 1021–1094].

В. П. Недалков считает, что реципрок имеет три значения: рефлексивное (две семантические роли у каждого из двух участников), социативное (не менее двух участников участвуют в одной и той ситуации и выполняют одну и ту же семантическую роль) и итеративное (два и более участников выполняют несколько действий)⁶. В японском языке рефлексивное значение передается устойчивыми словосочетаниями, подразумевающими наличие первого лица, либо лицо выражается лексически в предложении. Итеративное значение при наличии двух аффиксов реципрока и итератива, вероятно, может быть выражено в составе синтаксически сложного глагола, но поскольку материал, связанный с этим значением, у нас отсутствует, в данной работе мы его не рассматриваем.

Цель данной работы – рассмотреть сложные глаголы с семантикой реципрок (взаимное действие) – социатив (совместное действие) с точки зрения выражения ими количественных значений.

Значение реципрок-социатив в сложных глаголах с компонентом 合う *-au*

Как известно, в японском языке отсутствует грамматическая категория числа, использование же глаголов со вторым компонентом 合う *-au* или 合わせる *-авсэру*, выражающим реципрок, позволяет обозначить некоторое количество участников, а именно не менее двух. К грамматическому способу выражения реципрока примыкает лексический способ, а именно

⁴ Кутафьева Н. В., Гаврилова М. И. Категория количества в свете представлений современной лингвистики и способы ее выражения в современном японском языке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 3, № 4. С. 123–129.

⁵ Недалков В. В. Заметки по типологии выражения реципрокального и рефлексивного значений (в аспекте полисемии реципрокальных показателей). URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A5/hrakovskij-v-s/40-let-sankt-peterburgskoj-tipologicheskoy-shkole/19> (дата обращения 01.08.2019).

⁶ Ibid.

используется наречие 互いに *тадаини* «взаимно, друг друга». Наречие может использоваться в сочетании с глаголом с компонентом или без компонента 合う *-ау*.

Рассмотрим далее сложные глаголы со вторым компонентом 合う *-ау*.

Второй компонент 合う *-ау* в сложном глаголе утрачивает собственное лексическое значение и используется в качестве аффикса. Предложения со сложным глаголом со вторым компонентом 合う *-ау* могут быть построены по следующим моделям, описывающим субъектный реципрок:

N1-*га* N2-*то* V-*ау*,

N1-*то* N2-*га* V-*ау*

N1(мн.ч.)-*га* V-*ау*.

Варианты глагольного управления сложных глаголов детально описаны в работах А. А. Холодовича [1979. С.164–165], В. М. Алпатова [Алпатов и др., 2008. С. 175], J. Hinds [1986. С. 124] и др.

Второй компонент 合う *-ау* легко присоединяется к глаголам, подразумевающим наличие партнера, например, 結婚する *кэконсуру* «жениться», 離婚する *риконсуру* «разводиться», 婚約する *конъякусуру* «заключать помолвку», 話す *ханасу* «разговаривать», 殺す *коросу* «убивать», и не присоединяется к глаголам, у которых сильно значение индивидуальности, отдельности, например, 生まれる *умарэру* «рождаться», 死ぬ *сину* «умирать», 見える *миэру* «виднеться» и др.

Сложные глаголы могут передавать семантику отношений (в качестве субъекта действия выступают люди) и физического соприкосновения (субъектом действия могут быть и неодушевленные предметы).

Глаголы со вторым компонентом 合う *-ау* могут выражать следующие значения.

I. Реципрок или взаимное действие двух субъектов, например,

1. Модель предложения N1-*га* N2-*то* V-*ау*.

彼 は 戦友 と 抱き合った。

Карэ ва сэнью: то дак-иат-та.

Он TOP боевой друг с обнимать-REC-PST.

Он обнялся с боевым другом (CVL).

2. Модель предложения N1-*то* N2-*га* V-*ау*

彼 と 戦友 が 抱き合った。

Карэ то сэнью: -га дакиатта.

Он и боевой друг NOM обнимать-REC-PST.

Он и боевой друг обнялись.

3. Модель предложения N1 (мн.ч.)-*га* V-*ау*

彼ら が 抱き合った。

Карэра- га дакиатта.

Они NOM обнимать-REC-PST.

Они обнялись.

В предложениях, построенных по первой модели, подчеркивается неравноправность, а в предложениях, построенных по второй (с однородными членами предложения) и третьей модели (подлежащее выражено множественным числом), подчеркивается равноправность участников ситуации [Алпатов и др., 2008. С. 176].

Далее рассмотрим значение социатива.

Социатив, или совместное действие, когда несколько субъектов выполняют одно и то же действие, например,

Модель предложения N1 V-*au*.

みんな	で	言い合っ	ため息	を	吐いて	いた。
Минна	дэ	и-иат-тэ	тамэки-о	цуй-тэ	и-та.	
Все	INS	говорить-REC-CNV	вздыхать-CNV	AUX.PRG-PST.		

Все вместе говорили и вздыхали [Алпатов и др., 2008. С. 175].

В данном предложении подлежащее опущено, оно может быть восстановлено из контекста (субъект действия может быть выражен первым, вторым или третьим лицом множественного числа). Значение совместного действия в данном случае усиливается местоимением *みんな* (で) *минна* (дэ) «все, все вместе». Как указывает А. А. Холодович, все существительные при реципроке, могут быть объединены квантором *みな* *мина* в творительном падеже [Холодович, 1979. С.167].

Кроме того, значение совместного действия в предложениях может быть усилено использованием наречия *共に* *томони* «вместе».

Как отмечают В.М. Алпатов и В.П. Недялков, наречие *一緒に* *иссэни* «вместе», обозначающее совместность и одновременность действия и часто используемое в других языках, в японском языке не используется [Alpatov, Nedyalkov, 2007. P. 1036].

В группе со значением социатива японская исследовательница Масако Химэно выделяет еще одно значение «параллельное действие нескольких субъектов». При этом субъект действия может стоять в позиции определения к подлежащему со значением «группа», например,

ねずみ	の	群れ	は	脱出を	目指し、	もがき	あつた。
Нэдзуми-но		мурэ	ва	дассюцу-о	мэдзаси,	могаки-ат-та.	
Мышь GEN		группа TOP		выход ACC	устремлять- CNV	толкать-REC- PST.	

Группа мышей толкалась, устремляясь к выходу [Химэно, 1982. С. 19].

Субъекты или участники действия при глаголе со значением реципрок могут быть заменены числительным *二人* *футари* «двое», при глаголе со значением социатив – местоимением или одушевленным существительным в форме множественного числа, кроме того, часто используется лексика со значением неопределенного множества, *群集* *гунсю*: «толпа», *みんな* *минна* «все», *全員* *дзэнъин* «все», *家族* *кадзоку* «семья». Таким образом, сложные глаголы этой группы могут выражать значение «множество субъектов действия».

Примеры глаголов со значением реципрок-социатив: *行き会う* *икиау* «внезапно столкнуться», *請け合う* *укэау* «ручаться; брать на себя какое-то дело», *打ち合う* *утиау* «бить друг друга», *落ち合う* *отиау* «встречаться, сходиться (о людях)», *関わり合う* *какавариау* «иметь отношения с кем-то, иметь дело с кем-то», *攻めあう* *сэмэау* «нападать друг на друга», *抱き合う* *дакиау* «обниматься», *譲り合う* *юдзуриау* «уступать друг другу, идти на соглашение» и др.

Значение реципрок-социатив в сложных глаголах с компонентом *合わせる-авасэру*

Форма *合わせる* *авасэру* рассматривается как каузатив (показатель *-асэ-*), следующий за показателем реципрока *-а-* [Алпатов и др., 2008. С. 176] или как переходный глагол от гла-

гола 合う *au* [Химэно, 1982. С. 42]. Мы в данной работе придерживаемся точки зрения В. М. Алпатовой.

По сравнению с компонентом 合う *-au* в структуре сложного глагола в компоненте 合わせる *-авасэру* сохраняется достаточно сильно лексическое значение «соединять, присоединять, приспособливать», тем не менее компонент также используется в функции аффикса.

В данном случае перед нами объектный реципрок. Предложения со сложным глаголом со вторым компонентом 合わせる *-авасэру* построены по модели N1-о (N2-ни/то) V-авасэру.

Сложный глагол со вторым компонентом 合わせる *-авасэру* выражает следующие значения:

1. Соединение двух субъектов или двух вещей. В этой группе в качестве первого компонента часто используются глаголы с собственным значением «соединение, присоединение; что-то добавлять к чему-то»: 結び合わせる *мусубиавасэру* «соединять», 組み合わせる *кумиавасэру* «соединять», 重ね合わせる *касанэавасэру* «накладывать друг на друга», 付け合わせる *цукэавасэру* «добавлять», а также глаголы, обозначающие внезапное совместное действие партнеров, 見合わせる *миавасэру* «встретиться взглядами, переглядываться», 行き合わせる *икиавасэру* «столкнуться», например,

Модель предложения N1-о V-авасэру.

この	セーター	は	2つ	の
<i>Коно</i>	<i>сэ:та:</i>	<i>ва</i>	<i>футацу</i>	<i>-но</i>
Этот	свитер	TOP	два GEN	узор ACC
パターン	を組み合わせて作られている。			
<i>пата:н-о</i>	<i>куми-ав-асэ-тэ</i>	<i>цуку-парэ-тэ</i>	<i>и-ру.</i>	
соединить-REC-CAUS-CNV	изготавливать-PASS-CNV	AUX. PRG-PRS		
Этот свитер изготовлен соединением двух узоров (CVL).				

В данном случае точно указано количество за счет использования числительного 二つ *футацу* «два», функционирующего как определение к объекту *パターン* *пата:н* «узор».

2. Присоединение одного субъекта к другому, одной вещи к другой, приспособление к какому-то обстоятельству: 縫い合わせる *нуиавасэру* «пришивать», 付け合わせる *цукэавасэру* «прикреплять, прибавлять», глагол в целом выражает результат действия, например,

Модель предложения N1-ни N2-о V-авасэру.

酢みそ	は、	酢に	少し々の	ミリンと砂糖を
<i>Сумисо</i>	<i>ва</i>	<i>су-ни</i>	<i>сукосисукоси-но</i>	<i>мирин то сато:-о</i>
Приправа	из мисо с уксусом	TOP,	уксус DAT	немного GEN
すり	合わせて	作る。		
<i>сури-ав-асэ-тэ</i>	<i>цукур-у.</i>			
добавлять-REC-CAUS-CNV	делать-PRS.			
Приправу из мисо с уксусом делают, добавляя к уксусу немного сладкого сакэ и сахара (Химэно).				

В данном предложении ясно указано точное количество вещей за счет использования косвенного дополнения и двух однородных прямых дополнений.

3. Сопоставление. На основании сравнения, сопоставления нескольких вещей, мнений делается заключение или вывод 聞き合わせる *кикиавасэру* «выяснять», 比べ合わせる *курабэавасэру* «сопоставлять», 考え合わせる *кангаэавасэру* «думать, учитывая различные факты», например,

Модель предложения N1-о V-авасэру.

私たち は いろいろな 意見 を考え合わせて、結論を出した。

Ватаситати ва ироирона икэн -о кангаэ-ав-асэ-тэ,

кэцурун-о дас-ита.

Мы TOP различное мнение ACC думать-REC-CAUS-NCV

заклчение ACC предлагать-PST.

Мы, приняв во внимание различные мнения, пришли к заключению (CVL).

Значение неопределенного количества передается 3 раза: с помощью местоимения *私たち* *ватаситати* «мы» во множественном числе, прилагательного *いろいろな* «различный» и глагола со значением объектного реципрока.

Сложные глаголы со вторым компонентом *合わせる-авасэру* могут выражать количество субъектов или объектов.

Заключение

Итак, мы рассмотрели сложные глаголы и пришли к следующему заключению.

1. Глаголы со вторыми компонентами *合う-ау* и *合わせる-авасэру* являются одним из способов передачи значения количества в японском языке и используются в структуре сложного глагола в функции суффикса.

2. Глаголы с компонентом *合う-ау* составляют подавляющее большинство среди рассмотренных нами глаголов. Сложные глаголы могут передавать семантику отношений (в качестве субъекта действия выступают люди) и физического соприкосновения (субъектом действия могут быть и неодушевленные предметы).

3. Глаголы со значением реципрок выражают субъектный реципрок и предполагают наличие как минимум двух участников действия. Глаголы со значением социатив могут выражать неопределенную множественность субъектов действия, что достигается за счет использования наречий или соответствующей лексики в качестве подлежащего.

4. Второй компонент *合わせる-авасэру* в сложном глаголе по сравнению с компонентом *合う-ау* сохраняет лексическое значение, и глагол, в целом выражая объектный реципрок, обозначает количество субъектов или объектов.

5. В предложениях с глаголом со вторым компонентом *合わせる-авасэру* может быть указано точное количество предметов за счет использования числительных, и значение неопределенного множества за счет использования местоимений в форме множественного числа и лексики (прилагательных) с соответствующим значением.

5. В предложении глаголы со значением реципрок-социатив сочетаются с лексическими и синтаксическими способами передачи значения количества.

Условные обозначения

При глоссировании примеров мы использовали список сокращений, принятый в российской японистике и представленный в работе [Алпатов и др., 2008].

N – существительное

V – глагол

CVL – Compound Verb Lexicon

ACC – аккузатив

AUX – вспомогательный глагол

CAUS – каузатив

CNV – деепричастие

DAT – датив

GEN – генетив
 INS – инструменталис
 NOM – номинатив
 PASS – пассив
 PRG – прогрессив
 PRS – настояще-будущее время
 PST – прошедшее время
 REC – реципрок
 TOP – топик

Список литературы

- Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И.** Теоретическая грамматика японского языка: В 2 т. М.: Наталис, 2008. Т. 1. 559 с.
- Алпатов В. М.** Семантические классы японских глаголов // Актуальные вопросы японского и общего языкознания: Памяти И. Ф. Вардуля. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 45–57.
- Басс И. И.** Семантика глаголов движения в современном японском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 17 с.
- БЯРС** – Большой японско-русский словарь: В 2 т. М.: Сов. энцикл., 1970. Т. 1. 820 с.; Т. 2. 915 с.
- Кутафьева Н. В.** Категория количества в японском языке: наречия и наречные выражения // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 14, № 10. С. 147–154.
- Кутафьева Н. В.** Составные глаголы с имплицитным значением количества в японском языке // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Серия 13. 2012. С. 17–26.
- Кутафьева Н. В.** Способы выражения категории количества: редупликация (на материале японского языка) // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 188–197.
- Кутафьева Н. В.** Категория количества в диахронном аспекте в китайском и японском языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 4. С. 147–154.
- Кутафьева Н. В., Гаврилова М. И.** Категория количества в свете представлений современной лингвистики и способы ее выражения в современном японском языке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 3, № 4. С. 123–129.
- Пашковский А. А.** Слово в японском языке. М.: Наука, 1980. 205 с.
- Холодович А. А.** Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979. 303 с.
- Чиронов С. В.** Исследования сложных глаголов в японском языке. Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. М.: LESEWA, 2012. С. 296–308.
- ЯРС** – Японско-русский словарь. Токио: Кэнкю:ся, 2000. 1183 с. (на яп. яз.)
- Alpatov V. M., Nedyalkov V. P.** Reciprocal, sociative and competitive constructions in Japanese. In: V. P. Nedyalkov (ed.). Typology of Reciprocal Constructions. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 2007, vol. 3, p. 1021–1094.
- Hinds J.** Japanese. London; New York, Routledge, 1986, 494 p.
- Kageyama T.** Word Formation. The Handbook of Japanese Linguistics. Ed. Tsujimura N. Blackwell, 1999. 543 p.
- Martin S. E.** A Reference Grammar of Japanese. Rutland, Vermont, Tokyo, Charles E. Tuttle Company, 1988, 1197 p.
- Matsumoto Yo.** Complex Predicates in Japanese. Studies in Japanese Linguistics. Tokyo, CSLI Publications, 1996, 345 p.
- Nisiyama K. V.-V.** Compounds. The Oxford Handbook of Japanese Linguistics. Eds. S. Miyagawa, M. Saito. Oxford, 2008, 553 p.
- Tagashira Y., Hoff J.** Handbook of Japanese Compound Verbs. The Hokuseido Press, 1986, 248 p.
- Акимото Михару.** Ёку вакару гои [秋元美晴。よくわかる語彙]. Хорошо понятная лексика. Нихон: Аруку, 2002, 199 с. (на яп. яз.)

- Исии Масахико.** Гэндай нихонго-но фукуго:го кэйсэйрон [石井正彦。現代日本語の複合語形成論]. Теория образования сложных слов японского языка. Токио: Хицудзи сёбо:, 2007. 497 с. (на яп. яз.)
- Морита Ёсиюки.** До:си, кэйё:си, фукуси-но дзитэн [森田良行。動詞、形容詞、副詞の辞典]. Словарь глаголов, прилагательных и наречий. Токио, JASRAC, 2008. 289 p. (на яп. яз.)
- Химэно Масако.** Тайсё: канкэй-о аравасу фукуго: до:си [姫野昌子。対称関係を表す複合動詞]. Сложные глаголы, выражающие симметричные отношения // Сборник статей школы японского языка. 1982. № 9. С. 17–52. (на яп. яз.)

References

- Akimoto Miharuru.** Yoku wakaruru goi [秋元美晴。よくわかる語彙]. Easily understanding lexica. Japan, Arc, 2002. 199 p. (in Jap.)
- Alpatov V. M.** Semanticheskie klassy yaponskih glagolov [Semantic classes of Japanese verbs]. In: Actual problems of Japanese and Common linguistics: In the memory of I. F. Vardul. Moscow, Oriental literature RAS, 2005, p. 45–57. (in Russ.)
- Alpatov V. M., Arkadiev P. M., Podlesskaya V. I.** Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka [Theoretic grammar of Japanese language]. In 2 vols. Moscow, Natalis, 2008, vol. 1, 559 p. (in Russ.)
- Alpatov V. M., Nedyalkov V. P.** Reciprocal, sociative and competitive constructions in Japanese. In: V. P. Nedyalkov (ed.). Typology of Reciprocal Constructions. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 2007, vol. 3, p. 1021–1094.
- Bass I. I.** Semantika glagolov dvizeniya v somremennom yaponskom yazyke [Semantics of motion verbs on modern Japanese language]. PhD thesis. Moscow, 1973, 17 p. (in Russ.)
- Bolshoi yaponsko-russkii slovar** [A big Japanese-Russian dictionary]. In 2 vols. Moscow, Soviet encyclopedia, 1970, vol. 1, 820 p.; vol. 2, 915 p. (in Russ.)
- Chirinov S. V.** Issledovaniya sloznych glagolov v yaponskom yazyke [Study of compound verbs in Japanese language]. Languages of countries of Far East, South-Eastern Asia and Western Africa. Moscow, LESEWA, 2012, p. 296–308. (in Russ.)
- Himeno Masako.** Taishou kankei-wo arawasu fukugou doushi [姫野昌子。対称関係を表す複合動詞]. Compound verbs expressing symmetric relations. *Nihongo gakkou ronshuu*, 1982, № 9, p. 17–52. (in Jap.)
- Hinds J.** Japanese. London; New York, Routledge, 1986, 494 p.
- Ishii Masahiko.** Gendai nihongo-no fukugougo keiseiron [石井正彦。現代日本語の複合語形成論]. Theory compound words in contemporary Japanese language. Tokyo, Hitsuji shobou, 2007. 497 p. (in Jap.)
- Kageyama T.** Word Formation. The Handbook of Japanese Linguistics. Ed. Tsujimura N. Blackwell, 1999. 543 p.
- Kholodovich A. A.** Problemy grammaticheskoi teorii [Problems of grammar theory]. Leningrad, Nauka, 1979, 303 p. (in Russ.)
- Kutafeva N. V.** Kategoriya kolichestva v diahronnom aspekte v kitaiskom i yaponskom yazykah [Category of quantity in diachronic aspect in Chinese and Japanese languages]. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2016, vol. 15, no. 4, p. 147–154. (in Russ.)
- Kutafeva N. V.** Kategoriya kolichestva v yaponskom yazyke: narechiya i narechnye vyrazeniya [Category of quantity in Japanese language: adverbs and adverbial expressions]. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2012, vol. 14, no. 10, p. 147–154. (in Russ.)
- Kutafeva N. V.** Sostavnye glagoly s implicitnym znacheniem kolichestva v yaponskom yazyke [Compound verbs with implicit meaning of quantity in Japanese language]. *Vestnik SPbGU. Series 13*. 2012, p. 17–26. (in Russ.)

- Kutafeva N. V.** Sposoby vyrazeniya kategorii kolichestva: reduplikatsiya (na materiale yaponskogo yazyka) [The ways of expression of category of quantity: reduplication (on the materials of Japanese language)]. *Siberian Journal of Philology*, 2012, no. 2, p. 188–197. (in Russ.)
- Kutafeva N. V., Gavrilova M. I.** Kategoriya kolichestva v svete predstavlenii sovremennoi lingvisiki i sposoby ee vyrazeniya v sovremennom yaponskom yazyke [category of quantity in modern linguistics and ways of its expression in modern Japanese language]. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2009, vol. 3, no. 4, p. 123–129. (in Russ.)
- Martin S. E.** *A Reference Grammar of Japanese*. Rutland, Vermont, Tokyo, Charles E. Tuttle Company, 1988, 1197 p.
- Matsumoto Yo.** *Complex Predicates in Japanese*. Studies in Japanese Linguistics. Tokyo, CSLI Publications, 1996, 345 p.
- Morita Yoshiyuki.** Doushi, keiyoushi, fukushi-no jiten [森田良行。動詞、形容詞、副詞の辞典]. Dictionary of verbs, adjectives and adverbs. Tokyo, JASRAC, 2008. 289 p. (in Jap.)
- Nisiyama K. V.-V.** Compounds. *The Oxford Handbook of Japanese Linguistics*. Eds. S. Miyagawa, M. Saito. Oxford, 2008, 553 p.
- Pashkovskii A. A.** Slovo v japonskom jazyke [Word in Japanese language]. Moscow, Nauka, 1980, 205 p. (in Russ.)
- Tagashira Y., Hoff J.** *Handbook of Japanese Compound Verbs*. The Hokuseido Press, 1986, 248 p. Yaponsko-russkii slovar [Japanese-Russian dictionary]. Tokyo, Kenkyusha, 1183 p. (in Jap.)

Материал поступил в редколлегию
Received
23.08.2019

Сведения об авторе

Кутафьева Наталия Витальевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры востоковедения ГИ, директор Японского центра ГИ, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
orient@lab.nsu.ru

Information about the Author

Natalia V. Kutafeva, PhD, associate professor, associate professor of orient studies cathedra HI, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
orient@lab.nsu.ru

УДК 378.02:37.016 + 39

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-89-101

Использование приложения Google Expeditions на уроках по устной речи корейского языка

Ли Чонсик

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматривается метод обучения устной речи корейского языка с применением программы Google Expeditions (виртуальная реальность), что способствует значительному обогащению как самого занятия, так и источниковой базы по преподаванию коммуникативной компетенции корейского языка.

Автор анализирует следующие факторы, необходимые для работы с приложением Google Expeditions в аудитории, среди них: осведомленность преподавателя о возможности приложения Google Expeditions и его готовность решать проблемы, возникающие в ходе занятия; степень интегрированности студентов в рабочий процесс, а также их позитивное / негативное восприятие приложения Google Expeditions и других новых технологий; перспективы использования приложения Google Expeditions в преподавании корейского языка в высшей школе.

В качестве методологии к данной теме были приняты основные методологические принципы обучения с применением технологий виртуальной реальности (принцип взаимодействия, принцип практичности и принцип подготовки), а также стратегии разработки учебных программ на основе мультимедиа (цель, содержание, персонализация, суждение о том, что правильно или неправильно, обратная связь, завершение).

Ключевые слова

виртуальная реальность, новые технологии в образовании, методика преподавания корейского языка, Google Expeditions

Для цитирования

Ли Чонсик. Использование приложения Google Expeditions на уроках по устной речи корейского языка // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение. С. 89–101. (на кор. яз.) DOI 10.25205/ 1818-7919-2019-18-10-89-101

A Study on Teaching Methods of Korean Language Speaking Education Using Google Expeditions

Lee Jeongsik

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

This study presented a method of Korean speaking education using Google Expeditions, which can complement the reality of Korean language education in Russia. The following factors have been considered to introduce Google Expeditions to the class.

First, the teacher should handle Google Expeditions skillfully and cope with unexpected situations so that there is no disruption in the course of the class.

Second, students should integrate well with existing teaching methods so that they don't feel rejection towards Google Expeditions (new technologies).

© Ли Чонсик, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies

Third, the strength of Google Expeditions should have a positive impact on the educational effect.

To design education using virtual reality, 'the essential principles of virtual reality education' (the principle of interaction, the principle of practicality and the principle of preparation) were adopted. The 'Multimedia-based Courseware Design Strategies' (Goal, Teaching Content, Personalization, Judgment of what is right or wrong, Feedback, Closing) were adopted to design classes with software for curriculum. The content of the class was 'Sejong Korean Conversation 1,' a textbook written by a professional organization. Based on these three factors, the ways to teach Korean speaking using Google Expeditions were explored and examples were presented.

Keywords

virtual reality, new technologies in education, Korean language teaching methodology, Google Expeditions

For citation

Lee Jeongsik. A study on Teaching Methods of Korean Language Speaking Education Using Google Expeditions. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies, p. 89–101. (in Kor.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-89-101

Google Expeditions 을 활용한 한국어 말하기 교육 방안 연구

목차

- 1 들어가며
- 2 말하기 교육 개발을 위한 논의
 - 2.1 MHD VR (Mount Head Display Virtual Reality)
 - 2.2 Google Expeditions
- 3 교육 방안
 - 3.1 연구 방법
 - 3.2 Google Expeditions의 수업 적용
 - 3.3 Google Expeditions를 활용한 교안 예시
- 4 나오며

1. 들어가며

한국의 국가 영향력 확대와 한류의 보급으로 한국어의 수요 또한 나날이 늘어나고 있다. 2007년 3개국 13개소로 시작된 세종학당은 2017년 54개국 171개소¹, 2019년 6월 기준 60개국 180개소로 꾸준히 확대되고 있고² 재외동포재단 한글학교 또한 2017년 114개국 1887개소에 이르고 있다³. 1997년 2,692명으로 시작된 한국어능력시험(TOPIK)의 지원자수는 2017년 29만여명에 이르렀다⁴. 이러한 빠른 성장세에 대해 장용수(2010)는 한국의 국제시장 경쟁력이 향상된 것과 비례하여 한국어 교육이 지속적인 발전을 거듭한다고 하였다⁵. 또한 조남호(2009)는 한국어교육 수요가

¹ 2017 King Sejong Institute Foundation Annual Report, King Sejong Institute Foundation (KSIF), 2018, p. 42–43. URL: https://www.ksif.or.kr/cmm/fms/FileDown.do?atchFileId=FILE_00000000000373&fileSn=0 (accessed 2019.07.02).

² KSIs Worldwide, King Sejong Institute Foundation (KSIF), 2018. URL: <https://www.ksif.or.kr/ste/ksf/hkd/lochkd.do?menuNo=31101100> (accessed 2019.07.02).

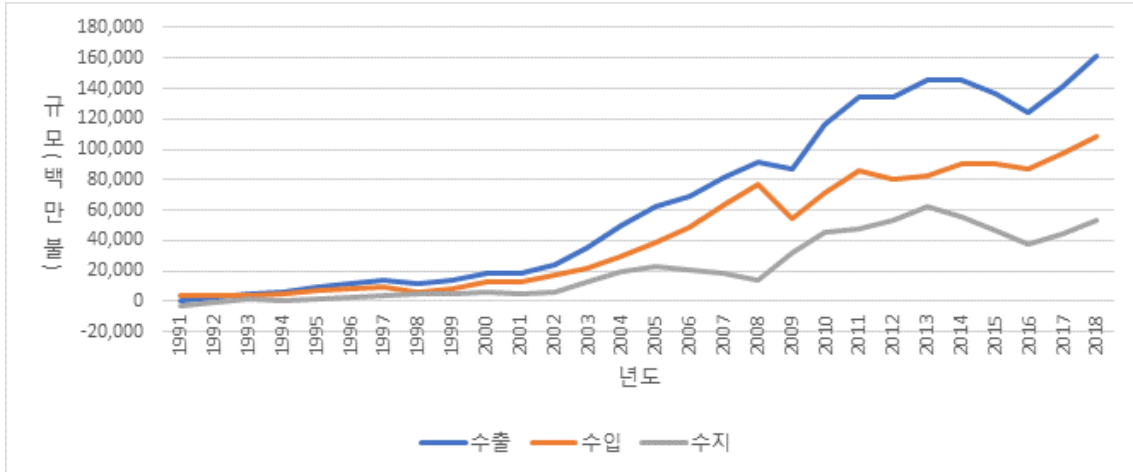
³ 2017 Jaeodongpojaedan yeonchabogoseo [Annual Report 2017], Overseas Koreans Foundation, 2018, 10 p. URL: http://211.234.106.132/studykorean/_download/2017AnnualReport.pdf (accessed 2019.06.25). (in Kor.)

⁴ Yeondobyeol hangugeoneungnyeoksiheom jiwonja eungsija hapgyeokja hyeonhwang [Yearly TOPIK (Test of proficiency in Korean) Status of applicants, Candidates, and Successful Candidates.], National Institute for International Education (NIE), 2018, p. 1–2. URL: http://topik.go.kr/sys/fileDown.do?path=board.1&fileName=7ed8ae10-0159-40ae-8843-5cb2e6652dc3.pdf&nameOrigin=연도별_한국어능력시험_지원자_응시자_합격자_현황.pdf (accessed 2019.06.25). (in Kor.)

⁵ Jang Yong-Su. Sijangjeonchejuuiwa hangugeogyoyugui jeongcheseong [A Study on The Market totalitarianism and The Identity of Teaching Korean] // Bulletin of IAKLE (The International Association for Korean Language Education 21-4, Seoul, 2010, p. 230–231. (in Kor.)

늘어난 것은 한류, 우리나라 기업의 해외 진출 등 우리나라의 국제적 영향력이 커진 데 따른 결과라 하였다⁶.

<그림 1> 국가 간 수출입 통계⁷

한국무역협회의 국가 간 수출입 통계(<그림 1>참조)에 따르면 세계 경제와 각국의 상황으로 인해 그 규모가 축소되기도 하였으나 한국과 러시아의 경제 무역 규모는 증가하는 추세이다. 이러한 맥락에서 러시아 내의 한국어 수요는 무역 교류의 상승세와 한류의 열풍이 맞물려 더 늘어날 것으로 전망된다. 이에 러시아 내 세종학당은 9 개소, 한글학교는 CIS 지역을 포함하여 207 개소가 설치되어 있지만 영토면적 대비 턱없이 부족한 실정이다. 여러 대학과 사설 학원 등에서 한국어를 배울 수도 있으나 이 역시 그 기회가 매우 적고 수요를 충족하지 못하고 있다.

이와 더불어 한국어를 배우는 수업 차시가 너무 적거나 한국어 원어민과 함께 이야기하는 경우가 적어 실제로 한국어 교육이 한국어를 의사소통 언어로 사용하는데까지 이어지기도 쉽지 않다. 외국의 한국어 학습자는 목표어를 통한 의사소통 기회가 한국의 한국어 학습자 보다 비교적 적은데 이마저도 교실에서 주어지는 상황에 의존하는 경우가 많다. 특히 언어의 기능 중 말하기는 외국에서 목표어를 잘 구사하는 사람과의 실시간 상호작용 기회가 많지 않아 수업 이외에 실제 경험을 통한 말하기 능력 향상을 기대하기는 어렵다. 다시 말해 교실 안팎 어디서든 언어의 현실감이 결핍되어 있는 것이다.

이에 따라 러시아 한국어 교육 현장에서 현실감을 보완할 수 있는 Google Expedition 을 활용한 한국어 말하기 교육 방안을 제시하고자 한다.

2. 말하기 교육 개발을 위한 논의

2.1. MHD VR (Mount Head Display Virtual Reality)

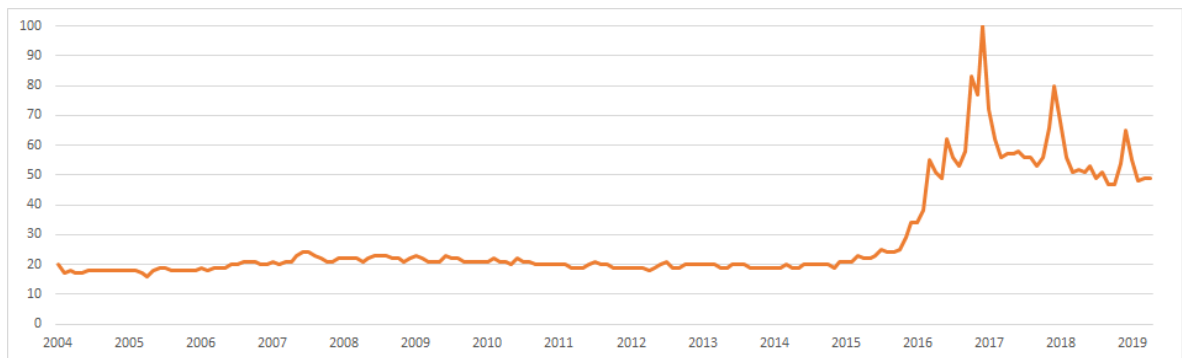
⁶ Jo Nam-Ho. hangugeo gyoyug jeongchaegui ihae[Understanding the Policy on the Korean Language Education] // Bulletin of Urimalgyoyukyueonjanghakoe Urimalgyoyukyueonjangyeongu3-1, Seoul, 2009, p. 230-231. (in Kor)

⁷ Gukgagan suchurip [International import and export], K-stat, 2019. URL: <http://stat.kita.net/stat/world/trade/CtrToCtrImpExpList.screen> (accessed 2019.08.02).

제한된 교육환경의 한계를 극복하고자 하는 연구는 계속되어왔고 이는 과학·산업기술의 발달에 따라 함께 발전하였다. 이러한 맥락에서 MHD VR (Mount Head Display Virtual Reality)은 제한된 교육환경의 한계를 극복할 수 있는 방법으로서의 많은 가능성을 가지고 있고 이에 여러 연구가 이루어지고 있다.

구글 트렌드의 시간 흐름에 따른 관심도 변화(<그림 2> 참조)를 보면 ‘VR’이라는 키워드의 관심도가 2015년 후반부터 서서히 상승했고 그 최고점은 2016년 12월이었다. 2014년도에 이미 구글 카드보드, 오쿨러스의 페이스북 인구, 삼성전자의 기어 VR 발표 등의 이슈가 있었지만 눈에 띄는 통계 변화는 CES 2015 기술발표 이후 부터였고 오쿨러시프트, HTC VIVE, PS VR 등 하드웨어가 발표될 때마다 눈에 띄는 상승을 보였다. 또한 VR에 대한 발전 가능성에 대해 많은 논의가 있었다.

<그림 2> 시간흐름도에 따른 관심도 변화: VR(구글트렌드)⁸

기술의 발전으로 MHD VR 보급기종이 공급되기 시작하였지만 2016년 이후로부터 그 관심도가 점차 감소하고 있다. 하지만 이와 반대로 MHD VR 판매 매출은 꾸준히 상승 중이다. 이는 VR의 활용방안 중 많은 부분이 게임에 치중되어 있고 아직은 MHD VR이 생활 속에서 필요한 매체이기보다는 특별한 경험으로서의 역할이기 때문인 것으로 판단된다. 다시 말해, MHD VR의 성장 가능성이 크다 할 수는 있지만 아직 이를 뒷받침할 활용방안에 대한 논의가 부족한 것이다.

이러한 맥락에서 MHD VR을 활용한 한국어 학습에 대한 논의가 필요하다. 언어는 큰 체계이고 의사소통의 수단이 된다. 언어는 의사소통이 이루어질 때 그 의의를 찾을 수 있는 것이다. 제한된 교실에서 언어의 기능을 활용하여 의사소통 할 수 있는 상황을 제시하는 시도는 많이 이루어지고 있다. 하지만 실시간 쌍방 상호작용이 이루어지는 말하기는 대화, 발표 등 그 유형이 매우 광범위하고 종합적인 감각을 교환하며 언어뿐만 아니라 비언어에 따라 상호작용이 달라질 수 있으므로 말하기의 상황을 제한된 공간인 교실에서 효과적으로 제시하는 것은 많은 제약이 따른다. 이에 대해 김다정(2003)은 VR의 교육적 효과를 <표 1>와 같이 정리하였다.

⁸ 수치는 특정 지역 및 기간을 기준으로 차트에서 가장 높은 지점 대비 검색 관심도를 나타낸다. 값은 검색 빈도가 가장 높은 검색어의 경우 100, 검색 빈도가 그 절반 정도인 검색어의 경우 50, 해당 검색어에 대한 데이터가 충분하지 않은 경우 0으로 나타난다.(구글트렌드 도움말)

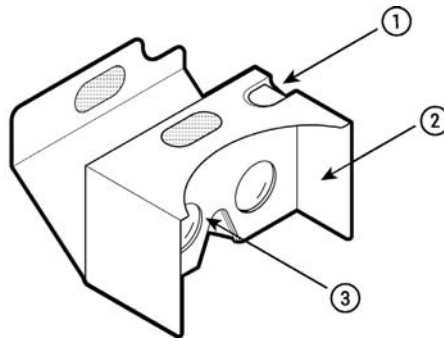
<표 1> VR의 교육적 효과⁹

교육적 효과	내용
구체적 경험	다감각적인 정보를 제공함으로써 학습자가 사태를 직접 체험할 수 있도록 함
현존감	사용자가 자신의 존재와 영향력을 분명히 인식하도록 하면서 학습자의 몰입을 도와줌
경험의 공유	VR에서의 활동은 사회적인 측면까지 포괄하며 다른 문화를 체험할 수 있는 기회를 제공
협동 가능성	타인을 돕기 위해 혹은 자신의 목표 달성을 위해 집단 형성→협동학습의 기반
유연한 환경	학습 목표에 맞게 최적화될 수 있는 환경, 지속적인 업데이트를 통해 최신 정보 제공

2.2. Google Expeditions

2014년 구글은 구글 카드보드를 발표하였다. 이는 대중적으로 보급된 스마트폰에 골판지와 부수적 재료로 만들어진 제품으로 가격이 매우 저렴하다. 이는 공식적인 제품을 구매할 수도 있고 도면이 공개되어 누구나 만들 수도 있다. 이후 2015년에는 구글 카드보드의 개선된 후속 버전과 외부업체 VR 기기 호환 인증 프로그램인 WWGC(Works With Google Cardboard)를 발표하였는데 이로써 구글에서 제공하는 VR 플랫폼에 더욱 쉽고 저렴하게 접근하는 것이 가능해졌다.

<그림 3>구글 카드보드(후속버전)¹⁰

Google Expeditions은 VR&AR 기술을 기반으로 한 가상 현실 수업 도구 어플리케이션이다. 사용자는 이 앱에서 가이드(교사)와 탐험가(학습자)의 역할을 가진다. 한 주제로 엮인 6~10 장면 정도의 360도 사진 묶음을 ‘투어’라고 하는데 이는 여러 검증된 전문업체에서 정교하게 제작되어 제공되기도 하고 VR/AR 3D 플랫폼인 ‘구글

⁹ Kim Da Jeong. VR Dogureul hwaryonghan hyeonjanghakseum hwaryong sueom mohyeong seolgyewa jeogyong [A Design and Adaptation of Teaching Module for Field Based Learning Activities using VR Tool]. Seoul, Seoul National University, 2003, p. 5-6. (in Kor.)

¹⁰ WWGC Guidelines and Best Practices, Google, 2014, 1 p. URL: https://www.gstatic.com/cardboard_assets/wwgc_manufacturers_kit.zip (accessed 2019.04.02).

폴리'에서 직접 업로드할 수도 있다.¹¹ 가이드는 탐험자에게 제시되어야 할 가상현실 사진을 원하는 대로 제시할 수 있고 탐험가는 제시된 모의 환경 안에서 자유롭게 시선을 이동할 수 있다. 가이드는 모니터를 통해 탐험가의 시선이 어디로 향해 있는지를 알 수 있고 특정 위치를 표식하거나 표식별로 음성자료를 재생할 수도 있다. 'Expedition'이 '탐험대'이라는 뜻을 가지고 있듯이 본 어플리케이션은 가상현실 기술을 통하여 학습목표와 밀접한 연관이 있는 장소에 방문하고 실제로 보고 경험하는 듯한 기회를 제시한다. VR 장비와 무선네트워크 환경을 갖추고 있다면 단독 투어가 가능하지만 소그룹 및 교실 시연을 통한 그룹 탐사에 특화되어있어 몇몇 국가에서는 Expeditions 키트를 구입하여 VR 활용 수업 환경을 구축할 수도 있다.

<그림 4> 구글 익스페디션 시연 모습(좌)과 학습자에게 제시되는 실제 VR 영상(우)¹²

시간 흐름에 따라 VR 기술은 가상 현실을 구현할 수 있으면서도 가격이 싸고 간단해졌다. 이로서 VR의 보급률은 높아지고 있지만 이를 생활 전반에 적용할 수 있는 방안이 아직까지 마련되어지지 않았다. 앞으로의 VR은 기술뿐만 아니라 이를 뒷받침해주는 콘텐츠 개발과 적용 방안에 대한 지속적인 연구가 필요하다.

3. 교육 방안

3.1. 연구 방법

Google Expeditions을 교실에 도입하는 것은 상당히 정교한 준비 과정이 필요하다. 첫째, 교사가 Google Expeditions을 능숙하게 다루고 돌발상황에 잘 대처하여 수업진행에 아무 지장이 없어야 한다. 둘째, 학생이 Google Expeditions에 대한(새로운 기술에 대한) 거부감이 없도록 기존 수업 방식과 잘 융합시켜야 한다. 셋째, Google Expeditions의 강점이 교육효과에 긍정적인 영향을 미쳐야 한다. 이를 위해 김성조(2018)의 VR 교육의 필수 원리(<표 2> 참조)와 이윤주(2001)의 멀티미디어 기반 코스웨어 설계전략 특징 중 가장 기본이 되면서도 보편적인 '반복연습형'의 특징(<표 3> 참조)을 참고하고자 한다.

¹¹ AR 콘텐츠 또한 제공한다. 이는 콘텐츠는 '개체'라고 표현하고 이 또한 구글 폴리에서 업로드가 가능하다.

¹² Google Expeditions: over a million students, on trips to virtually anywhere, Google for Education, 2016, URL: https://youtu.be/3MQ9yG_QfDA (accessed 2019.06.02).

<표 2> 가상현실 교육의 필수원리¹³

상호작용의 원리	학습자와 교수자, 학습자와 동료 학습자, 학습자와 학습환경 사이에서 일어나는 모든 활동
실제성의 원리	학습자의 실생활과 연계된 상황이 제시되고 학습자는 제시된 상황과 연계된 과제를 수행
준비의 원리	가상현실 활용을 위한 환경을 고려하여 안전한 공간을 확보하고 사용방법에 대한 충분한 사전교육 실시

<표 3> 멀티미디어 기반 코스웨어 설계전략 - 반복연습형¹⁴

목표	교실에서의 학습목표와 일치되도록
교수 내용	학생이 쉽게 이해할 수 있도록
인격화	각 학생의 이름을 부르도록
정오답 판단	오답을 했을 경우 참고내용 등을 제공하고, 2~3 번의 시도 후 정답을 제시해주도록
피드백	즉각적이고 상세한 피드백을 준다. 정답을 말했을 경우 강화 제공, 오답을 했을 경우 질책하지 않도록
종결	학생의 학습 향상을 위해 칭고와 더불어 수고했다는 말과 함께 감사 표시

Google Expeditions 의 기능 중 수업 때 꼭 필요한 주요기능은 다음과 같다. 첫째, 교사가 가상현실 화면을 조작할 수 있다. 둘째, 교사가 학생이 어느 곳에 시선을 두고 있는지 알 수 있다. 셋째, 교사가 화면 속에서 특정 위치를 가리킬 수 있다. 넷째, 제작 단계에서 화면 속 특정 위치에 텍스트 설명이나 오디오를 덧붙일 수 있다. 다섯째, 학생은 자리를 이동할 수 없지만 고정된 자리에서 360 도로 화면을 볼 수 있다. 마지막으로 학생이 VR 멀미를 느낄 경우 일반 디스플레이 모드로 전환이 가능하다.

3.2. Google Expeditions 의 수업 적용

교재는 전문기관에서 집필된 세종한국어 회화¹⁵로 선정하고자 한다(<표 4> 참조).

¹³ Kim Sung-Jo. Gasanghyeonsir (La Realidad Virtual)eul iyonghan seupeineo gyoyung yeongu [A Study of Spanish Education using Virtual Reality] // Bulletin of Hankuk University of Foreign Studies Institute of Latin American Studies Latin American and Caribbean Studies 37-4, Seoul, 2018, 169 p. (in Kor.)

¹⁴ Lee Yun-Ju. Meoltimidieogiban koseuweeoui gyosujeollyage gwanhan yeongu [A Study on a teaching method of Courseware based on Multimedia]. Kwangju, Honam University, 2001, 32 p. (in Kor.)

¹⁵ Song Hyang-Keun. Sejong hangugeo hochwal [Sejong Korean Conversation 1]. Seoul, Yonsei University Press, 2018, p. 8-11. (in Kor.)

〈표 4〉 세종한국어 회화 1 구성 및 수업단계 분석

구성		내용	수업단계
Part1	어휘 1	<ul style="list-style-type: none"> - 단원 주제에 맞는 담화 구성에 필수적인 어휘를 제시. - 어휘를 연습하고 학습 어휘의 의미를 확인. - 유의미한 의사소통 활동을 통하여 학습한 어휘를 즉시 사용하도록 함. 	도입 1
	표현 1	<ul style="list-style-type: none"> - 단원 주제에 맞는 담화 구성에 필수적인 표현을 제시. - 배운 표현을 연습하고 해당 표현의 기능을 확인. - 유의미한 의사소통을 통하여 배운 표현을 즉시 사용하도록 함. 	제시 1
Part2	어휘 2	<ul style="list-style-type: none"> - 단원 주제에 맞는 담화 구성에 필수적인 어휘를 제시. - 어휘를 연습하고 학습 어휘의 의미를 확인. - 유의미한 의사소통 활동을 통하여 학습한 어휘를 즉시 사용하도록 함. 	도입 2
	표현 2	<ul style="list-style-type: none"> - 단원 주제에 맞는 담화 구성에 필수적인 표현을 제시. - 배운 표현을 연습하고 해당 표현의 기능을 확인. - 유의미한 의사소통을 통하여 배운 표현을 즉시 사용하도록 함. 	제시 2
Part3	연습해요	- 'Part1, 2'에서 학습한 어휘와 표현에 대한 복습 활동을 제시하여 보다 정확하고 유창하게 학습내용을 사용할 수 있도록 함.	연습
	이야기해요	<ul style="list-style-type: none"> - 학습한 어휘와 표현을 활용한 목표 담화 제시. - 목표 담화의 내용을 확인하고 이야기해 볼수 있는 활동을 제시. - 목표 담화와 유사한 유형의 주제 담화를 구성하는 활동을 제시. 	활동
	듣고 말해요	<ul style="list-style-type: none"> - 주제에 관련한 보다 실제적인 담화를 이해하고 생산할 수 있는 활동을 제시. - 목표 담화의 내용을 듣고 이해할 수 있는 활동을 제시. - 목표 담화와 주제에 맞는 말하기 과제를 제시. 	마무리

본 교재의 구성을 Google Expeditions 로 구현할 때 필요한 요소는 〈표 5〉와 같다. 교재에서 제시하는 상호작용 요소가 Google Expeditions 에 부적합할 경우 적합한 방법으로 수정하였다. 예를 들어 교재에서 ‘맞으면 O, 틀리면 X 를 표시하세요.’라고 제시할 경우 Google Expeditions 에서 구현 및 조작하기가 어려우므로 ‘맞으면 오른손,

틀리면 왼손을 드세요.'라고 수정하였다. 또한 코스웨어 설계 전략에 따라 Google Expeditions 에서 제시되는 학습 목표와 교수 내용이 교재를 반영하도록 하였다.

<표 5> 세종한국어 회화 1 구성을 Expeditions 로 구현할 때 필요한 요소

구성	가상현실 교육 원리	코스웨어 설계전략
(수업 전)	준비의 원리 - 수업에 필요한 모든 장비의 정상 작동 여부를 확인한다. - 학생은 구글 카드보드의 사용법에 대해 숙지하고 있어야 한다. - 학생은 수업 전 연습을 해야 한다.	
어휘 1	상호작용의 원리 - 교사는 사물을 가리키며 어휘를 말한다.(학습자-교사) - 학생은 사물을 보고 들으며 따라한다.(학습자-교사) - 학생이 사물을 보면 단어가 글자로 제시된다.(학습자-환경) 실제성의 원리 - 실제 대화하는 장소를 가상 현실로 제시한다.	목표 교수 내용
표현 1	상호작용의 원리 - 오디오(학습자-환경) - 짝활동(학습자-동료) 실제성의 원리 - 실제 대화하는 장소를 가상 현실로 제시한다.	목표 교수 내용
어휘 2	(생략)	
표현 2		
연습해요	상호작용의 원리 - 질의응답(학습자-교사) 실제성의 원리 - 실제 대화하는 장소를 가상 현실로 제시한다.	인격화 정오답 판단 피드백
이야기해요	상호작용의 원리 - 오디오(학습자-환경) - 짝활동(학습자-동료) 실제성의 원리 - 실제 대화하는 장소를 가상 현실로 제시한다.	정오답 판단 피드백
듣고 말해요	상호작용의 원리 - 오디오(학습자-환경) - 질의응답(학습자-교사) 실제성의 원리 - 실제 대화하는 장소를 가상 현실로 제시한다.	정오답 판단 피드백 종결

3.3. Google Expeditions 를 활용한 교안 예시

Google Expeditions 을 수업에 구현하기 위해 필요한 요소들을 실제 수업에 적용시켰다.(<표 6> 참조) 편의를 위해 교사를 T, 학생을 S, 학생 간 짝활동이나 교사가 학생을 지명하는 경우 S1, S2 등으로 표시하였다. 마지막으로 오디오 수업 자료는 A 로 표현하였다.

<표 6> Google Expeditions 를 활용한 교안 예시

단원명	05. 사과 두 개하고 오렌지 세 개 주세요 ¹⁶		차시	5(60 분)				
학습목표	물건의 이름과 가격을 묻고 답할 수 있다.		주제	쇼핑				
학습내용	Part. 1: 사물 2, 하고 / Part. 2: 고유어 수, 단위 명사							
준비	시설	<ul style="list-style-type: none"> - 모든 수업 구성원이 동시 접속할 수 있는 무선 인터넷(와이파이) - 학습자 간 충분한 거리를 유지할 수 있는 학습 공간 - 오디오 시설 						
	교사	<ul style="list-style-type: none"> - 교재 - 구글 익스페디션, 오디오 자료 등의 수업 자료 - 스마트폰(화면이 커서 조작성이 용이한 태블릿을 추천) 						
	학습자	<ul style="list-style-type: none"> - 교재 - 구글 익스페디션이 설치된 스마트폰 - 구글 카드보드 						
수업단계	학습과정	교수-학습 활동	VR 화면	시간	비고			
수업 전	사전준비	<ul style="list-style-type: none"> - 인터넷, 스마트폰, 어플리케이션 등의 수업에 필요한 요소들이 잘 동작하는지 확인한다. - 구글 카드보드와 스마트폰을 결합하고 VR 화면을 시청하는 방법을 숙지한다. - 구글 카드보드 사용 시 충분한 거리를 유지할 수 있는지 확인한다. - 멀미나 어지러움 등이 느껴질 시 교사에게 알리고 화면 모드로 전환한다. 						
	인사	<ul style="list-style-type: none"> - 학생은 해당 단원의 학습내용을 연습 후 수업에 참가한다. - 정해진 짝과 함께 자리에 앉는다. - 인사 후 수업 시작 및 VR 착용 					5'	

¹⁶ Song Hyang-Keun. Sejong hangugeo hoehwa1 [Sejong Korean Conversation 1]. Seoul, Yonsei University Press, 2018, p. 46-61. (in Kor.)

도입 1	어휘 1	T 잘 듣고 따라 해 보세요. T 우유 S 우유 T 주스 S 주스 (생략) T 잘 듣고 맞으면 오른손, 틀리면 왼손을 드세요. A 여기에 치약이 없어요. S (왼손을 든다.) A 여기에 과자가 있어요. S (오른손을 든다.) (생략) T 친구와 이야기해 보세요. S (짝활동)	마트	2'	교사가 사물을 지시하고 읽는다.
			마트	1'	교사가 오디오를 재생한다.
				3'	
제시 1	표현 1	A1 뭘 드릴까요? A2 우유하고 라면 주세요. A1 누구예요? A2 제 언니하고 오빠예요. (생략) T 잘 듣고 대화에 나오는 것을 번갈아 보세요. A1 냉장고에 과일이 있어요? A2 네, 사과하고 포도가 있어요. S (사과와 포도를 번갈아 본다.) T 친구와 이야기해 보세요. 마트에 무엇이 있어요? S 짝활동	마트	1'	교사가 상황을 지시하고 오디오를 재생한다.
				1'	교사가 오디오를 재생한다.
				5'	학생의 시선을 확인한다.
도입 2	어휘 2	(생략)		7'	
제시 2	어휘 2	(생략)		7'	
연습	연습해요	T S1 씨, 식탁 위에 뭐가 있어요? S1 커피하고 빵이 있어요. T S2 씨, 싱크대 위에 뭐가 있어요? S2 도마하고 칼이 있어요. (생략)	부엌	5'	교사가 학생을 지명하여 묻는다.
활용	이야기해요	T 여기는 과일 가게예요. 잘 듣고 따라 해 보세요. A1 어서 오세요. A2 안녕하세요. 요즘은 뭐가 맛있어요? A1 요즘은 사과하고 오렌지가 맛있어요.	과일가게	1'	교사가 오디오를 재생한다.

		(생략) T 이 사람은 뭘 사요? 다시 듣고 이야기해 보세요. T 친구와 이야기해 보세요. S1 어서 오세요. S2 안녕하세요. 요즘은 뭐가 맛있어요? S1 요즘은 딸기하고 바나나가 맛있어요. (생략)		1' 5'	교사가 오디오를 재생한다.
마무리	듣고 말해요	T 잘 듣고 대답하세요. A1 커피 두 잔하고 샌드위치 하나 주세요. A2 죄송합니다., 손님, 샌드위치가 지금 없네요. A1 그럼 케이크 하나 주세요. T 손님은 무엇을 주문했어요? S 손님은 커피 두 잔하고 샌드위치를 주문했어요. T 직원은 무엇을 주었어요? S 커피 두 잔하고 케이크를 주었어요. T 메뉴를 보고 친구와 이야기해 보세요. S1 커피하고 케이크 주세요. S2 케이크가 지금 없어요. S1 그러면 커피하고 샌드위치 주세요.	카페	2' 5' 5'	교사가 오디오를 재생한다. 교사가 질문한다.
	마무리	T 기기를 내려 놓으세요. 오늘 무엇을 배웠어요? S '하고' 배웠어요. T 오늘 배운 것을 사용하여 물건의 이름을 말할 수 있어요? S 네. (인사 후 수업 종료)		5'	학생은 VR 기기를 내려 놓는다.

4. 나오며

본 연구는 러시아의 한국어 교육 현장에서 현재의 수업 구성을 유지하면서도 현실감을 재고할 수 있는 한국어 교육 방안으로 Google Expeditions 을 제시하였다. 이는 열악한 환경의 한국어 교육 현장이라 하더라도 비교적 쉽게 적용할 수 있다. 하지만 교재의 수업 구성이 처음부터 Google Expeditions 에 구현되기 위한 구성이 아니기 때문에 수정 및 보완이 불가피 하며 콘텐츠를 교사가 직접 제작해야 하는 것은 교사에게

큰 업무 부담이 아닐 수 없다. VR 기기의 기술적인 한계도 극복해야 할 요소 중 하나이다. 또한 아직 VR 기기가 시야각이 좁고 장시간 사용 시 멀미를 일으키는 등의 기술적 한계도 존재한다. 하지만 빠르게 발전하고 있는 VR 기술과 함께 VR 을 활용한 한국어 말하기 교육 방안 연구 필요하며 이것이 러시아 한국어 교육 환경 개선에 긍정적인 영향을 미치기를 기대한다.

References

Research Information Sharing System, RISS, URL: <http://www.riss.kr/index.do>.

*Материал поступил в редколлегию
Received
25.08.2019*

Сведения об авторе

Ли Чонсик, лектор-интерн от Корейского Фонда в НГУ (Синчжун-но 55, Согвипхо-си, Чеджудо, 63565, Республика Корея)
ljs@ajou.ac.kr

Information about the Author

Lee Jeongsik, intern, lecturer of Korea Foundation in NSU (Sinjung-ro, 63565, Republic of Korea)
ljs@ajou.ac.kr

十载砥砺晋孔院，不忘初心创未来

——记新西伯利亚国立大学孔子课堂十周年庆暨孔子学院升级揭牌仪式

Празднование десятилетия участия НГУ в международном проекте «Институт Конфуция»

毕新惠、尤·阿扎连科

Би Синьхуэй^{1,2}, Ю. А. Азаренко²

¹ Синьцзянский университет
Урумчи, Китай

² Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

2019年7月1日俄罗斯新西伯利亚国立大学孔子学院在新西伯利亚国立大学举办了孔子课堂成立十周年暨孔子学院升级揭牌仪式。新西伯利亚国立大学孔子学院前身为新西伯利亚国立大学孔子课堂，2008年3月正式签约，2009年7月正式揭牌运营，2018年7月签约升级为孔子学院。历经十年的发展，新西伯利亚国立大学孔子课堂在在汉语教学、科研、文化交流等各方面工作中均取得了显著的成绩，在中俄语言文化交流和民心相通方面发挥着重要作用。

此次揭牌仪式得到了中外相关领导的广泛关注。孔子学院总部副总干事赵国成、中国驻叶卡捷琳堡总领事耿丽萍、新西伯利亚州教育厅厅长谢·费多鲁克纷纷给孔子学院发来贺信，信中充分肯定了孔子课堂为中俄友好事业及人才培养作出的积极努力和贡献。

新西伯利亚州政府外事局局长谢·萨尼科夫、新西伯利亚国立大学教学副校长谢·萨布莉娜、新西伯利亚国立经济与管理大学补充教育学院院长艾·科洛日瓦里、西伯利亚管理学院国际处处长罗·古采夫、新西伯利亚市 112 中学校长瓦·普拉托诺夫、121 中学副校长塔·维佳耶娃、新西伯利亚国立技术大学孔子学院中方院长王婵娟等受邀参加了本次活动。新疆大学副校长蒋海军亲率领导代表团前来新西伯利亚国立大学访问，出席并参加了本次揭牌仪式。

揭牌仪式上，谢·萨布莉娜宣读了新西伯利亚国立大学校长米·费多鲁克的贺信。信中米·费多鲁克指出，十年来孔子课堂在俄罗斯高校本科汉语教学及科研、本土汉语教师培训、中小学汉语教学及文化活动方面做了大量工作，成绩显著。现阶段，新西伯利亚国立大学孔子学院将迎来教育及科研发展的新机遇。

赵国成表示，在中俄双方的共同努力下，孔子课堂办学成绩显著，开设了适应各类学员的汉语文化课程，培养了大批优秀汉语人才，不断推进新西伯利亚地区汉语教学和文化传播向更深层次迈进，为增进中俄人民之间的相互理解和友谊作出了积极贡献。

© Би Синьхуэй, Ю. А. Азаренко, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies

新疆大学蒋海军宣读了新疆大学的贺信，信中表示，十年来，新西伯利亚国立大学和新疆大学精诚合作，共商发展大计，来自两校的领导们、中外方院长和教师们勤奋耕耘、甘于奉献，培养了一大批优秀汉语人才，为将孔子课堂建设成中俄人民友谊的桥梁贡献着力量。

接着，谢·萨布莉娜和蒋海军共同为新疆大学孔子学院揭牌。新疆大学孔子学院向来宾们播放了宣传片，介绍了汉语教学点开设情况，以及在汉语教学、文化传播、科学研究、合作交流等方面取得的成绩。

最后，孔子学院外方院长尤·阿扎莲科和中方院长毕新惠向一直以来关心和支持孔院发展的领导、汉语教师和友好人士表示感谢，向各合作单位赠送了感谢铭牌。来宾们也向新疆大学孔子学院对各教学点工作的支持表达了谢意，希望新疆大学孔子学院今后在新西伯利亚地区汉语教学及师资培训方面发挥更大的引领作用。

当前，孔子学院抓住“汉语热”这一大时代背景，严格遵守汉办规章制度和当地法律，在扩大教学规模的同时更加注重“提质增效”，提升办学水平和办学质量。孔院下一阶段将继续利用各方资源，发挥自身优势，继往开来，为中俄两国文化交流作出更多更新的贡献。

Первого июля 2019 года в НГУ состоялось празднование десятилетия участия НГУ в китайском международном проекте «Институт Конфуция». Мероприятие посетили преподаватели, ученики, сотрудники проекта из разных учебных учреждений, а также делегация Синьцзянского университета под руководством проректора по международным связям господина Цзяна Хайцзюня.

В марте 2008 г. было подписано Соглашение между НГУ и Штаб-квартирой институтов Конфуция (Пекин) об образовании Класса Конфуция НГУ, в июле 2009 г. состоялось его официальное открытие. По результатам работы в 2011 г. Класс Конфуция НГУ получил звание «передового», а в 2018 г. признание китайской и российской сторонами достижений проекта выразилось в повышении его статуса до «института», что закрепили новые соглашения о сотрудничестве НГУ со Штаб-квартирой и Синьцзянским университетом.

В рамках празднования состоялась торжественная церемония открытия доставленной из Пекина вывески «института Конфуция» проректором Цзяном и проректором НГУ по учебной работе С. Г. Саблиной (рис. 1, 4). Прозвучали поздравления от заместителя директора Штаб-квартиры господина Чжао Гочэна, генерального консула КНР в Екатеринбурге Гэн Липина, ректора Синьцзянского университета Сюй Сяньи (рис. 1, 3) и ректора НГУ М. П. Федорука (рис. 1, 2). О значении участия НГУ в международном проекте «Институт Конфуция» произнес речь начальник управления международных связей Администрации губернатора НСО и правительства НСО С. В. Санников (рис. 1, 1). Благодарственное письмо на имя ректора НГУ в связи с деятельностью университета в рамках проекта «Институт Конфуция» направил министр образования области С. В. Федорчук.

Поздравить Класс Конфуция пришли сотрудники международного отдела и другие коллеги из университета, прибыли представители учреждений-партнеров из Новосибирска (рис. 2, 1). Самая массовая делегация представляла Сибирский институт управления РАНХиГС, вручившая поздравление в обрамлении коллажа из фотографий с совместных мероприятий (рис. 2, 2). Подарок преподнесли студенты института, изучающие китайский язык, выступив в завершение мероприятия с чудесной песней. Гости получили памятные альбомы

Рис. 1. Празднование юбилея класса Конфуция ГИ НГУ: 1 – выступление С. В. Санникова; 2 – проректор НГУ С. Г. Саблина зачитывает поздравление от ректора НГУ; 3 – проректор Синьцзянского университета Цзян Хайцзюнь зачитывает поздравление от своего университета; 4 – проректоры Синьцзянского университета и НГУ торжественно открывают табличку института Конфуция

Рис. 2. Празднование юбилея класса Конфуция ГИ НГУ: 1 – вручение благодарственного письма зав. кафедрой востоковедения НГУ проф. Е. Э. Войтишек; 2 – вручение поздравления ИК НГУ Сибирским институтом управления РАНХиГС; 3 – общее фото

с многочисленными фотографиями за 10 лет и представлением всех учреждений, сотрудничающих в проекте «Институт Конфуция НГУ» (рис. 2, 3).

2019 год – юбилейный для дипломатических отношений между КНР и Россией. Работа научно-образовательного и культурного центра НГУ «Институт Конфуция» вносит значимый вклад в дружбу народов, и ее плодотворность неразрывно связана с постоянной поддержкой руководства НГУ и Сынцзянского университета, Штаб-квартиры институтов Конфуция, дипломатических представительств КНР.

Материал поступил в редколлегию

Received

30.08.2019

УДК 903.27(510.2)

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-106-113

Путешествие на Северо-Запад за петроглифами

А. В. Варенов¹, М. А. Кудинова²

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

² Пекинский университет
Пекин, Китай

Аннотация

Представлен отчет о научной командировке в пров. Ганьсу КНР в июле 2019 г. В ходе поездки коллективу авторов удалось провести консультации с китайскими специалистами-петроглифоведами, ознакомиться с музейными коллекциями в Ланьчжоу (Музей Северо-Западного университета, Исторический музей пров. Ганьсу), а также посетить памятник наскального искусства Уцзячуань (уезд Цзинъюань, пров. Ганьсу). Приводятся краткие описания вышеназванного памятника и музейных коллекций.

Ключевые слова

Северо-Западный Китай, пров. Ганьсу, археология, музеи, петроглифы, памятник Уцзячуань.

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00557.

Авторы выражают глубокую признательность за помощь в организации поездки профессору Китайского университета Гонконга д-ру Тан Чуну, доценту Северо-Западного педагогического университета, главному редактору журнала «Шелковый путь» Фэн Юйлэю, сотрудникам Института памятников материальной культуры и археологии Нинся-Хуэйского АР Ма Цяну и Ма Тяньсину, специалисту Управления по охране памятников культуры г. Чжунвэй Лян Биньцзе и другим китайским коллегам.

Для цитирования

Варенов А. В., Кудинова М. А. Путешествие на Северо-Запад за петроглифами // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение. С. 106–113. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-106-113

A Journey to the North-West in Search of Rock Art

A. V. Varenov¹, M. A. Kudinova²

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

² Peking University
Beijing, China

Abstract

A report on the scientific journey to Gansu province of the PRC in July 2019 is presented. During the journey the authors had consultations with the Chinese rock art specialists, visited the Historical museum of Gansu province, the Museum of North-Western University and the Wujiachuan rock art site in Jingyuan county of Gansu province. Brief descriptions of the rock art site and museum collections are given.

Keywords

Northwest China, Gansu province, archaeology, museums, rock art, Wujiachuan site

Acknowledgments

This paper was prepared with the financial support of the RFBR, project № 18-09-00557

The authors express their deepest gratitude for the help in organizing this trip that they received from Professor of the Chinese University of Hong Kong, editor-in-chief of «Silk Road» journal and Associate Professor of Northwest

Normal University Feng Yulei, researchers of Ningxia Institute of Cultural Relics and Archaeology Ma Qiang and Ma Tianxing, specialist of Zhongwei administrative department of cultural relics Liang Binjie and other Chinese colleagues.

For citation

Varenov A. V., Kudinova M. A. A Journey to the North-West in Search of Rock Art. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies, p. 106–113. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-106-113

В начале июля 2019 г. сотрудники Новосибирского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН в рамках работы над проектом «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)» совершили научную командировку в провинцию Ганьсу и Нинся-Хуэйский автономный район. Северо-западные районы Китая богаты памятниками наскального искусства, кроме того, петроглифы данной части страны достаточно хорошо изучены. Еще одним фактором, обусловившим выбор именно этого направления поездки, является важность сведений о наскальном искусстве северо-западного Китая для исследования территориально близких петроглифов Южной Сибири, Алтая, Монголии. Разумеется, справедливо и обратное положение: знания о давно и плодотворно изучаемых памятниках наскального искусства Сибири и Центральной Азии и наработках в этой области российских археологов могут помочь китайским коллегам существенно продвинуться вперед в исследовании местных петроглифов. В данной заметке мы представим краткий отчет о пребывании сибирских ученых в пров. Ганьсу и проведенных там работах.

Базовой принимающей организацией в пров. Ганьсу выступили Северо-Западный педагогический университет и редакция издающегося им журнала «Шелковый путь». К глубокому сожалению, в этот раз так и не удалось наладить конструктивное сотрудничество с академическим Институтом археологии и материальной культуры пров. Ганьсу. Все контакты с ним ограничились краткой получасовой экскурсией в конце рабочего дня в слабо освещенное подвальное хранилище этого учреждения и попытками рассмотреть содержащиеся там материалы через остекленные дверцы запертых шкафов в заключительный день нашего пребывания в Ланьчжоу.

В первый же день пребывания в Ланьчжоу новосибирские исследователи посетили Музей Северо-Западного педагогического университета, который по своей структуре, содержанию и полноте экспозиции ничем не отличается от привычных для нас краеведческих музеев областного уровня. В четырехэтажном здании выделяется четыре основных направления, расположенных на разных этажах: 1) природа пров. Ганьсу (полезные ископаемые, современные животные, птицы, рыбы и растения); 2) палеонтология (окаменелости моллюсков, кости динозавров и других ископаемых животных, начиная от мезозойской эры и вплоть до конца плейстоцена); 3) история (включая археологию); 4) революция (история XX века). В доисторическом отделе материал из пров. Ганьсу разбит по археологическим культурам и идет в хронологическом порядке – от палеолита, через неолит крашеной керамики (культура Яншао в вариантах Баньпо и Мяодигоу, культуры Мацзяяо, Баньшань и Мачан), энеолит (культура Цицзя), многочисленные частично синхронные культуры эпохи бронзы и раннего железного века (Синьдянь, Сыба, Сыва, Цяю / Каюэ, Шацзин) и до включения в состав китайского государства при империи Хань. Вся средневековая экспозиция строится с опорой на письменные источники, археологические артефакты немногочисленны.

На второй день новосибирская делегация приняла участие в работе Международного научного семинара «Археологическое изучение древних и средневековых петроглифов», организованного совместно редакцией журнала «Шелковый путь», Северо-Западным педагогическим университетом и Городским институтом Ланьчжоу. Сибирские участники представили сообщения о взаимосвязи петроглифов и скульптурных изображений на «аллеях духов» (А. И. Соловьев), о связи петроглифов и оленных камней (А. В. Варенов), об образе орла в сакском искусстве и на петроглифах Центральной Азии (Д. П. Шульга), о семантике некоторых изображений писаницы Хуашань в Южном Китае (М. А. Кудинова) (рис. 1, 1). Докла-

ды китайских коллег были посвящены истории исследования и новым находкам петроглифов «цивилизации Хуанхэ» в бассейне одноименной реки на территории пров. Ганьсу (Лю Цзайцун), реконструкции охотничьего оружия (метательных шаров и многозубчатых орудий) на основе наскальных изображений из Лаогуайя в уезде Цзинтай (Гао Циань), разведке петроглифов в Ганьсуйском коридоре (Юэ Сяодун) (рис. 1, 2).

Во второй половине дня, после завершения Международного научного семинара, новосибирские исследователи посетили Исторический музей провинции Ганьсу (рис. 1, 3). Музей пров. Ганьсу, как и большинство региональных музеев Китая, отличается тем, что основная экспозиция организована не по хронологическому принципу (история провинции с древнейших времен до современности), а по тематическому: несколько разделов отражают специфические черты культуры Ганьсу, ставшие своеобразными символами этого района Китая – доисторическая расписная керамика, артефакты, связанные с развитием коммуникации по Шелковому пути, и буддийское искусство Дуньхуана. В залах с крашеной керамикой размещены экспонаты, принадлежащие к различным археологическим культурам, последовательно или синхронно существовавшим на территории Ганьсу в период от среднего неолита (культура Яншао) до раннего железного века (культура Шацзин) (рис. 2). Интерактивные панели позволяют наглядно представить процесс эволюции и смены одних культур другими, ареалы их распространения, примеры наиболее характерных форм керамических сосудов и орнаментов росписей.

Рис. 1. Делегация сибирских археологов в Ланьчжоу:
1 – заседание Международного семинара; 2 – групповое фото участников Международного семинара;
3 – перед зданием Исторического музея пров. Ганьсу. Фото М. А. Кудиновой

Fig. 1. Delegation of Siberian archaeologists in Lanzhou:
1 – the International seminar meeting; 2 – group photo of the participants of the International seminar;
3 – in front of the Historical museum of Gansu province. Photo by M. A. Kudinova

Рис. 2. Керамика из экспозиции Исторического музея пров. Ганьсу:
 1 – расписная бутылка *пин* с антропоморфным горлышком (культура Мацзяяо, стоянка Дадивань);
 2 – горшок *гуань* с изображением собак (культура Мацзяяо, стоянка Дадивань);
 3 – антропоморфный горшок *гуань* (культура Мачан).
 Фото А. В. Варенова

Fig. 2. Painted pottery from the Historical museum of Gansu province:
 1 – painted pottery *ping* bottle with an anthropomorphic neck (Majiayao culture, Dadiwan site);
 2 – *guan* pot featuring painted dogs images (Majiayao culture, Dadiwan site);
 3 – anthropomorphic *guan* pot (Machang culture).
 Photo by A. V. Varenov

В залах, посвященных археологии Шелкового пути, выставлены предметы, относящиеся ко времени от первого путешествия Чжан Цяня в Западный край в период правления династии Западная Хань до монгольского завоевания. Это импортные вещи (в основном предметы роскоши, например ювелирные изделия, украшения конской упряжи, стеклянные и металлические сосуды), римские и персидские монеты, керамические фигурки иностранцев и верблюдов, навьюченных тюками с шелком и т. д. Буддийское искусство представлено каменной и металлической скульптурой разных эпох, а также репродукциями дуньхуанских настенных росписей и даже полными копиями-реконструкциями отдельных пещер. Археологические находки из экспозиции музея пров. Ганьсу, весьма информативные и сами по себе (см., например, [Кудинова, 2016. С. 36]), могут привлекаться для сопоставительного анализа в целях уточнения генезиса, семантики, хронологии, периодизации и этнокультурной атрибу-

буции петроглифов (см. [Варенов, 2018. С. 21, 24–25]) и оленных камней (см. [Варенов, 2016. С. 208]).

Петроглифы в пров. Ганьсу распространены, в основном, в ее гористых западной и центральной (Ганьсуйский коридор) частях. На востоке провинции, где расположен ее административный центр г. Ланьчжоу, в рельефе преобладают лессовые холмы, а наскальные изображения крайне немногочисленны, их местонахождения можно буквально пересчитать по пальцам одной руки. На третий день участникам поездки удалось ознакомиться с петроглифами местонахождения Уцзячуань (吴家川) в уезде Цзиньюань. Памятник обнаружен в 1976 г. Изображения в технике выбивки нанесены на естественную поверхность красного песчаника. Рисунки принадлежат к разным эпохам и культурам. Как следует из текста информационной таблички, установленной на памятнике, китайские специалисты датируют их очень широко – от неолита до эпохи Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) включительно. Однако Чжан Баоси отмечает, что рисунки, скорее всего, выполнены металлическими инструментами, что уже ставит под сомнение возможность датирования изображений ранее, чем эпоха бронзы [Чжан Баоси, 1983]. Экспертная оценка возраста памятника членами российской делегации оказалась куда скромнее: от рубежа эр до развитого средневековья включительно.

Размер памятника невелик: две плоскости с рисунками и одиночное зооморфное изображение на отколоте фрагменте скалы. Восточная плоскость больше по площади (высота составляет около 2,20 м, ширина – 4,80 м). Здесь присутствуют изображения оленей и козлов, а также современные иероглифические надписи (рис. 3, 1, 2). Западная плоскость меньше (высота – 2,95 м, ширина – 2,75 м). Помимо оленей и козлов, выбиты по меньшей мере восемь конных всадников (в силу чего памятник невозможно датировать эпохой бронзы и тем более неолитом), а также изображение лучника и еще несколько антропоморфных фигур (рис. 3, 3). Не менее шести всадников и один стоящий человек показаны в специфических головных уборах, напоминающих корону с тремя зубцами (рис. 3, 4), что, заметим, находит соответствие в древнетюркских изображениях Горного Алтая. В погребении 16 могильника Кудыргэ встречен валун-изваяние, на двух сторонах которого выгравирована так называемая «сцена коленапреклонения» [Гаврилова, 1965. С. 19–20, табл. VI, 2]. Показана фигура женщины в трехрогом головном уборе с ребенком, перед которой склонились три гораздо меньших по размеру спешившихся всадника. Центральный из них тоже в трехрогом головном уборе, а на гривах у всех трех коней выстрижено по три зубца. Детальный разбор кудыргинского сюжета, его анализ и интерпретацию см. [Азбелев, 2010]. В 2017 г. в урочище Дялбак в Восточном Алтае открыты раннесредневековые гравированные изображения. Среди них есть фигура сидящего на коне воина с копьем в руках и в трехрогом головном уборе. На гриве коня выстрижены три зубца [Константинов, Урбушев, 2018. С. 271–272].

Представляет интерес рисунок в левой части западной плоскости, состоящий из разделенной на четыре сектора окружности и символа, напоминающего схематически исполненную человеческую фигуру. Возможно, это изображение солярного божества (как считают китайские археологи) или шамана с бубном. Поиски шаманских сюжетов в сибирских и центрально-азиатских наскальных изображениях стали в последние десятилетия весьма популярны у российских [Devlet, 2001; Kubarev, 2002] и западных исследователей (См.: [Francfort, 2001; Horpál, 1992; Rozwadowski, 2002; Розвадовский, 2014]). Шаманами обычно считают персонажей наскального искусства в рогатых головных уборах и/или в костюмах, обильно украшенных по рукавам, бокам и подолу бахромой и/или с бубнами (разделенными на четыре сектора кружками) в руках или над головой. Не обойдены вниманием «шамановедов» от первобытного искусства и китайские петроглифы (см., например: [Demattè, 2004]). Шаманов усматривают в том числе и в лице «солнцеголовых» персонажей Саймалы-Таша в Киргизии и Тамгалы в Восточном Казахстане [Rozwadowski, 2001]. «Солярную» версию с несколько экзотической аргументацией (на основе сопоставлений с иероглификой) предлагает в своей работе Лю Кэ [2010]. С древними фигурами на западной плоскости также соседствуют современные иероглифы.

Рис. 3. Наскальные рисунки памятника Уцзячуань, уезд Цзинъюань:
 1 – восточная плоскость, левая часть; 2 – восточная плоскость, правая часть; 3 – западная плоскость;
 4 – западная плоскость, деталь (1–3 – фото М. А. Кудиновой, 4 – фото А. В. Варенова)

Fig. 3. Rock art of the Wujiachuan site, Jingyuan county:
 1 – eastern panel, left side; 2 – eastern panel, right side; 3 – western panel; 4 – western panel, detail
 (1–3 – photo by M. A. Kudinova, 4 – photo by A. V. Varenov)

К сожалению, в настоящее время памятник разрушается под воздействием как природных, так и антропогенных факторов. Порода, на которой выполнены изображения, очень мягкая, по плотности близкая к мелу, и подвержена эрозии. Ведущиеся в непосредственной близости от местонахождения масштабные строительные работы усугубляют риск ее повреждения. В какой-то степени этому препятствуют проведенные китайскими специалистами работы по консервации памятника, вся поверхность которого, не покрытая рисунками, сплошь укреплена цементом и/или гипсом, тонированными под цвет природной скалы.

Полученные в ходе командировки в пров. Ганьсу материалы позволят значительно расширить представление о наскальном искусстве северо-западных районов Китая и станут основой для дальнейших теоретических и экспедиционных исследований в рамках поддержанного РФФИ проекта. И, конечно, в памяти сибиряков навсегда останутся вечерние прогулки по набережной Хуанхэ, незабываемые виды ночного Ланьчжоу.

Список литературы

- Азбелев П. П. Кудыргинский сюжет. СПб.: ЛЕМА, 2010. 60 с.
- Варенов А. В. О китайских неолитических корнях оленных камней монголо-забайкальского стиля и их социально-семантической интерпретации // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2016. № 2. С. 195–211.
- Варенов А. В. Петроглифы «в стиле оленных камней» и «демонические псы» из Китая // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2018. Т. 17, № 10: Востокведение. С. 9–29. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-9-29

- Гаврилова А. А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 144 с.
- Константинов Н. А., Урбушев А. У.** Раннесредневековые гравировки Дялбака // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2018. Вып. 2. С. 270–272.
- Кудинова М. А.** Образ собаки в неолитическом искусстве Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 4: Востоковедение. С. 33–41.
- Розвадовский А.** Наскальное искусство и шаманизм: феноменология, контекст и этика // Теория и практика археологических исследований. 2014. № 2 (10). С. 57–71. DOI 10.14258/pai(2014)2(10).-04
- Demattè P.** Beyond shamanism: Landscape and self-expression in the petroglyphs of Inner Mongolia and Ningxia (China). *Cambridge Archaeological Journal*, 2004, no. 14 (1), p. 5–23.
- Devlet E.** Rock art and the material culture of Siberian and Central Asian shamanism. In: *The archaeology of shamanism*. London, New York, Routledge, 2001, p. 43–55.
- Francfort H.-P.** Art, archaeology and the prehistories of shamanism in Inner Asia. In: *The concept of shamanism: uses and abuses*. Budapest, Akadémia Kiadó, 2001, p. 243–276.
- Hoppál M.** On the origins of shamanism and the Siberian rock art. In: *Studies on shamanism*. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1992, p. 132–149.
- Kubarev V. D.** Traces of shamanic motives in the petroglyphs and burial paintings of the Gorno-Altai. In: *Spirits and Stones: shamanism and rock art in Central Asia and Siberia*. Poznań, Instytut Wschodni UAM, 2002, p. 99–119.
- Rozwadowski A.** Sun gods or shamans? Interpreting the ‘solar-headed’ petroglyphs of Central Asia. In: *The archaeology of shamanism*. London, New York, Routledge, 2001, p. 65–86.
- Rozwadowski A.** The antiquity and dynamics of Central Asian shamanism and rock art. In: *The Turks*. Istanbul, Yeni Türkiye Research and Publication Center, 2002, vol. 1, p. 967–980.
- Лю Кэ.** Цун Уцзячуань яньхуа юй цзягувэнь дэ бицзяо кань шу-хуа тунъюань [刘珂。从吴家川岩画与甲骨文的比较看书画同源] Общие истоки каллиграфии и живописи, видные из сравнения петроглифов Уцзячуань и надписей на гадательных костях (цзягувэнь) // Вестник Педагогического колледжа Аба. 2010. Т. 27, вып. 3. С. 104–105, 114 (на кит. яз.)
- Чжан Баоси.** Ганьсу шэн Цзинъюань сянь Уцзячуань фасянь яньхуа [张宝玺。甘肃省靖远县吴家川发现岩画] Петроглифы, обнаруженные в Уцзячуань, уезда Цзинъюань пров. Ганьсу // Вэньбу. 1983. № 2. С. 46–47 (на кит. яз.)

References

- Azbelev P. P.** Kudyrginskiy syuzhet [The Kudyрге plot]. St. Petersburg, LEMA Publishers, 2010, 60 p. (in Russ.)
- Demattè P.** Beyond shamanism: Landscape and self-expression in the petroglyphs of Inner Mongolia and Ningxia (China). *Cambridge Archaeological Journal*, 2004, no. 14 (1), p. 5–23.
- Devlet E.** Rock art and the material culture of Siberian and Central Asian shamanism. In: *The archaeology of shamanism*. London, New York, Routledge, 2001, p. 43–55.
- Francfort H.-P.** Art, archaeology and the prehistories of shamanism in Inner Asia. In: *The concept of shamanism: uses and abuses*. Budapest, Akadémia Kiadó, 2001, p. 243–276.
- Gavrilova A. A.** Mogilnik Kudyрге kak istochnik po istorii altaiskih plemen [Kudyрге burial ground as the source on the history of Altai tribes]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1965, 144 p. (in Russ.)
- Hoppál M.** On the origins of shamanism and the Siberian rock art. In: *Studies on shamanism*. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1992, p. 132–149.
- Konstantinov N. A., Urbushev A. U.** Rannesrednevekovye gravirovki Dyalbaka [Early medieval engravings of Dyalbak]. In: *Sovremennye resheniya aktualnykh problem evraziiskoi arheologii* [Modern decisions of actual problems of Eurasian archaeology]. Collection of papers. Ed. by A. A. Tishkin. Barnaul, Altai State University Publishers, 2018, iss. 2, p. 270–272. (in Russ.)

- Kubarev V. D.** Traces of shamanic motives in the petroglyphs and burial paintings of the Gorno-Altai. In: *Spirits and Stones: shamanism and rock art in Central Asia and Siberia*. Poznań, Instytut Wschodni UAM, 2002, p. 99–119.
- Kudinova M. A.** Image of a Dog in Neolithic Art of China. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2016, vol. 15, no. 4: Oriental Studies, p. 33–41. (in Russ.)
- Liu Ke.** Cong Wujiachuan yanhua yu jiaguwende bijiao kan shu-hua tongyuan [刘珂。从吴家川岩画与甲骨文的比较看书画同源]. The homology of calligraphy and painting as seen from the comparison of Wujiachuan petroglyphs and jiaguwen. *Journal of Aba teachers college*, 2010, vol. 27, no. 3, p. 104–105, 114. (in Chin.)
- Rozwadowski A.** Rock art and shamanism: phenomenology, context and ethics. *Theory and practice of archaeological research*, 2014, no. 2 (10), p. 57–71. (in Russ.) DOI 10.14258/tpai(2014)2(10).-04
- Rozwadowski A.** Sun gods or shamans? Interpreting the ‘solar-headed’ petroglyphs of Central Asia. In: *The archaeology of shamanism*. London, New York, Routledge, 2001, p. 65–86.
- Rozwadowski A.** The antiquity and dynamics of Central Asian shamanism and rock art. In: *The Turks*. Istanbul, Yeni Türkiye Research and Publication Center, 2002, vol. 1, p. 967–980.
- Varenov A. V.** On the Chinese Neolithic Roots of Stag Stones of Mongolian-Trans-Baikal Style and their Social and Semantic Interpretation. *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*, 2016, no. 2, p. 195–211. (in Russ.)
- Varenov A. V.** “Stag stone style” petroglyphs and “demonic dogs” from China. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies, p. 9–29. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-9-29
- Zhang Baoxi.** Gansu sheng Jingyuan xian Wujiachuan faxian yanhua [张宝玺。甘肃省靖远县吴家川发现岩画] Petroglyphs discovered in Wujiachuan, Jingyuan County, Gansu province. *Wenwu (Cultural Relics)*, 1983, no. 2, p. 46–47. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию
Received
03.10.2019

Сведения об авторах

Варенов Андрей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения ГИ НГУ (ул. Пирогова 1, Новосибирск, 630090, Россия)
avvarenov@mail.ru

Кудинова Мария Андреевна, кандидат исторических наук, докторант Пекинского университета (Пекин, Китай)
maria-kudinova@yandex.ru

Information about the Authors

Andrey V. Varenov, Candidate of Science (History), Associate Professor, Chair of Oriental Studies, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
avvarenov@mail.ru

Maria A. Kudinova, Candidate of Science (History), doctoral student of Peking University (Beijing, China)
maria-kudinova@yandex.ru

УДК 001.83
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-114-121

Новосибирский государственный университет и Евразийско-Тихоокеанская университетская сеть: долгосрочный проект сотрудничества

С. И. Филиппов, Е. Э. Войтишек

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В статье приводится обзор основных научных и организационных мероприятий, проведенных в 2017–2019 гг. отделениями востоковедения и иностранных языков Гуманитарного института Новосибирского государственного университета в тесном сотрудничестве с Евразийско-Тихоокеанской университетской сетью и Венским университетом (Австрия). Упоминаются конференции, выставки, полевые экскурсии, состоявшиеся на академических площадках Австрии, России и Китая (Гонконг), намечаются перспективы совместных исследований.

Ключевые слова

Новосибирский государственный университет, Гуманитарный институт НГУ, Евразийско-Тихоокеанская университетская сеть, EPU, сотрудничество

Для цитирования

Филиппов С. И., Войтишек Е. Э. Новосибирский государственный университет и Евразийско-Тихоокеанская университетская сеть: долгосрочный проект сотрудничества // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение. С. 114–121. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-114-121

Novosibirsk State University and the Eurasia Pacific Uninet: Long-Term Project Relationship

S. I. Filippov, E. E. Voytishek

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article presents an overview of key scientific and corporate events held between 2017–2019 hosted by the Oriental Studies and Foreign Languages Departments of the Institute of Humanities of Novosibirsk State University in close partnership with the Eurasia-Pacific University Network and the University of Vienna (Austria). The listed conferences, expos and field trips were held at the academic sites of Austria, Russia and China (Hong Kong), opening up prospective plans for joint research.

Keywords

Novosibirsk State University, NSU, Eurasia Pacific Uninet, EPU, relationship

For citation

Filippov S. I., Voytishek E. E. Novosibirsk State University and the Eurasia Pacific Uninet: Long-Term Project Relationship. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies, p. 114–121. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-114-121

© С. И. Филиппов, Е. Э. Войтишек, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies

Евразийско-Тихоокеанская университетская сеть (Eurasia Pacific Uninet, EPU), основанная в 2000 г., к которой Новосибирский государственный университет (НГУ) присоединился в 2004 г., объединяет различные учебные и научно-исследовательские учреждения многих стран – более 160 участников из Австрии, России, Китая, КНДР, Республики Корея, Бутана, Непала, Индии, Тайваня, Монголии, а также государств Центральной Азии. В состав этой ассоциации входят ведущие многие мировые университеты – такие, как Гонконгский университет, Китайский университет Гонконга, Сеульский национальный университет, Фуданьский университет, Венский университет и др. К задачам Евразийско-Тихоокеанской университетской сети, штаб которой находится в Вене (Австрия), относится развитие многостороннего научного и академического сотрудничества, проведение совместных научно-исследовательских проектов и конференций, поддержка академических и преподавательских обменов между вузами-участниками ассоциации. За время сотрудничества с EPU студенты, аспиранты и преподаватели НГУ приняли участие в нескольких научно-образовательных стажировках и конференциях по гуманитарным и естественнонаучным направлениям, по медицинским и компьютерным наукам, поучаствовали в пленарных заседаниях Евразийско-Тихоокеанской университетской сети, посвященных актуальным вопросам и планированию совместных проектов – в Пекине (2008), Шанхае (2009, 2012), Нанкине (2010), Сеуле (2015), Вене (2015) [Филиппов, Войтишек, 2017. С. 113].

Последние годы сотрудничества НГУ и Евразийско-Тихоокеанской университетской сети (2017–2019) ознаменовались исключительно активным взаимодействием в гуманитарной области – в организации нескольких конференций, заседаний на разных площадках, а также проведении выставок и полевых исследований. Примечательно, что соорганизатором всех этих мероприятий наряду с Венским университетом и функционирующим при нем Институтом Конфуция выступил Гуманитарный институт НГУ, а именно отделения востоковедения и лингвистики.

Так, в сентябре 2017 г. на академических площадках НГУ состоялась конференция «Защита культурного наследия в периоды миграции», где приняли участие известные ученые и молодые исследователи из Австрии, России, Китая (см. [Филиппов, Войтишек, 2017]).

В середине марта 2018 г. при поддержке в EPU Политехническом университете Гонконга (PolyU) состоялся международный симпозиум «Authenticity and Representation – Case Studies (Yuanmingyuan and others)», в работе которого кроме зам. директора ГИ НГУ доц. С. И. Филиппова и зав. отделением и кафедрой востоковедения проф. Е. Э. Войтишек приняли участие ученые из университетов Австрии, Гонконга и Макао. В фокусе внимания участников конференции из России, Китая, Австрии оказались вопросы защиты культурного наследия в странах Евразии, а также анализ историко-культурных и социально-политических подходов в научных кругах Востока и Запада к данной проблематике, особенно в современный период постколониального сознания. Украшением мероприятия стала выставка гравюр австрийской художницы Барбары Салаун (Barbara Salaun), посвященная реконструкции парка Юаньминьюань (Yuanmingyuan) в Пекине, разрушенного в середине XIX в. во время Опиумных войн¹.

В конце октября 2018 г. в рамках работы форума «Наследие», проводимого Гуманитарным институтом НГУ, отделение востоковедения принимало гостей из разных уголков России, ближнего и дальнего зарубежья для участия в конференции «Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока». В конференции приняли участие около 50 участников, в том числе сотрудники университетов и институтов Австрии, Китая, Кореи, Нидерландов, Франции, Японии, Казахстана, Таджикистана. Широкая география участников отражала важность комплексных, в том числе и совместных, исследований от Ближнего до Дальнего Востока². Тематика конференции помимо анализа важ-

¹ Делегация сотрудников Гуманитарного института НГУ приняла участие в международном симпозиуме в Гонконге. URL: https://nsu.ru/simp_Gon_2018 (дата обращения 25.08.2019).

² К перекрестному году Японии и России: дни японской культуры в НГУ. URL: <https://www.nsu.ru/n/humanities-institute/media/news/2790565/> (дата обращения 27.08.2019).

нейших социокультурных процессов стран Восточной Азии в историческом развитии затрагивала и острую современную проблематику, объединяющую страны Центральной Азии и Ближнего Востока³.

Одновременно с проведением конференции при поддержке Евразийско-Тихоокеанской университетской сети удалось пригласить упомянутую австрийскую художницу Барбару Салаун с выставкой «Виртуальная реконструкция парка Юаньминьюань в Пекине. Соприкосновение пурпурного и золотого», на открытии которой автор рассказала об особенностях своей техники создания художественных гравюр и о совместной работе с китайскими коллегами по реконструкции выдающегося памятника садово-паркового искусства, ставшего к настоящему времени настоящим символом национальной культуры. В рамках мероприятия преподаватели и студенты отделения востоковедения провели целую серию мастер-классов и викторин по традиционным процессуальным искусствам Востока⁴ (рис. 1).

Рис. 1. На открытии выставки художницы Барбары Салаун (Австрия) в НГУ.
Октябрь 2018 г., Новосибирск

Fig. 1. The opening exhibition of artist Barbara Salaun (Austria) at NSU.
October 2018, Novosibirsk

Особой страницей в истории международного сотрудничества НГУ и ЕПУ в гуманитарной сфере являются мероприятия 2019 г. Так, в апреле в Политехническом университете Гонконга (PolyU) состоялся международный симпозиум «Insular Studies and One Belt One Road», снова объединивший ученых Австрии, Китая и России (рис. 2).

³ Востоковедение живо и будет развиваться. URL: <https://www.nsu.ru/n/humanities-institute/media/news/2790572/> (дата обращения 27.08.2019).

⁴ Выставка работ Барбары Салаун «Виртуальная реконструкция китайского парка Юаньминьюань в Пекине: Соприкосновение пурпурного и золотого» прошла в НГУ. URL: <https://www.nsu.ru/n/humanities-institute/media/news/2790560/> (дата обращения 28.08.2019).

Рис. 2. Представители НГУ с вице-президентом ассоциации EPU, профессором Р. Трапплом (Австрия) на конференции в Политехническом университете Гонконга. Апрель 2019 г., Гонконг

Fig. 2. NSU representatives with Vice President of the EPU Association, Professor R. Trappl (Austria) at a conference at the Polytechnic University (PolyU) of Hong Kong. April 2019, Hong Kong

И уже в середине мая 2019 г. сотрудники ГИ НГУ, ответственные за развитие отношений с EPU в гуманитарной области (доц. С. И. Филиппов и проф. Е. Э. Войтишек), приняли участие в работе VI Пленарного заседания в Вене, где собрались более 100 представителей учреждений – членов EPU. На заседаниях подводились итоги проделанной работы, обсуждались и конкретизировались совместные проекты в различных областях знания. Представители НГУ выступили с презентациями о международном и научном сотрудничестве с университетами-членами ассоциации. Активную роль Новосибирского госуниверситета в рамках деятельности ассоциации неоднократно подчеркивали в своих выступлениях президент EPU, профессор В.-Д. Рауш (W.-D. Raush), вице-президент, директор Института Конфуция Венского университета, профессор Р. Траппл (R. Trappl), а также другие участники Пленарного заседания⁵ (рис. 3).

Летом 2019 г. эстафету международных научных мероприятий под эгидой EPU подхватила столица Сибири: в конце июля в ГИ НГУ состоялась конференция «Культурный трансфер и культурные контакты во Внутренней Азии» – полномасштабный проект, предложенный Евразийско-Тихоокеанской университетской сетью во время работы майского VI Пленарного

⁵ Войтишек Е. Э., Филиппов С. И. Сотрудники НГУ приняли участие в VI Пленарном заседании Евразийско-Тихоокеанской университетской сети в Вене URL: <https://www.nsu.ru/n/media/news/obrazovanie/sotrudniki-ngu-prinyali-uchastie-v-vi-plenarnom-zasedanii-evraziysko-tikhookeanskoy-universitetskoy-/>; <https://www.nsu.ru/n/media/news/obrazovanie/sotrudniki-ngu-prinyali-uchastie-v-vi-plenarnom-zasedanii-evraziysko-tikhookeanskoy-universitetskoy-/> (дата обращения 05.06.2019).

Рис. 3. Представители НГУ на VI Пленарном заседании ассоциации EPU в Венском университете с президентом EPU, профессором В.-Д. Раушем. Май 2019 г., Вена

Fig. 3. NSU representatives at the VI Plenary meeting of the EPU Association at the University of Vienna with the President of EPU, Professor V.-D. Raush. May 2019, Vienna

заседания в Вене. Со стороны хозяев – руководства Гуманитарного института проф. А. С. Зуева и доц. С. И. Филиппова, а также преподавателей и сотрудников отделения востоковедения, – были предприняты всемерные усилия, чтобы в кратчайшие сроки подготовить все необходимое для успешной реализации задуманного проекта. Конференция в НГУ, посвященная межэтническим и межкультурным контактам древности и средневековья Азии, стала очередной вехой в международном сотрудничестве НГУ с ведущими университетами Евро-

пы. В конференции приняли участие известные российские специалисты по истории, археологии, культурной антропологии и искусству из НГУ и НГПУ. Среди иностранных участников конференции были сотрудники Венского университета (Австрия) доц. У. Валленбек, специалист по этническим проблемам приграничных территорий Китая и Монголии, антрополог В. Видорн, директор Западно-Гималайского архива Вены, аспирантка исторического факультета Венского университета С. Цихаус, а также доктор О. Рокпло из Национального института восточных языков и культур (Париж, Сорбонна)⁶ (рис. 4).

Рис. 4. Участники конференции «Культурный трансфер и культурные контакты во Внутренней Азии», проведенной в НГУ под эгидой ассоциации EPU. Июль 2019 г., Новосибирск

Fig. 4. Participants of the “Cultural Transfer and Cultural Contacts in Inner Asia” conference, held at NSU under the aegis of the EPU Association. July 2019, Novosibirsk

В рамках работы конференции состоялась и исследовательская поездка на Алтай. При поддержке Горно-Алтайского госуниверситета участники научного сообщества посетили и сам университет, где состоялась конструктивная встреча с помощником проректора по международным связям, доц. Н. А. Юрковой, и Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина, обсудили перспективы профессионального взаимодействия с директором музея Р. М. Еркиновой. Существенным дополнением к научным прениям на конференции, расширившим представления зарубежных гостей об историко-культурном наследии Сибири и Алтая, стала полевая экскурсия, во время которой участники мероприятия получили возможность съездить в долины рек Чуя и Катунь, познакомиться с петроглифами урочища Калбак-Таш, известными культовыми сооружениями и курганами древности, а также с оборонительными сооружениями средневековья (рис. 5).

⁶ В НГУ прошла Международная конференция «Культурный трансфер и культурные контакты во Внутренней Азии» URL: <https://www.nsu.ru/n/media/news/obrazovanie/v-ngu-proshla-mezhdunarodnaya-konferentsiya-kulturnyy-transfer-i-kulturnye-kontakty-vo-vnutrenney-az/> (дата обращения 02.08.2019).

Рис. 5. Доцент Новосибирского государственного педагогического университета А. В. Запорожченко рассказывает участникам конференции об истории исследования Ининских стел древнего энеолитического культового комплекса и петроглифов урочища Калбак-Таш. Июль 2019, Горный Алтай (фото Е. Э. Войтишек)

Fig. 5. Associate Professor of Novosibirsk State Pedagogical University A. V. Zaporozhchenko addresses conference participants about the history of the study of the Ininsky stelae of the ancient Eneolithic cult complex and Kalbak-Tash rock-painting. July 2019, Gorny Altai Region

В целом можно констатировать, что все международные научно-практические конференции, проведенные при поддержке Ассоциации Евразийского университетского сотрудничества на академических площадках Гуманитарного института НГУ и зарубежных университетов в 2017–2019 гг., прошли на высоком научном и организационном уровне, что свидетельствует о большом потенциале дальнейшего взаимодействия с университетами Европы и Азии.

Список литературы

Филиппов С. И., Войтишек Е. Э. Сотрудничество Новосибирского государственного университета с Евразийско-Тихоокеанской университетской сетью и перспективы взаимодействия // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 10: Востоковедение. С. 113–116.

References

Filippov S. I., Voytishkek E. E. The relationship between Novosibirsk State University and the Eurasia Pacific Uninet (EPU) and the prospects of future collaboration. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2017, vol. 16, no.10: Oriental Studies, p. 113–116. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
25.08.2019*

Сведения об авторах

Филиппов Сергей Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры немецкого языка ГИ НГУ (ул. Пирогова 1, Новосибирск, 630090, Россия)
filippow07@yandex.ru

Войтишек Елена Эдмундовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. кафедрой востоковедения и руководитель направления «Востоковедение и африканистика» Гуманитарного института НГУ (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
orient@lab.nsu.ru

Information about the Authors

Sergei I. Filippov, Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Chair of German language, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
filippow07@yandex.ru

Elena E. Voytishkek – Doctor of History, Professor, Head of the Department of Asian Studies, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University; (1 Pirogov St., Novosibirsk, 6300090, Russian Federation)
orient@lab.nsu.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Авторы представляют статьи на русском языке объемом до 1,0 печатного листа (40 тыс. знаков, шрифт Times New Roman, кегль 12, аннотации – кегль 10, межстрочный интервал 1,5), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить:

- 1) сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы;
- 2) контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора.

Обязательным требованием является наличие *ключевых слов* (не более 15) и *резюме статьи* на русском (не менее 1 000 знаков без пробелов) и английском (240-270 слов – не более 1 800 знаков с пробелами) языках, а также авторский перевод названия статьи на английский язык, индекс УДК (Универсальной десятичной классификации).

Образец оформления статьи

УДК 902.694

**Корейский полуостров и Японские острова:
сложение особенностей и заимствование культурных традиций**

И. С. Гнездилова, А. Л. Нестеркина, Е. А. Соловьева, А. И. Соловьев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация (на русском языке)
Ключевые слова (на русском языке)
Благодарности (на русском языке)

**Korean Peninsula and Japanese Islands:
Forming Features and Borrowing Cultural Traditions**

I. S. Gnezdilova, A. L. Nesterkina, E. A. Solovieva, A. I. Soloviev

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract
Keywords
Acknowledgements

**Основной текст статьи
Список литературы / References**

*Материал поступил в редколлегию
Received*

Сведения об авторах / Information about the Authors

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются фамилия автора или первые слова названия публикации без автора, год, номер страницы, например: [Алексеев, 1976. С. 2] или [Энциклопедия игр, 1989. Т. 1. С. 184].

В конце статьи помещается список литературы (всего не менее 15–20 публикаций, включая размещаемые подстранично интернет-источники) в алфавитном порядке (сначала блок публикаций на русском, затем на европейских и в конце на восточных языках). Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа, для восточных авторов фамилия и личное имя полностью), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи).

Образцы составления библиографического описания

- Ким Бусик.** Самгук саги: Летописи Силла / Пер. и вступ. ст. М. Н. Пака. М.: Вост. лит., 2001. Т. 1. 384 с.
- Черемисина М. И.** Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с.
- Kakar H.** The Fall of the Afghan monarchy in 1973. *Int. J. of Middle Eastern Studies*, 1978, vol. 9, no. 2, p. 195–214.
- Ан Чхольхва.** Маджак пэуги [마작 배우기. 서울: 넥서스 부그스]. Обучение игре маджак. Сеул: Нэксос бук, 2001. 176 с. (на кор. яз.)
- Гакусю: дзиммэй дзитэн [学習人名事典. 東京: 富士教育] Учебный словарь имен. Токио: Фудзи кёйку, 1983. 400 с. (на яп. яз.)
- Ма Гоцзюнь, Ма Шуюнь.** Чжунхуа чуаньтун юси дацюань [麻国钧, 麻淑云. 中华传统游戏大全. 北京: 农村读物出版社]. Все о китайских традиционных играх. Пекин: Нунцунь дуу чубаньшэ чубань, 1990. 610 с. (на кит. яз.)
- Сато Сэкико.** Гэндзи-моногатари-но буцукан – хо:бэн-но оmoi-ни сокуситэ [佐藤勢紀子. 『源氏物語』の仏観 —方便の思いに即して— // 日本文学. 京都: 日本文学教会]. Буддистское мировоззрение в романе «Гэндзи-моногатари»: о принципе хо:бэн // Японская литература. Киото: Нихон бунгаку кё:кай, 2002. № 51–12. С. 1–11. (на яп. яз.)
- Чэнь Сяньдань, Чэнь Дэань.** Шиси саньсиндуй ичжи шандай ихао кэн дэ синчжи цзи югань вэньти [陈显丹, 陈德安. 试析三星堆遗址商代一号坑的性质及有关问题 // 四川文物]. Предварительное изучение характера ямы № 1 шанского времени на памятнике Саньсиндуй и связанных с ней вопросов // Сычуань вэньу. 1987. № 4. С. 27–29. (на кит. яз.)
- Чэнь Хунхай, Ван Гошунь, Мэй Дуаньчжи, Су Нань.** Цинхай тундэ сянй цзунжи ичжи фацзюэ цзяньбао [陈洪海, 王国顺, 梅端智, 素南. 青海同德县宗日遗址发掘简报 // 考古] Краткий отчет о раскопках памятника Цзунжи в уезде Тундэ, пров. Цинхай // Каогу. 1998. № 5. С. 1–14. (на кит. яз.)

Образцы составления списка литературы в транслитерации (References)

- Voytishkek E. E., Bordjigid A., Karpova T. K., Izmailova M. V.** Traditsionnyi prazdnik kalligrafii v Pavil'one Orkhidei i sud'ba sovremennykh intellektualov [Traditional Calligraphy Festival at the Orchid Pavilion and the Destinies of Modern Chinese Intellectuals]. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2012, vol. 12, no. 10: Oriental Studies, p. 163–173. (in Russ.)
- Voytishkek E. E.** Igrovye traditsii v dukhovnoi kul'ture stran Vostochnoi Azii (Kitai, Koreya, Yaponiya) [Game tradition in the culture of East Asia countries (China, Korea, Japan)]. Novosibirsk, 2011, 312 p. (in Russ.)

Sun Yuxiang. Xiandai wenren de yin yu tong [孙玉祥。现代文人的隐与痛。广州市，中国友谊出版公司]. The Secret and Pain of the Modern Man of Culture. Zhongguo youyi chuban gongsi, 2010, 158 p. (in Chin.)

Ссылки на архивные документы, а также источники и труды, опубликованные в Интернете и не поддающиеся библиографическому описанию, как и авторские примечания, оформляются в виде сносок внизу страницы¹. Иллюстрации (рисунки, фотографии) следует предоставлять в форматах .jpg, .tif, .cdr. Допускается создание таблиц и диаграмм в Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Подписи к иллюстрациям и таблицам обязательно предоставляются и на русском, и на английском языках.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе электронной переписки в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи.

Требования к содержанию публикуемых материалов

В «Вестнике НГУ» публикуются материалы, соответствующие основным рубрикам журнала, а также учебно-методические материалы, переводы, рецензии; дискуссии.

Рабочие языки выпуска «Востоковедение» – русский, английский, китайский, японский и корейский. Статьи на иностранных языках публикуются с кратким изложением содержания на русском языке. Для статей, цитат и терминов на восточных языках следует придерживаться следующих рекомендаций: китайский язык – палладианская транскрипция, шрифт SimSun; японский язык – поливановская транскрипция, шрифт MS Mincho; корейский язык – транскрипция «Новая романизация корейского языка» (2000), шрифт Gulim. В списке литературы в конце каждой статьи следует указывать язык, на котором выполнена публикация: (на рус. яз. / кит. яз. / яп. яз. / кор. яз.) и (in Russ. / Chin. / Jap. / Kor.).

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из ранее опубликованных научных работ. Редакция оставляет за собой право редактирования, сокращения (по согласованию с автором) и адаптации публикуемых материалов к рубрикам журнала.

Все статьи проходят **обязательное двойное слепое рецензирование**. По итогам рецензирования принимается решение о возможности публикации представленной статьи. Плата за публикацию не взимается, гонорары не выплачиваются.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (каб. 2211, новый корпус НГУ), переслать по электронной почте или обычной почтой.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Востоковедение» серии «История, филология»:

Новосибирский государственный университет, Гуманитарный институт, отделение востоковедения
ул. Пирогова, 1, каб. 2211, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363 42 37 E-mail: orient@lab.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке, подписной индекс 18288
в каталоге ОАО «Роспечать»

¹ Гасюк А. Обама убил двух зайцев. США сохраняют присутствие в Афганистане как минимум до 2024 года // Рос. газета. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/02/afganistan-site.html> (дата обращения 03.05.2016).